

Министерство общего и профессионального образования
Российской Федерации
Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова

В.Н. Карташов

Введение в общую теорию правовой системы общества

Часть 4

Интерпретационная юридическая практика

Текст лекций

Ярославль 1998

ББК X 062
К 27

Рецензенты: кафедра государственно-правовых дисциплин Нижегородского юридического института МВД РФ; Заслуженный деятель науки РФ, доктор юридических наук, профессор **В.П. Сальников**

К 27 **Карташов В.Н.**
Введение в общую теорию правовой системы общества.
Ч.4. Интерпретационная юридическая практика: Текст лекций / Яросл. гос. ун-т. Ярославль, 1998. 127 с.

В четвертой части предлагаемого текста лекций рассматриваются понятия, основные черты, структуры, функции, принципы и иные вопросы интерпретационной юридической практики.

Рекомендуется студентам юридических вузов и факультетов, слушателям и курсантам высших и средних учебных заведений МВД РФ, аспирантам и научным работникам.

Библиогр.: 94 назв.

© Ярославский государственный
университет, 1998

© В.Н. Карташов, 1998

*Scire leges non hoc est verba
earum tenere, sed vim ac potestatem
(Знать законы не значит держать
в памяти их слова, но значит
понимать их смысл и значение)*

Цельз

Тема 9

Интерпретационная практика в правовой системе общества

9.1. Понятие интерпретационной практики

9.1.1. Исходные предпосылки изучения проблемы

Проблема толкования является одной из центральных в юридической науке и политике, в учебном процессе и конкретной практической деятельности. Поэтому не случайно с древнейших времен и по сей день она привлекает к себе самое пристальное внимание юристов (ученых и практиков).

В отечественной и зарубежной науке существует несколько подходов к исследованию данной проблемы. Так, уже изначально она рассматривалась в рамках *герменевтической традиции*. Термин “герменевтика” (греч. *hermeneutike* < *hermencia*) означает толкование, объяснение. Поэтому под герменевтикой обычно понимается теория и искусство истолкования и понимания разнообразных текстов, знаков и т.д. Наряду с термином “герменевтика” в литературе используется термин “экзегеза” (греч. *exegesis*), которому в латинском языке соответствует термин “*interpretatio*” - толковать, разъяснять что-либо [1. С. 282].

Для того чтобы понять суть данного подхода, кратко рассмотрим природу герменевтики вообще и взгляды правоведов на возможности использования ее в юридической науке и практике.

Основными понятиями герменевтики являются: “понимание”, “смысл”, “язык”, “текст”, “интерпретация”, “традиция”, “герменевтический круг”, “часть и целое”, “цель”, “объяснение” и др. Выделяется философская, лингвистическая, религиозная, юридическая и т.п. герменевтика (подробнее о герменевтике см. [5,6,7,8,66]).

Герменевтический подход имеет значение не только в науке, но и в любой человеческой деятельности, где встает вопрос о понимании и истолковании текстов, о необходимости перевода с одного языка на другой, о правильности понимания “чужого” языка. Ф. Шлейермахер, например, писал: “Все, что предполагается в герменевтике, - это лишь язык, и все, что может быть обнаружено, включая и остальные объективные и субъективные предпосылки, - все это следует находить в языке” [10. S.38]. В. Дильтей также считал герменевтику учением об искусстве понимания письменных фиксированных проявлений жизни [7. С.25].

Герменевтический способ понимания и истолкования реальной действительности основан на проникновении не только во внешне выраженный (объективный), но и в субъективный мир, когда толкование происходит с учетом позиций интерпретатора и индивидуальных особенностей языка автора. Так, еще Ф. Шлейермахер указывал на то, что главная задача герменевта заключается в том, чтобы “суметь исходя из собственных умонастроений проникнуть в умонастроение автора, которого собираешься понять” [10. S.16]. То есть герменевтический подход предполагает активную роль человека (человеческого фактора) в познании вообще и интерпретационной деятельности в частности, необходимость выяснения мотивов, целей и намерений авторов текста, а также исторической обусловленности подготовки и написания данного текста. П. Рикер, например, пишет: “Всякое чтение текста само по себе связано с *quid*, с вопросом о том, “с какой целью” он был написан, и всегда осуществляется внутри того или иного общества, в той или иной традиции или того или иного течения живой мысли ...” [9. С.4].

Однако многие авторы явно преувеличивают роль субъективно-психологических моментов понимания и объяснения любых, в том числе и юридических текстов. Например, В.В. Суслов пишет, что “толкование несомненно является одним из правовых феноменов, явлений сознания, поскольку целиком связано с особенностями функционирования правосознания в структуре механизма правового регулирования” [14. С.115].

Для герменевтики характерен “обращенный” метод - от результатов к истокам познания: историческим фактам, целям, предварительным установкам, принципам и другим основаниям. Цель герменевтики, по

мнению Х.Г. Гадамера, состоит в том, чтобы понять и перенести смысловую связь из другого мира (исторического, личного и т.п.) в свой собственный (см. [8. С.33, 36]).

Одним из центральных в герменевтике является понятие “герменевтический круг”, суть которого заключается в том, что, во-первых, интерпретатор всегда должен иметь в виду взаимосвязь целого и частей, когда целое познается через его части и наоборот. Во-вторых, идея герменевтического круга связывает воедино процессы понимания и объяснения: чтобы понять, необходимо объяснить, но чтобы объяснить, нужно понять (см.: [8. С.30 и след.]). Это первичное понимание (“предпонимание” по М. Хайдеггеру) служит предпосылкой толкования любого текста. В юриспруденции (теоретической и практической) в качестве таких предпосылок выступают по сути дела юридические и иные знания, умения, навыки и т.п. интерпретатора (его личный опыт), а также объективированный вовне правовой и иной социальный опыт (социальная и правовая “память”).

Важное значение в герменевтике придается идее о понимании и объяснении как реконструктивном процессе, в ходе которого для правильного уяснения смысла и значения текста интерпретатор реконструирует его и логически преобразует (см. [7. С.173]). Это позволяет подойти к проблеме юридического толкования с кибернетической и информационной точек зрения.

Ученые по-разному относятся к использованию герменевтической традиции в науке и практической деятельности. Некоторые из них (М. Хайдеггер, П. Рикер и др.) считают герменевтику единственной и универсальной наукой, в рамках которой только и возможно правильное понимание и объяснение реальной действительности. Вряд ли такую точку зрения следует считать серьезной и достаточно обоснованной.

Нельзя, видимо, согласиться и с авторами (Г. Пухта, Ф. Регельсбергер и др.), которые считали герменевтику весьма поверхностной, бесплодной, не проникающей в суть дела дисциплиной. По мнению Ф. Регельсбергера, юридическая герменевтика “потеряла кредит” в силу, во-первых, неопределенности своих границ; во-вторых, безжизненного, шаблонного способа ее отношения к материалу; в-третьих, отставания теории от практики [4. С.137-138].

На наш взгляд, более правильной представляется точка зрения тех авторов, которые считают, что вопросы интерпретации и тесно связанные с ними процессы понимания представляют собой комплексную методологическую проблему, которую с разных сторон должны исследовать философия и социология, логика и психология, герменевтика и семиотика, история и другие науки. “Задача, - по мнению Г.И. Рузанова,

- состоит, таким образом, не в противопоставлении всех этих методов и подходов, а в их разумном сочетании и дополнении, с тем, чтобы получить возможно более точное, полное и всестороннее представление о различных аспектах процесса понимания” ([7. С. 166]; см. также [8. С. 40-41]).

Вполне актуально, на наш взгляд, и в настоящее время звучат слова известного теоретика права Г.Ф. Шершеневича, сказанные им о юридической герменевтике в начале XX века: “Этот род искусства, вследствие своего схоластического оттенка, усвоенного от средних веков, потерял в XIX веке свой престиж, но это не говорит против его возможности и целесообразности. Утрачено доверие не к задаче, а к способу ее разрешения. Не все уничтожено из того, что составляло некогда сложное издание юридической герменевтики. Оставшееся все же представляет собой нечто, способное облегчить уяснение смысла нормы права” ([15. С.297]; см. также [17. С.7 и след.]).

Достаточно распространенными в правоведении являются *статический (формально-догматический)* и *динамический (эволюционный) подходы* к юридическому толкованию (см., например, [11. С.32 и след.]). При *статическом подходе* интерпретатор должен строго и неукоснительно следовать букве закона, устанавливать лишь тот смысл нормативного акта, который закрепил в нем законодатель в момент издания данного акта. Согласно данному подходу нормативно-правовые предписания не могут корректироваться и приспосабливаться в ходе толкования к изменяющимся экономическим, политическим и иным условиям общественной жизни. Считая свои нормативные акты ясными для всех и стремясь предотвратить извращения смысла зафиксированных в них правовых предписаний император Юстиниан, например, монополию на юридическое толкование оставлял только за собой, запрещая какое-либо их разъяснение другим субъектам (*eius est interpretari legem, cuius est condere*).

Запрещение юридического толкования мы видим и в последующем: в Баварии § 9 кодекса 1756 г., в Пруссии указ от 14 апреля 1780 г., в Австрии § 24 законопроекта от 1 ноября 1786 г. Указом от 19 октября 1813 г. было запрещено писать и печатать какие-либо комментарии к баварскому уголовному уложению 1813 г. Наполеон I пришел в ужас при известии о появлении первого комментария на его кодекс. “Пропал мой кодекс”, - воскликнул он (см.[15. С.299-300]).

При *динамическом подходе* интерпретатор корректирует, приспосабливает нормативно-правовой акт к новым реалиям жизни, учитывая изменяющиеся общественные отношения. Указанный подход, пишет известный французский юрист Ж. Карбонье, “то выдвигался на первый

план, то отступал, но всегда имел один и тот же смысл: толкователь должен адаптировать закон к социальным изменениям” [16. С. 311].

Исторический опыт показывает, что необходимость в эволюционном толковании значительно возрастает в периоды экономических, политических и иных социальных кризисов и катаклизмов, когда требуется расширительное или ограничительное толкование “устаревших” нормативно-правовых предписаний. Так было, например, в период проведения “нового курса” в США. Данный процесс в настоящее время характерен для России, стран СНГ и бывшего “соцлагеря”.

Рассматривая разнообразные подходы к проблеме юридического толкования, нельзя не заметить тот факт, что весьма серьезный недостаток проводимых в этой области исследований как в отечественной, так и зарубежной науке заключается в том, что толкование никогда по существу не рассматривалось в качестве определенного типа (вида, подвида) юридической практики со всеми вытекающими из данного методологически исходного положения выводами, предложениями и рекомендациями теоретического и прикладного характера. В лучшем случае отдельные из современных авторов (С.С. Алексеев, Н.Н. Вопленко, Т.Я. Хабриева, Б. Спасов и др.) указывают на то, что толкование представляет собой особую разновидность юридической деятельности. Однако и деятельностный принцип по существу ни в одном исследовании не был реализован.

На наш взгляд, *деятельностный подход* позволяет не только снять многие спорные положения в теории толкования, но и точнее определить его природу, место и роль в правовой системе общества, правильно выявить основные компоненты интерпретационной практики и связи между ними (об использовании принципа деятельности в юридической науке см. [18. С.16-22]). И проблема совершенствования интерпретационной практики в указанном случае ставится более четко и конкретно. В зависимости от того, какой компонент здесь “не работает”, он и улучшается. В данном контексте возникает потребность в глубоком и всестороннем изучении структуры, функций, принципов, механизма детерминации интерпретационной практики (в том числе и социально-психологического его блока), в исследовании противоречий, ошибок и иных погрешностей в практике толкования, в повышении ее ценности, эффективности и качества в современном обществе, в осмыслении вопросов преемственности и правовой аккультурации и т.п.

Поэтому трудно согласиться с выводом тех ученых-юристов (П.М. Рабинович, Т.В. Губаева и др.), которые полагают, что в настоящее время обстоятельно изучены все аспекты проблемы и уже создана

стройная теория юридического толкования. Данный вывод, на наш взгляд, является несколько преждевременным.

В отечественной юридической литературе обращается внимание на то, что необходимо рассматривать различные *уровни юридического толкования*, а именно: научно-теоретическое и практически-прикладное толкование (см. [19. С. 10; 20. С. 11]). Указанные положения, без сомнения, относятся к числу исходных при деятельностном подходе к юридическому толкованию. *Научная интерпретация* правовых явлений направлена на теоретическое осмысление правовой реальности и выражается в формулировке определений, разъяснении понятий, изучении и объяснении сущности и содержания разнообразных правовых явлений, в создании научных комментариев законодательства, необходимых концепций и теорий. К этому уровню, на наш взгляд, примыкает и толкование правовых понятий, идей, теорий, нормативных актов и иных правовых феноменов в учебном процессе.

Практически-прикладной уровень толкования предполагает осмысление правовых явлений применительно к проводимым в обществе преобразованиям реальной действительности, установление места, роли и значения юридической интерпретации в правотворчестве, правоприменении, правосистематизирующей практике и правовой системе общества в целом.

Таким образом, не отрицая и по возможности используя все то ценное и полезное, что было наработано юридической герменевтикой, формально-догматической теорией и “теорией исторической эволюции” (“теорией приспособления текста”, “функциональной теорией”), основной акцент в нашем исследовании будет сделан на деятельностном подходе к данной проблеме. Причем главное внимание в данной работе будет уделено интерпретационной практике как определенной разновидности социальной практики вообще и юридической практики в частности.

9.1.2. Понятие и основные признаки интерпретационной практики

В отечественной и зарубежной литературе юридическое толкование определяется не однозначно (см., например, [12. С. 65; 13. С. 5; 14. С. 115]). Все точки зрения по этому вопросу можно объединить в несколько основных групп. Одни ученые под толкованием понимают мыслительный процесс, направленный на *уяснение* смысла правовых предписаний. Подобной точки зрения придерживались и придержива-

ются в настоящее время многие авторы (С.И. Вильнянский, Б.В. Щетинин, В.В. Суслов и др.). Так, К.П. Победоносцев писал в прошлом веке, что “толкование есть процесс умственный, есть тот самый процесс заключения от известного к неизвестному, в котором состоит умственная деятельность судейского звания и нравственное право судьи” [21. С. 135]. “Толкованием (Auslegung, Dentung), или интерпретацией (interpretatio, interpretation), - пишет один из видных специалистов по этой проблеме Е.В. Васьковский, - называется совокупность приемов, применяемых к произведениям человеческого духа с целью понять их” [5. С. 29]. Другой известный русский цивилист и теоретик права - Г.Ф. Шершеневич также указывал, что “сущность процесса толкования заключается в уяснении содержания нормы права, т. е. совокупности приемов, направленных к раскрытию тех представлений, которые соединял создавший норму с внешними законами выражения своей мысли и воли” [15. С.296].

Ряд ученых (С.А. Галунский, М.С. Строгович, Ю.Г. Ткаченко и др.) под толкованием понимают лишь *разъяснение* содержания нормы права. Так, авторы первого советского учебника по теории государства и права пишут, что “уяснение нормы тем, кто ее применяет, ни для кого не является обязательным; юридическое значение имеет не уяснение, изучение, анализ правовой нормы, а ее применение к обстоятельствам конкретного случая ...” [39. С. 260].

Большинство ученых-юристов (Н.Г. Александров, А.С. Шляпочников, П.Е. Недбайло, Л.С. Явич, Н.Н. Вопленко, В. Захариев и др.) приходят к выводу о том, что толкование представляет собой *единый процесс уяснения и разъяснения* нормативно-правовых предписаний. В.В. Лазарев, например, пишет: “Разграничение уяснения содержания правовых норм и его разъяснения оправдано лишь в методических целях, в целях наиболее полного анализа той или другой стороны в деятельности по толкованию правовых норм ... Сколько бы ни были самостоятельными и специфичными названные процессы, в их взаимосвязи усматривается нераздельность объективного и субъективного, диалектический переход одного в другое. Объективированные формы законодательной воли должны быть осознаны каждым субъектом права, что проявляется в “мыслительной деятельности субъекта”. Но интеллектуально-волевая работа не представляет собой самоцели. Она так или иначе материализуется в действиях субъекта” [12. С. 65-67].

Своеобразной в этом плане является точка зрения А.С. Пиголкина, который считает, что толкование следует рассматривать в двух аспектах. Под толкованием, по его мнению, следует понимать, во-первых, “процесс мышления лица, изучающего правовую норму, уяснение

смысла нормы и его объяснение”; во-вторых, “разъяснение содержания нормы”. Причем он считает, что “уяснению подлежат в принципе все нормативные акты, разъяснению - лишь те, по поводу которых возникают сомнения или разногласия на практике. За уяснением вовсе не обязательно должно следовать разъяснение, и в большинстве случаев достаточно лишь уяснить смысл закона, чтобы вынести решение по делу” [23. С.283; 24. С.8, 74. С. 68].

И, наконец, можно выделить еще одну группу авторов (С.С. Алексеев, Т.Я. Хабриева, Б. Спасов и др.), которые определяют толкование как *особую разновидность юридической деятельности*, которая направлена на раскрытие содержания нормативно-правовых предписаний и объяснение выраженной в них воли субъектов правотворчества (см. [20. С.9-26; 25. С.139 и след.; 26. С. 165-181]). Так, С.С. Алексеев пишет, что толкование - это “деятельность по установлению содержания правового акта для его практической реализации” [27. С. 290].

Последняя точка зрения представляется более правильной и перспективной как в теоретическом плане, имея в виду дальнейшее исследование природы юридического толкования и достаточно высокий методологический потенциал, так и прикладном аспекте, способствуя повышению эффективности и качества интерпретационной деятельности практических работников.

Как мы уже отмечали, деятельностный принцип позволяет переосмыслить многие традиционные направления исследования данной проблемы, дает возможность выделить ряд новых фундаментальных аспектов в ее изучении, связать гносеологический и онтологический подходы с детерминистским, функциональным, аксеологическим и прочими, переосмыслить некоторые “старые” понятия и категории, обстоятельно изучить содержание и форму, принципы и функции интерпретационной практики, теснее увязать теорию толкования с соответствующей практической деятельностью, более полно и обстоятельно показать место и роль юридического толкования в правовой системе общества. Причем особо хотелось бы подчеркнуть, что предпочтительнее рассматривать толкование не столько в виде относительно обособленной юридической деятельности, сколько в качестве определенного *типа юридической практики* с соответствующими исходными понятиями, конструкциями, выводами и направлением поиска. Это не означает, естественно, отрицание того неоспоримого факта, что юридическая интерпретация присуща и научной деятельности, и учебному процессу, и вообще любому осмыслению правовой действительности.

Интерпретационная практика, на наш взгляд, - это деятельность по установлению содержания и формы правового явления (акта-документа, действия, понятия и т.п.), взятая в единстве с накопленным интерпретационным опытом (социально-правовой памятью).

Интерпретационная практика представляет собой разновидность социальной практики вообще и юридической практики в частности. Поэтому ей присущи многие черты, характерные для социальной и юридической практики (подробнее см. [28. С.118-130]).

К специфическим чертам интерпретационной практики относятся следующие:

1. Наряду с правотворчеством, практикой реализации и систематизации права она занимает одно из ведущих мест в правовой системе общества. Поэтому мы не согласны с весьма распространенным в юридической литературе мнением, в соответствии с которым юридическое толкование занимает вспомогательную роль в механизме правового регулирования. Правотворческая практика, как известно, направлена на изменение сферы (пределов) правового регулирования путем создания новых, изменения действующих или отмены ненужных нормативно-правовых предписаний. В ходе реализации права происходит индивидуализация и претворение юридических предписаний (в том числе и персонально - адресованных актов и т.п.) в реальную жизнь. Практика систематизации связана с упорядочением правовых (нормативных, правоприменительных и т.п.) актов, приведением их в единую, достаточно стройную систему. Без грамотного юридического толкования ни правотворчество, ни реализация, ни систематизация правовых предписаний просто невозможны.

2. Интерпретационная практика образует существенную часть правовой культуры индивидов, социальных групп и слоев населения, общества в целом. Поражаешься, порой, насколько искусными в толковании были древнеримские юристы, что свидетельствует о высоком уровне их правосознания, общей и правовой культуре, развитии юридической науки и практики. Многие сформулированные ими положения и в настоящее время могут служить в качестве исходных начал интерпретационной практики (см., например, [29,30,31]). Не случайно большинство дореволюционных русских ученых-юристов (Г.Ф. Шершеневич, Н.А. Гредескул, П.И. Люблинский и др.) говорили о юридическом толковании как об искусстве, высокоинтеллектуальной, творческой деятельности (см., например, [15.С. 96; 32. С. 129; 33. С. 386]).

Известный немецкий юрист Коллер считал закон и его интерпретацию “факторами культурного прогресса”, “орудиями блага” для “успехов культуры, для отстранения враждебных культуре сил” [40. С.127]. В

настоящее время многие авторы верно полагают, что “культура толкования представляет основное богатство юридического сообщества” и правовой системы страны в целом (см., например, [17. С.287]).

3. Вместе с тем было бы неправильно сводить интерпретационную практику к свободному творчеству, теоретической деятельности, духовной сфере жизни общества и определенной разновидности правосознания и правовой культуры (см. [14. С. 115; 15. С. 296]). Здесь речь идет прежде всего *о социально-преобразующей деятельности*, связанной с удовлетворением реальных потребностей и интересов людей, их коллективов и организаций, *объективно-реальном воздействии* на разнообразные сферы общественной жизни.

Под практикой в философии, как известно, понимается такая “деятельность человека, которая влечет за собой преобразование материальных объектов, будь то косная природа, животный и растительный мир или общество. Это преобразование, по мнению, например, Н.А. Аверьянова, “может быть простым повторением известного, копированием и т.п., и может быть связано с созданием нового” [34. С. 214]. Причем если теоретическая деятельность представляет собой “процесс освоения мира логическим путем, путем размышления, анализа, синтеза, сопоставления и пр.”, то “практическая деятельность есть, в сущности, материализация идей, знаний” [34. С.214]. Сознание, которое опосредует любые интерпретационные действия и операции, служит внутренней детерминантой практической деятельности. Оно присутствует здесь во внешне выраженном, опредмеченном виде.

В юридической литературе достаточно распространенным является мнение, что при юридической интерпретации ничего нового не создается. Вряд ли с этим можно согласиться. “Если бы толкование не давало нам новые знания, - пишет А.Ф. Черданцев, - то оно было бы не нужно ни практически, ни теоретически” [11. С. 29]. Интерпретационная практика связана с раскрытием содержания и формы правовых явлений, устранением противоречий, неточностей и иных погрешностей в предписаниях, с установлением четкости и ясности в правовом регулировании общественных отношений, с приращением новых знаний, умений, опыта. Поэтому следует согласиться с авторами, которые считают, что юридическая интерпретация “в конечном итоге создает что-то новое, как и вообще каждая интерпретация”. По мнению Фрэнка, у данного явления есть несколько причин. Одна из них заключается в изменении общественных отношений. Он прибегает здесь к сравнению с музыкальным исполнением, отмечая, что современный музыкант не может исполнить произведение Баха так, как это представлял себе сам автор и другие музыканты при жизни композитора, поскольку в ту эпоху гос-

подствовал совершенно иной музыкальный стиль. Вторая причина, по мнению Фрэнка, заключается в многообразии личных субъективных качеств, присущих индивидууму, дающему ту или иную интерпретацию (подробнее см. [41. С. 205 и след.]). Нельзя лишь согласиться с выводом Фрэнка о том, что именно данное обстоятельство служит основой для предоставления судам определенных правотворческих полномочий. Если для англо-саксонской правовой системы это положение не вызывает возражения, то для континентальной (романо-германской) правовой системы оно не приемлемо.

4. Интерпретационная практика представляет собой не просто разновидность определенной деятельности, а диалектическое единство деятельности по установлению содержания и формы правовых явлений (динамическая ее сторона) и правового опыта, социально-правовой памяти (статический компонент). Еще в древности один из видных юристов Павел считал, что в “наименьшей степени следует изменять то, что постоянно толковалось в определенном смысле” [31. С.33].

Правильное “понимание нормы права, - пишет А.Ф. Черданцев, - имеет в своей основе опыт прошлого индивидуального толкования и опыт толкования других субъектов” [11. С.14]. Аналогичной позиции придерживаются также С.Н. Братусь, А.Б. Венгеров, Н.Н. Вопленко, Т.Я. Хабриева и ряд других отечественных авторов (см., например, [26. С. 12, 38; 35. С. 57-58; 36. С. 382]).

Интерпретационный опыт является результатом накопления, систематизации, хранения и передачи умений, навыков, мастерства, информации и т.п. Данный опыт аккумулирует наиболее ценные, полезные и стабильные фрагменты интерпретационной деятельности и представляет собой социально-правовую память для современников и будущих интерпретантов. Выработанные в ходе интерпретационной деятельности образцы и определенные стандарты наиболее целесообразного и грамотного понимания и разъяснения правовых предписаний некоторыми авторами довольно удачно, на наш взгляд, названы прецедентами толкования (см., например, [35. С.57-58]).

5. Интерпретационная деятельность *детерминирована* не только соответствующим правовым опытом, но и действующими юридическими и иными социальными нормами (нравственными, религиозными, политическими и т.п.), объективными и субъективными, экономическими и политическими, материальными и духовными, национальными и иными факторами, которые воздействуют на нее разными способами и с различной силой, способствуя либо тормозя процесс понимания, объяснения и осуществления правовых предписаний (подробнее о механизме детерминации правовых явлений см. [28. С.29-37]). Такие типы

интерпретационной практики, как толкование конституции Конституционным Судом РФ, интерпретационная практика конституционных (уставных) судов субъектов РФ, Верховного Суда РФ, Высшего арбитражного Суда РФ и другие обстоятельно урегулированы также процессуальными нормативно-правовыми предписаниями.

6. Интерпретационная практика, как и иные разновидности юридической практики, носит *общественный характер*. Общесоциальная, коллективная ее природа проявляется даже тогда, когда, например, установлением смысла того или иного предписания занимается отдельный индивид. Во-первых, юридическая интерпретация всегда обусловлена другими видами социальной практики. Во-вторых, толкуемые правовые предписания представляют собой результат совместной коллективной деятельности людей (законодателей, правоприменителей и т.п.). В-третьих, накапливаемый личный и социальный опыт является результатом обмена информации и сотрудничества между различными ее субъектами и участниками, совокупным продуктом совместной интерпретационной деятельности.

7. *Управленческая природа* данной разновидности юридической практики выражается в том, что толкование является важнейшим *элементом механизма правового регулирования*. Правильно пишет С.С. Алексеев, что “его значение как элемента механизма правового регулирования состоит главным образом в том, чтобы обеспечить полное и точное раскрытие функций правовых актов как источника и формы существования юридических норм, других содержательных элементов правовой системы” [27. С. 293]. Интерпретационная практика призвана обеспечить действие, эффективность и качество нормативной и индивидуальной основ правового регулирования общественных отношений, полноту и точность выражения воли, содержащейся в правовых предписаниях, устранение неясностей и иных недостатков в их содержании и форме. В правотворческой практике юридическое толкование завершает процесс регламентации общественных отношений. По мнению С.С. Алексеева, “своеобразие толкования состоит в том, что это - деятельность, которая, реально завершая процесс регламентации общественных отношений, является одним из начальных элементов процесса реализации юридических норм” [27. С.93]. Хотелось бы лишь добавить, что юридическое толкование является важнейшим условием (предпосылкой, средством и т.п.) не только правотворчества и реализации права, но и любой управленческой деятельности в самых разнообразных сферах общественной жизни.

8. Некоторые типы (виды, подвиды) интерпретационной практики (конституционное толкование, толкование судами общей юрисдикции и

арбитражными судами, другие разновидности профессиональной интерпретации) можно рассматривать в качестве *особого духовно-материального производства*, которое необходимо соответствующим образом организовывать и планировать, где есть необходимые производители и потребители, средства и методы, технология подготовки и принятия интерпретационных актов, преобразование с их помощью разнообразных сфер общественной жизни. Поэтому, как и любое производство, интерпретационная практика требует соответствующей ресурсообеспеченности. То есть процесс подготовки, принятия и осуществления праворазъяснительных решений и актов должен обеспечиваться мерами материально-технического и финансового, организационного и кадрового, научного (социологического, прогностического, методического и т.п.) и информационного, пропагандистско-воспитательного и иного характера.

Указанные типы (виды, подвиды) интерпретационной практики требуют определенной профессиональной подготовки и квалификации субъектов, использования специальных приемов и средств интерпретационной техники и тактики, достижения соответствующей производительности труда, его качества, развития инициативы и самостоятельности, кооперации и интеграции в осуществлении соответствующих интерпретационных действий, учета научных достижений (в том числе в сфере юридического толкования), внедрения обоснованных норм рабочего времени и иных условий труда.

Существуют и другие признаки, отражающие своеобразие интерпретационной практики в правовой системе общества, которые будут затронуты при анализе ее структуры, содержания, формы и других аспектов проблемы.

9.1.3. Основания интерпретационной практики

Основания интерпретационной практики - это такие обстоятельства реальной жизни, которые с необходимостью требуют уяснения и разъяснения правовых явлений, установления подлинности содержания и формы правовых понятий, предписаний и т.д.

Все основания интерпретационной практики можно разграничить на две большие группы. Первую составляют нормативно-правовые предписания, закрепляющие полномочия (компетенцию) определенных субъектов на официальное толкование соответствующих нормативных и иных правовых актов. Условно их можно назвать *нормативно-правовыми основаниями*. В п.4 ст. 3 федерального конституционного закона РФ “О Конституционном Суде Российской Федерации”, напри-

мер, установлено, что в целях защиты основ конституционного строя, основных прав и свобод человека и гражданина, обеспечения верховенства и прямого действия Конституции РФ на всей территории России Конституционный Суд РФ “дает толкование Конституции Российской Федерации” [37. 1994. №13. Ст. 1447]. В соответствии с частью 15 пункта 14 “Положения о Главном государственно-правовом управлении Президента РФ”, утвержденного Указом Президента РФ №3042 от 7 марта 1996 г., одной из главных задач Главного управления является “официальное разъяснение отдельных положений указов и распоряжений Президента РФ, осуществляемое по его поручениям” [37. 1996. № 11. Ст. 1030]. Согласно п. 5 ст. 10 и п. 11 ст. 13 Федерального конституционного закона “Об арбитражных судах в РФ” от 28 апреля 1995 г. полномочия по разъяснению вопросов судебной практики по применению арбитражными судами правовых актов, регулирующих отношения в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, возложены на Пленум Высшего Арбитражного Суда РФ [37. 1995. № 18. Ст. 1589]. Полномочия на официальное аутентическое казуальное толкование предоставлены всем судам общей юрисдикции ст. 206 ГПК РСФСР.

В Англии даже существует специальное статусное регулирование толкования, а именно “Закон об объединении законодательных актов, касающихся толкования актов Парламента, и о дальнейшем сокращении языка, используемого в актах Парламента” от 30 августа 1889 г. (подробнее о нем см. [75. С. 206 и след.]).

Вторую группу составляют *фактические* основания интерпретационной практики. Нередко указанные основания (обстоятельства) также закрепляются законами или иными нормативно-правовыми актами. Так, в соответствии с частью 2 ст. 36 закона “О Конституционном Суде РФ” “основаниями к рассмотрению дела является обнаруживающаяся *неопределенность* (выделено нами. - В.К.) в вопросе о том, соответствует ли Конституции РФ закон, иной нормативный акт, договор между органами государственной власти, не вступивший в силу международный договор, или обнаружившееся противоречие в позициях сторон о принадлежности полномочия в спорах о компетенции, или обнаружившаяся неопределенность в понимании положений Конституции РФ, или выдвижение Государственной Думой обвинения Президента РФ в государственной измене или совершении иного тяжкого преступления”.

В большинстве случаев реальная действительность “сама указывает” на разнообразные социальные ситуации, порождающие интерпретационный процесс. Примерный перечень фактических оснований складывается также в ходе интерпретационной практики, составляя важ-

нейший элемент интерпретационного опыта, либо вырабатывается юридической наукой, составляя существенную часть юридической герменевтики. Так, австралийские ученые Дж. Джиффорд и К.Х. Джиффорд пишут, что необходимость в интерпретации статутів может возникнуть из:

- 1) терминологического несовершенства закона (отсутствие точного значения использованных слов, определенное слово имеет более одного значения, смысл слова изменился со временем);
- 2) факта, что слова не имеют единого для всех универсального значения;
- 3) невозможности предвидеть обстоятельства, при которых законодательство будет применяться;
- 4) отсутствия (непроведения) преобразований закона, когда изменились предполагаемые обстоятельства или появились новые;
- 5) отсутствия технических знаний автора законопроекта, когда законопроект касается технической области;
- 6) недостаточного знания автора законопроекта о существовании иных статутів и делегированного законодательства или судебных решений;
- 7) поспешности при подготовке законопроекта;
- 8) существования различных актов, решающих аналогичные вопросы иным или несовместимым с данным законом способом;
- 9) изменений, которые недостаточно связаны с иными положениями закона, в который они внесены;
- 10) несоблюдения требований одинакового использования одинаковых слов на протяжении всего акта;
- 11) последующего использования слова в ином смысле, чем тот, в котором оно было первоначально определено в статуте;
- 12) факта, что законы, как правило, составляются в общей форме, а принимаются в специфических обстоятельствах;
- 13) абсурдностей или несообразностей, возникающих из-за чрезмерно длинных статутных положений и стиля проекта; и т.д. и т.п. [38. С. 66 и след.].

А.Ф. Черданцев считает, что необходимость толкования обусловлена признаками норм права, особенностями форм их выражения вовне и функционирования, а именно: общим (абстрактным) характером норм права и их реализацией в конкретных жизненных обстоятельствах; появлением в общественной жизни новых общественных отношений, не существовавших в момент создания нормативного акта или не получивших широкого развития, которые, однако, имел в виду законодатель в силу абстрактного характера норм права, охватив их правовым регу-

лированием; особенностями словесного, текстуального оформления норм права, когда отсутствует совпадение понятий и слов, суждений и предложений и т.д.; применением специальных юридических терминов или терминов других отраслей знания; из системности норм права, функциональных связей норм права и т.п. [11. С. 7 и след.].

Как видим, отечественные и зарубежные авторы рассматривают основания юридического толкования применительно к интерпретации *законов и иных нормативных актов*. Вместе с тем объектами интерпретационной практики могут быть любые правовые акты (правоприменительные, интерпретационные и т.п.), явления, процессы и состояния правовой системы общества. Поэтому существует более широкий и многообразный круг обстоятельств, которые служат основаниями интерпретационной практики.

От оснований следует отличать *поводы* к юридическому толкованию. Так, в соответствии с частью 1 ст. 36 закона “О Конституционном Суде РФ” поводом к рассмотрению дела в Конституционном Суде РФ являются обращения в данный суд в форме запроса, ходатайства или жалобы, отвечающие требованиям настоящего федерального конституционного закона.

Разграничение оснований и поводов интерпретационной практики имеет не только теоретическое, но и практическое значение, поскольку они влекут за собой неодинаковые юридические последствия.

В каждой стране и правовой семье, конкретной сфере общественной жизни существуют свои поводы и основания интерпретационной практики, которые отличаются значительным разнообразием и спецификой.

9.2. Структура интерпретационной практики

9.2.1. Понятие и виды структур интерпретационной практики

Структура - это такое строение интерпретационной практики, расположение основных ее элементов и связей, которое обеспечивает целостность, сохранение объективно необходимых свойств и функций при воздействии на процесс юридического толкования разнообразных факторов объективной и субъективной реальности.

В отечественной и зарубежной литературе структура юридического толкования рассматривается традиционно, то есть выделяются его объекты и способы, виды интерпретации по объему и субъектам, а также результат, зафиксированный в интерпретационном акте. Вместе с тем более широкое, научное исследование структуры интерпретационной практики позволяет снять многие спорные вопросы в теории и практике юридического толкования, обстоятельнее, глубже и детальнее раскрыть роль разнообразных элементов и сторон данного типа юридической практики, точнее показать ее место в правовой системе общества.

Толкование, как и любая разновидность юридической практики, - образование полиструктурное, включающее, в частности, логико-философскую, пространственную, временную, стохастическую, горизонтальную, вертикальную и иные структуры.

Рассмотрение *логико-философской структуры*, например, позволяет отразить взаимосвязь частей и целого, элементов и системы, содержания и формы интерпретационной практики. Именно данная категория раскрывает ее строение как относительно цельного и самостоятельного правового явления в правовой системе общества.

Пространственная структура проявляется в наличии разнообразных типов, видов и подвидов интерпретационной практики (судебной и административной, профессиональной и обычной, конституционной и т.п.), которая одновременно “присутствует” и функционирует в правовой системе общества.

Временная структура дает возможность раскрыть этапы процесса толкования, обособленные во времени и развернутые в определенной последовательности интерпретационные действия и операции, стадии, т.е. определенные процессуальные аспекты интерпретационной практики.

Стохастическая структура интерпретационной практики позволяет в каждой конкретной ситуации выяснить объективно-необходимые и случайные ее компоненты, связи, отношения и т.п. Дело в том, что достижение той или иной цели толкования требует какого-то определенного “набора” элементов: субъектов, участников, интерпретационных действий и операций, используемых средств и способов, затрат времени, финансовых, организационных и иных ресурсов. Например, при подготовке и вынесении постановления № 7 - П от 30 апреля 1997 года Конституционного Суда РФ участвовали 15 его судей, 5 представителей сторон и многочисленные эксперты [42. 1997. 30 апреля], а постановления № 8 - П от 20 мая 1997 года - 7 членов Конституционного Суда РФ, 3 представителя сторон и 3 эксперта (см. [42. 1997. 20 мая]).

Горизонтальная структура представляет, на наш взгляд, взаимосвязь “одинаковых” по своей природе, юридической силе решений и т.п. многообразных видов интерпретационной практики (например интерпретационной деятельности Пленума Верховного Суда РФ и Высшего Арбитражного Суда РФ). *Вертикальная структура* носит субординационный характер. Так, интерпретационная практика Верховного Суда РФ более “весома”, чем интерпретационная практика нижестоящих судов общей юрисдикции (см. [34. С. 223]).

9.2.2. Содержание интерпретационной практики: интерпретационная деятельность и опыт толкования

Логико-философская структура предполагает исследование в первую очередь содержания и формы интерпретационной практики.

В отечественной науке существует весьма упрощенный подход к содержанию и форме толкования права, который абсолютно ничего не дает ни теории, ни практике юридического толкования. “По своему содержанию, - пишет, например, Ф.Н. Фаткуллин, - толкование правовых норм представляет собой внутренние, логические, интеллектуально-волевые операции в сознании того или иного человека по их анализу и осмыслению” [49. С. 243]. Как следует из дальнейших рассуждений автора, разъяснение, внешне выражающее поведение субъекта, относится к формам юридического толкования. Н.Н. Вопленко указывает, что “взаимоотношение уяснения, разъяснения и акта толкования как основных элементов понятия толкования может быть охарактеризовано на примере взаимосвязи философских категорий содержания и формы. При этом уяснение и разъяснение как непосредственно познавательная деятельность и процесс ее объективизации вовне выступает в виде специфического содержания понятия толкования. В то же время акт толкования является формой, в рамках которой осуществляется познание и объяснение смысла правовых норм” [13. С.10].

Под *содержанием* интерпретационной практики, на наш взгляд, следует понимать совокупность всех составляющих ее свойств и элементов. В самом общем плане ее содержание состоит из интерпретационной деятельности и складывающегося на основе этой деятельности опыта (социально-правовой памяти, прецедента толкования).

Конституирующими элементами содержания интерпретационной деятельности выступают ее объекты (предметы), субъекты и участники, интерпретационные действия и операции, средства и способы их осу-

ществления, результаты толкования. Рассмотрим каждый из указанных элементов.

Объект - это то, на что направлена интерпретационная деятельность. В отечественной и зарубежной литературе существуют разнообразные мнения по поводу данного аспекта проблемы. В течение длительного времени среди юристов идет спор, во-первых, о том, подлежат ли толкованию все либо только неясные правовые акты; во-вторых, чья воля должна быть раскрыта при толковании - законодателя или закона; в-третьих, должны ли правовые акты толковаться по тому смыслу, который они имели в момент их издания, либо по тому смыслу, какой они получают в момент применения; в-четвертых, отдельную норму права либо нормативный акт в целом следует считать объектом толкования; в-пятых, являются ли объектами толкования только нормативные акты либо любые правовые явления, процессы и состояния? Ответы на все эти вопросы имеют важное теоретическое и практическое значение. Рассмотрим основные подходы к каждому из указанных аспектов проблемы.

Ряд авторов (Ч. Беккариа, М.А. Гредескул, Л. Цветаев, К. Опалек, Е. Врублевский и др.) исходят из принципа “*clara non sunt interpretanda*”, т.е. “ясные законы не толкуются”. Большинство ученых (Савиньи, А.С. Пиголкин, П.С. Элькинд, И. Сабо, В. Захариев, Б. Спасов и др.) считают, что толкованию должны подвергаться все нормативные акты. Как верно было замечено еще Г.Ф. Шершеневичем, “нет такой нормы, в которой все было бы ясно и понятно, потому что понятное для юриста может быть неясным для лица, не получившего юридического образования, не знакомого с выражениями законодателя. Во всяком случае, необходимо выяснить, нет ли в норме неясности, - а это уже задача толкования” [15. С.299].

В науке неоднозначно решается вопрос о том, “воля закона” или “воля законодателя” должны устанавливаться в процессе толкования. В свое время (конец XIX - начало XX в.) в немецком правоведении (Вах, Вурцель, Биндинг, Колер и др.) сложилось устойчивое мнение, согласно которому при толковании должна выясняться “воля закона”. Аргументируя свою позицию, они ссылались на условность понятия “воля законодателя” и невозможность найти реального “творца законов” в сложном механизме правотворчества. Кого следует относить к таковым: всех членов парламента или тех, кто разрабатывал закон либо внес его в законодательный орган, или голосовал за него, и т.п. и т.д. (см. [15. С.301]). Если учесть, что субъектов и участников правотворчества в современных условиях “бесчисленное множество”, то аргумент авторов представляется весьма серьезным.

Савиньи считал, что при толковании подлежит выяснению воля законодателя, прямо и непосредственно выраженная в законе [2. С.213]. По мнению большинства юристов (Г.Ф. Шершеневич, А.С. Шляпочников, В.В. Лазарев и др.), поддерживающих данную позицию, тем самым “воля закона” и “воля законодателя” не отрываются и не противопоставляются друг другу, что могло бы служить теоретическим обоснованием произвольного юридического толкования. При этом важно не то, что хотел выразить законодатель в законе, а что уже нашло отражение и закрепление в данной его редакции. “Так как положительное право, - пишет, например, В.М. Коркунов, - составляет только то, что нашло себе выражение в источниках права, то воля законодателя лишь настолько составляет закон, насколько она выразилась в законодательном акте” [43. С.343].

В связи с этим многие авторы (Г.Ф. Шершеневич, Я.М. Брайнин, Н.Д. Дурманов и др.) полагают, что должна выясняться воля законодателя времени издания, а не времени применения закона. Здесь мы видим одно из проявлений статического (формально-догматического) подхода к юридическому толкованию. “Сознавая всю трудность, выдержать настоящий принцип толкования законов в России, - пишет Г.Ф. Шершеневич, - где законодательство представляется поразительно отсталым, не соответствующим требованиям времени, мы все же должны его отстаивать в виду еще большей опасности, которая грозит со стороны мало усвоенного в нашей стране начала законности, недостаток которого способен привести к тому, что всякий новый закон, как бы он ни был своевременен и целесообразен с точки зрения общественной, может потерять свое значение, если с государственной точки зрения будет признано, что момент времени требует дать ему иное толкование” [15.С. 304].

По мнению других авторов (Колер, А.Д. Шаргородский, А.С. Шляпочников, В.В. Лазарев и др.) в процессе реализации права следует учитывать также “государственную волю законодателя времени применения закона”, т.е. “приспосабливать” с помощью юридического толкования закон к изменяющимся условиям общественной жизни. Так, еще Колер писал, что закон представляет важнейшую социальную ценность, “орудие блага, средство для достижения человеком целей, для успехов культуры, для устранения враждебных культуре сил, для развития народных сил. Оно есть предмет познания лишь настолько, насколько оно должно быть признано, как меняющееся и изменчивое орудие блага, как фактор культурного прогресса, которое справедливо лишь, если оно действует справедливо, и которое мы признаем справедливым, лишь если мы видим его действующим целесообразно. Соответ-

ственно тому определяется задача толкования: и орудие блага должно действовать различно, смотря по тому, как складываются обстоятельства с течением времени и как изменяется культурная среда” (цит. по [15. С.303]).

Хотим мы этого или не хотим, однако реальная интерпретационная практика в различных странах показывает, что субъекты в процессе толкования нормативных актов вынуждены учитывать изменяющиеся общественные отношения. Следует, видимо, лишь иметь в виду, что “приспособление” закона к изменяющимся реалиям общественной жизни имеет определенные пределы, когда можно с уверенностью сказать, что речь идет о юридическом толковании, а не о правотворчестве, что интерпретатор не превысил свои полномочия. Для установления указанных границ существенное значение имеют определенные принципы, критерии интерпретационной практики, ее процессуальная форма (о них речь пойдет в следующих параграфах данной темы).

Что является объектом толкования: нормативный акт или норма права? Одни авторы указывают на нормативный акт, другие - норму права, третьи считают объектом юридического толкования и то и другое (см., например, [15, 24,25,27,43,46]). На наш взгляд, в данном случае следует просто разграничивать понятия “объект” и “предмет” толкования. *Объект* - это те правовые явления, на которые направлено юридическое толкование. *Предмет* интерпретационной практики - это та часть ее объекта, которая в данный момент подвергается осмыслению, оценке и объяснению. То есть объектом толкования может выступать нормативный акт, а непосредственными же предметами толкования могут быть конкретные статьи нормативных актов (их части и т.п.), нормативные и индивидуальные предписания, структурные элементы нормы (гипотеза, диспозиция, санкция), понятия, термины, юридические действия, способы и средства их осуществления, результаты действий и пр.

Данный подход к разграничению предмета и объекта интерпретационной практики, на наш взгляд, представляется более конструктивным в отличие от существующих в отечественной науке взглядов, когда указывается, например, что “объектом толкования является право, выраженная в нем государственная воля”, а предметом - “внешняя форма права - текст акта”, “внутренняя форма права” [27. С.297], либо объектами толкования “считаются законы и подзаконные нормативно-правовые акты”, а предметом - “историческая воля законодателя” (нормодателя), выраженная в законе (нормативном акте) [48. С.177].

Разграничение объекта и предмета интерпретационной практики позволяет, во-первых, конкретнее определить явление (процесс, состоя-

ние), подлежащее толкованию; во-вторых, четче установить и конкретизировать цели и задачи, стоящие перед интерпретатором в конкретной социально-правовой ситуации; в-третьих, выбрать по отношению к данному предмету необходимые средства и способы уяснения и разъяснения.

В отечественной и зарубежной литературе основной акцент при исследовании объектов (предметов) юридического толкования делается на нормативные акты (нормы права). П.С. Элькин, например, пишет: “Объект всех приемов толкования один - это заключенная в нормативных актах государственная воля” [46. С.102]. Это слишком узкий подход к данному аспекту проблемы. Объектом интерпретационной практики может быть, на наш взгляд, любой правовой акт и любое правовое явление, процесс и состояние. Все объекты юридического толкования можно свести к следующим основным группам:

1) законы (конституционные, обычные и др.) и подзаконные нормативные акты (государственных и негосударственных органов, материальные и процессуальные, правоустанавливающие и правоотменяющие, локальные и др.);

2) правоприменительные акты. Например, согласно ст. 139 АПК РФ “в случае неясности решения арбитражный суд, разрешивший спор, вправе по заявлению лица, участвующего в деле, разъяснить решение, не изменяя его содержания; о разъяснении решения выносится определение арбитражным судом, которое может быть обжаловано в установленном законом порядке” (любопытно, что в древности толкование судебных решений не приветствовалось: “*judices non tenentur experimere causam sententiae suae*” - “судья не обязан давать объяснения своих решений”, - говорили римские юристы);

3) договоры и иные индивидуальные правовые акты. Толкованию договоров, например, посвящена статья 431 ГК РФ, Конвенция ООН о договорах международной купли-продажи товаров 1980 г. (Венская конвенция), Принципы международных коммерческих договоров (принципы УНИДРУА), разработанные международным институтом унификации частного права;

4) акты толкования. Так, в соответствии со статьей 83 закона “О Конституционном Суде РФ” решение Конституционного Суда может быть официально разъяснено самим Конституционным Судом;

5) права и обязанности. Например, на основании ст. 275, 275¹ УПК РСФСР председательствующий в суде разъясняет эксперту и специалисту их права и обязанности, предусмотренные ст. 82 и ст. 133¹ настоящего кодекса (см. также ст. 14 и др. ГПК РСФСР);

6) юридические термины. Так, международная торговая палата впервые в 1936 г. опубликовала Международные правила толкования торговых терминов, известных как “Инкотермс 1936” (дополнения и изменения вносились затем в 1953, 1967, 1976, 1980 и 1990 гг. с целью приведения правил в соответствие с текущей международной торговой практикой);

7) юридические конструкции, доктрины, действия и операции, элементы социально-психологического механизма юридической деятельности и социально-правовой ситуации, другие правовые явления, процессы и состояния. Причем, как видим, речь идет об объектах и предметах, входящих как в национальную правовую систему, так и в правовые системы (семьи) других стран или международную правовую систему.

Субъектами интерпретационной практики могут быть любые лица, их коллективы и организации. Юридическое значение их разъяснений, однако, будет неодинаково. Поэтому в зависимости от юридических последствий толкования в правоведении, как известно, различают два его вида: официальное (обязательное) и неофициальное (доктринальное, обыденное).

Применительно к официальному толкованию принципиально важным является разграничение субъектов и участников интерпретационной деятельности. Только *субъект* интерпретационной практики в пределах своей компетенции может вынести праворазъяснительное решение, которое является обязательным и закрепляется нередко в специальном акте-документе (интерпретационном акте). *Участники* интерпретационной деятельности - это отдельные лица (ученые, практики и т.п.), их объединения и организации, которые так или иначе содействуют субъектам интерпретационной практики в осмыслении, оценке и объяснении правовых предписаний. Так, субъектом толкования Конституции РФ в соответствии с п. 5 ст. 125 Конституции РФ и п. 4 ст. 3 федерального конституционного закона № 1 от 21 июля 1994 г. “О Конституционном Суде РФ” является Конституционный Суд РФ. К участникам конституционного праворазъяснительного процесса в соответствии со ст. 53 указанного закона относятся стороны, их представители, свидетели, эксперты, переводчики.

Большое значение в интерпретационной практике приобретает личность интерпретанта, уровень его профессиональной подготовки, знаний, способностей к творчеству, логического и юридического мышления, умений и навыков грамотного толкования и другие элементы личного опыта.

Компетенция субъектов давать обязательное разъяснение, как правило, закрепляется в нормативных актах, определяющих их правовое

положение либо процедуру интерпретационной деятельности. Например, Конституция РФ закрепляет интерпретационные полномочия Конституционного Суда РФ (п. 5 ст. 125), Верховного Суда РФ (ст. 126), Высшего Арбитражного Суда РФ (ст. 127). В некоторых странах интерпретационные полномочия устанавливаются на основе юридических прецедентов, правовых обычаев или доктринальным путем. Так, ни Конституция США, ни иные нормативные акты указанного государства не закрепляют за Верховным Судом США толкование Федеральной Конституции. Однако в силу сложившегося правового обычая такое толкование стало весьма распространенной практикой. Например, только в период 1972-1973 гг. в связи с рассмотрением конкретных дел Верховный Суд США давал толкование Федеральной Конституции 125 раз [52. С. 6].*

Юридической наукой сформулировано положение, согласно которому любой “законодатель” имеет право сам толковать изданный им правовой акт (аутентическое толкование). Поэтому парламенты и другие органы, принявшие Конституции, законы и иные нормативные акты, даже без специального закрепления соответствующих интерпретационных полномочий имеют право на толкование собственных актов. Учитывая, что Конституция РФ принималась референдумом, Федеральное Собрание России полномочий на ее официальную интерпретацию не имеет.

В процессе интерпретационной практики выработан прецедент, когда два ее субъекта совместно дают разъяснение по тому или иному вопросу и издадут единый акт толкования. Примером может служить постановление Пленума Верховного Суда РФ и Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ №13/14 от 8 октября 1998 г. “О практике применения положений Гражданского Кодекса Российской Федерации о процентах за пользование чужими денежными средствами” [42. 1998. 27 октября].

Указанная компетенция включает как определенные права, так и обязанности по юридическому толкованию. Следует, например, согла-

* Отсутствие четкости в определении компетенции конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации, разграничении подведомственности споров между этими судами и судами общей юрисдикции, приводит порой к конфликтам между данными субъектами интерпретационной практики. Поэтому необходимо более четко закрепить в российском законодательстве полномочия конституционных судов субъектов Федерации, а также законодательно отрегулировать их отношения с Конституционным Судом РФ. На эти моменты обращали внимание, в частности, многие участники научно-практической конференции, организованной в апреле 1998 г. Конституционным Судом РФ и Институтом государства и права РАН и посвященной проблеме компетенции конституционных (уставных) судов (подробнее см. [89. С. 110 и след.).

ситься с мнением тех авторов, которые полагают, что “полномочия Конституционного Суда РФ давать толкование Конституции включают в себя как право, которое реализуется им при рассмотрении любых дел, входящих в его компетенцию, так и (возможно, прежде всего) обязанность дать разъяснение норм Конституции в случае специального запроса со стороны Президента РФ, Совета Федерации, Государственной Думы, Правительства РФ, органов законодательной власти субъекта федерации” [20. С.10].

Отсюда не следует, что толкование Конституции РФ не осуществляется другими субъектами. Законодательное закрепление данного полномочия Конституционного Суда РФ, как отмечает Б.С. Эбзеев, означает лишь то, что никакой иной орган “не может давать официального и обязательного для органов государственной власти и местного самоуправления, предприятий, учреждений, организаций, должностных лиц, граждан и их объединений толкования Конституции Российской Федерации. Это исключительная прерогатива именно Конституционного Суда...” [91. С. 6].

Здесь, однако, нельзя не учитывать тот факт, что суды и иные компетентные правоприменительные органы, непосредственно реализуя конституционные нормативно-правовые предписания, также дают официальное и обязательное для адресатов толкование Конституции РФ. Другое дело, что Конституционный Суд РФ в рамках особого (конституционного) судопроизводства своим решением устраняет неопределенность в понимании положений Конституции РФ и данное решение служит одним из юридических оснований для рассмотрения дел всеми субъектами, в том числе судами и иными субъектами правоприменительной практики. Выход за пределы интерпретационных полномочий связан, как правило, с тем, что интерпретатор формулирует новое по существу нормативное предписание (при “разъяснении” нормативных актов) либо индивидуальные юридические предписания (при толковании правоприменительных актов). Не случайно поэтому представители разных социологических направлений в юриспруденции считают судебную “инстанцию” существенным элементом создания права, отождествляя тем самым правореализационную, интерпретационную и правотворческую деятельности. Такая практика характерна не только для англо-саксонской, но и романо-германской правовой семьи, в том числе и для российской правовой системы. Примером могут служить разнообразные постановления Пленума Верховного Суда РФ (подробнее см. [11. С. 150-164; 13. С. 91-104]). И какие бы доводы в оправдание такой юридической практики ни приводились, ясно одно: мы имеем здесь дело с превышением интерпретационных полномочий, нарушении-

ем законности и иных принципов юридического толкования, “отменяющим толкованием” (*interpretatio abrogans*), как говорили римские юристы.

Интерпретационные действия и операции образуют динамическую сторону юридического толкования. *Действия* представляют собой осмысленные и внешне выраженные акты субъектов и участников, связанные с познанием, оценкой, разъяснением, описанием и пр. какого-либо юридического явления. Совокупность взаимосвязанных между собой действий, объединенных локальной целью, составляет *операцию* (например обращение в Конституционный Суд РФ с запросом о толковании Конституции РФ).

Действия и операции играют не одинаковую роль в структуре интерпретационной практики. Многое зависит от их природы, той или иной разновидности. Для нашего исследования принципиально важным является выделение мыслительных действий, каждое из которых психологи разграничивают на ориентировочную, исполнительную и контрольную части [44. С. 77], а также внешне выраженные социально-преобразующие действия и операции.

Большинство интерпретационных действий и операций относится к вербальным, т.е. процесс уяснения и разъяснения юридических явлений осуществляется с помощью естественных и искусственных, устных и письменных знаковых систем. Все они могут быть подразделены на гностические действия (операции), направленные на получение знания о реальной действительности (объекте и предмете толкования), и социально-коммуникативные действия (операции). Последние в свою очередь подразделяются на собственно-коммуникативные (например обмен нужной информацией и опытом между участниками, субъектами и участниками интерпретационной практики) и организационные действия (операции), связанные, например, с подготовкой к толкованию, вынесением и оформлением праворазъяснительного решения.

В содержании интерпретационной практики существенную роль призвана играть *интерпретационная техника и тактика*. В отечественной и зарубежной литературе данный аспект проблемы рассматривается через категорию “способы толкования права”. Изначально указанный подход является неверным, явно суживает рамки исследования, технологию интерпретационной практики.

В науке, в том числе и юридической, принято разграничивать понятия “средства” и “способы” деятельности. Средства составляют инструментальную часть (технику) интерпретационной практики. Условно они могут быть разделены на *общесоциальные, специально-юридические и технические*. К *общесоциальным* следует отнести язык (отечественный

и иностранный), выражающие его части речи, знаки, языковые единицы (слова, словосочетания, существительные, глаголы, предложения, графические конструкции и т.п.), а также понятия, суждения, разнообразные социальные нормы и т.д.

Специально-юридические средства - это юридические понятия и термины, конструкции, правовые предписания, выработанные наукой и практикой в процессе юридического толкования, развития правовой системы общества в целом.

В процессе уяснения и разъяснения правовых предписаний, при издании и обнародовании актов толкования, накоплении и хранении интерпретационного опыта широкое применение в настоящее время находят *технические* (приборы и инструменты) *средства*: множительная техника, компьютеры и т.п. В этом плане отечественные авторы (И.Ф. Казьмин, Т.Я. Насырова и др.) обращают внимание на перспективность и преимущество “машинного толкования”, которое позволяет обеспечивать единообразное понимание, объяснение и применение права (см. [45. С. 169; 19. С. 21]). Этот аспект проблемы, к сожалению, так и не получил достаточного научного обоснования и внедрения в интерпретационную практику.

Совокупность указанных выше средств, с помощью которых достигаются необходимые цели интерпретационной практики, образуют *интерпретационную технику*.

Одни и те же средства могут быть использованы в интерпретационной практике по-разному, различными способами. Так, с помощью одних и тех же слов можно по-разному интерпретировать смысл и значение одного и того же правового акта. Логические категории могут быть применены каждая самостоятельно либо системно, в рамках логического развития и реконструкции правовых актов. Используя одни и те же документы, можно прийти к прямо противоположным выводам относительно смысла и значения толкуемых предписаний. Наглядной иллюстрацией этому служат Особые мнения судей Конституционного Суда РФ, которые сопровождают практически каждое его итоговое решение,

Поэтому есть необходимость выделять не только средства, но и способы толкования. *Способы* - это конкретные пути достижения намеченных целей и результатов с помощью конкретных средств и при наличии соответствующих условий и предпосылок интерпретационной практики.

Совокупность взаимосвязанных и взаимодействующих между собой способов и правил юридического толкования составляет важную часть интерпретационной тактики. В последнюю, кроме того, включа-

ются принципы интерпретационной практики, научно разработанные основы ее организации и осуществления. Поэтому в самом широком смысле данную тактику можно определить как искусство правильно и грамотно управлять участниками интерпретационной деятельности, оптимально планировать и организовывать юридические действия и операции (познания, оценку и т.п.), наиболее целесообразно использовать общесоциальные, специально-юридические и технические средства для достижения поставленных целей и вынесения праворазъяснительных решений.

Естественно, что порой достаточно трудно разграничить, какие приемы (знания и т.п.) следует включать в интерпретационную технику, а какие в тактику. Однако глубокое и всестороннее исследование проблем интерпретационной техники и тактики, составляющих важнейшую часть технологии официального толкования, в настоящее время имеет как теоретическое, так и практическое значение, позволяя выявлять противоречия, ошибки и другие погрешности в интерпретационной практике.

По поводу так называемых “способов толкования права”, рассматриваемых в литературе, хотелось бы сделать еще два существенных уточнения. Первое касается того, что обычно в науке выделяются и анализируются грамматический (словесный, филологический, языковой и т.п), логический, исторический (историко-политический), систематический и специально-юридический “способы” толкования (некоторые авторы пишут также о функциональном, телеологическом способах). Не затрагивая пока вопрос о необходимости или целесообразности выделения указанных “способов”, мы бы добавили философский и психологический, социологический и нравственный, математический и технический и другие способы и средства толкования. То есть к ним относятся любые научные и обыденные знания, средства и способы, используемые в процессе интерпретационной практики. Так, сложившиеся в обществе нравственные представления и идеи служат важнейшим средством познания, оценки и объяснения некоторых правовых терминов; изучение реальной действительности, материалов обобщения юридической практики, общественного мнения, использования конкретных социологических данных составляет социологический аспект интерпретационной техники и тактики; толкование (и применение) права на основе “революционного правосознания”, а также с целью выяснения “духа”, “действительной воли законодателя” с учетом “мотивов законодателя” и психологических качеств интерпретатора нужно, видимо, отнести к психологическому аспекту технологии толкования. Классовый, партий-

ный подход интерпретационной практики представляет собой пример политического толкования.

Второе уточнение заключается в том, что в этом случае правильнее говорить не о “способах” или “средствах” юридического толкования, а о грамматическом (словесном и т.п.), логическом, историческом и пр. толковании, имея в виду соответствующую технологию интерпретационной практики, основанную на грамматике, логике, социологии, психологии, этике и других науках. Не углубляясь в существо проблемы, покажем это на конкретном примере. Так, в грамматическом толковании в виде относительно самостоятельных элементов можно выделять, например, *средства*, в качестве которых выступают отдельные части речи (существительные, прилагательные, глаголы, наречия, предлоги и др.), *способы* и *правила* составления простых (повествовательных, побудительных и т.п.) и сложных (сложносочиненных, сложноподчиненных и т.п.) предложений, употребления знаков препинания и т.д. (подробнее об интерпретационной юридической технике и тактике см. п. 9.2.4. данной темы).

Результат воплощает в себе итог конкретной интерпретационной деятельности, который выражается в языковой форме и представляет определенные устные или письменные разъяснения (высказывания, объяснения и т.п.) интерпретатора.

Каждое толкование либо провозглашает, либо расширяет, либо ограничивает (“*omnis interpretatio vel declarat, vel extendit, vel restringit*”) его объект (предмет).

В литературе немало написано о буквальном (адекватном), ограниченном и распространительном толковании. *Буквальным* результат юридического толкования будет в тех случаях, когда содержание (смысл) нормы права или другого юридического предписания совпадает с формой текстуального и иного внешнего выражения данного предписания.* Римские юристы даже считали, что, “когда слова и намерения согласуются, нет места для толкования” (“*quando verba et mens congruunt, non est interpretationi locus*”). *Ограничительным* получается результат, когда действительное содержание нормативно-правового или иного предписания уже его (предписания) текстуального (словесного) и

* Все авторы, рассматривающие этот аспект проблемы, пишут о несовпадении смысла (содержания и т.п.) нормы права с ее словесным (текстуальным) выражением. Необходимо в этом плане уточнить, что нормы права и иные юридические предписания могут выражаться не только словами, но и с помощью искусственных знаков, графически, в виде рисунков, математических формул и т.д. Поэтому при характеристике результатов юридического толкования следует иметь в виду несовпадение содержания предписаний *не только с текстуальной, но и с иными формами выражения данных предписаний*.

иного внешнего выражения. Например, в п. 2 ст. 21 Конституции РФ записано: “Никто не должен подвергаться пыткам, насилию, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению или наказанию...”. В понятие “унижающее человеческое достоинство обращение или наказание”, согласно разъяснениям Европейского Суда и Комиссии по правам человека, включаются не любые унижающие человеческое достоинство действия и наказания, а обращения и наказания такого рода, которые направлены на то, чтобы вызвать у людей чувство страха, подавленности и неполноценности, оскорбить, унижить их или сломить их физическое или моральное сопротивление [47. С. 108].

Распространительным результат интерпретационной практики будет в тех случаях, когда действительное содержание нормативно-правового или иного юридического предписания шире его (предписания) текстуального и иного выражения. Так, в п. 2 ст. 24 Конституции РФ говорится: “Органы государственной власти и органы местного самоуправления, их должностные лица обязаны обеспечить каждому возможность ознакомления с документами и материалами, непосредственно затрагивающими его права и свободы, если иное не предусмотрено законом”. Как видим, здесь говорится лишь об органах государственной власти, органах местного самоуправления и должностных лицах указанных органов. Между тем соответствующие документы и материалы могут находиться и у негосударственных (немуниципальных) организаций в соответствии с профилем их деятельности (например, в частных образовательных и лечебных учреждениях, детективных и аудиторских фирмах, учреждениях социального обслуживания и т.п.). Поэтому права те авторы, которые указывают, что ст. 24 Конституции РФ распространяется и на указанные органы, а имеющийся в данной статье перечень органов должен рассматриваться как примерный. Этот вывод вытекает из анализа ст. 23 и п. 1 ст. 24 Конституции РФ, поскольку неприкосновенность частной жизни и запрет незаконного оборота информации предполагает защиту от любого нарушения, независимо от того, кто является его субъектом [47. С. 119].

В отечественной юридической литературе подчеркивается, что ограничительный и распространительный результат юридического толкования обусловлен двумя основными факторами. Во-первых, субъект, формулирующий то или иное юридическое предписание, в силу субъективных и объективных причин не смог достаточно полно и четко выразить свою мысль и адекватно сформулировать и закрепить ее вовне. Во-вторых, наличие близких по содержанию и форме юридических предписаний может в той или иной степени сузить или, наоборот, расширить объем действия толкуемого предписания (см., например, [11. С.

139 и след.; 23. С. 289-290])). Наиболее типичными случаями, вытекающими из системности норм права, А.Ф. Черданцев считает следующие:

а) ограничительные или распространительные результаты толкования могут быть основаны на легальной дефиниции, которая может сузить или расширить смысл термина по сравнению с обыденным или специальным его значением в других отраслях знания (например, легальное определение и понятие ночного времени, предусмотренное ст. 34 УПК РСФСР, не совпадает с астрономическим его понятием);

б) основанием ограничительного толкования является наличие специальной или исключительной норм права, делающих изъятие из более общей нормы. Здесь действует общепризнанное правило: “*lex specialis derogat lege generali*” - “специальный закон отменяет действие общего закона”;

в) ограничительным либо распространительным может быть результат толкования при сопоставлении норм Общей и Особенной частей той или иной отрасли права. Так, если буквально толковать статьи Особенной части УК РФ, отвлекаясь от нормативно-правовых предписаний Общей части, то можно прийти к выводу, что многие из первых предусматривают ответственность за действия, совершенные субъектами любого возраста, или что ответственность может наступить и без вины;

г) ограничительное воздействие на некоторые управомочивающие и обязывающие нормативно-правовые предписания оказывают запреты, если те и другие призваны регламентировать одни и те же общественные отношения. Так, в п. 2 ст. 44 СК РФ говорится о том, что суд может признать брачный договор недействительным полностью или частично по требованию одного из супругов, если условия договора ставят этого супруга в крайне неблагоприятное положение. На наш взгляд, понятие “крайне неблагоприятное положение” следует толковать ограничительно с учетом, например, ст. 179 ГК РФ, где говорится о признании сделки недействительной, если лицо было вынуждено совершить ее вследствие стечения тяжелых обстоятельств на крайне невыгодных для себя условиях, чем другая сторона воспользовалась (кабальная сделка);

д) распространительно толкуется незаконченный перечень обстоятельств, условий и т.п. Указанные перечни, как правило, заканчиваются оборотами “и т.д.”, “и другие” (см., например ст. 424, 426, 891 ГК РФ).

Распространительное толкование необходимо отличать от применения аналогии закона. Это различие имеет принципиально важное теоретическое и практическое значение, причем не только для правоприменительной практики, но и для правотворческой и правосистематизирующей практики.

В области правоприменения смешение этих двух явлений создает возможность использования под видом распространительного толкования аналогии закона и наоборот. Это может привести к грубым нарушениям законности, особенно в сфере уголовного права, где аналогия запрещена. Необходимость в отграничении аналогии закона от распространительного толкования объясняется тем, что применение аналогии гарантируется соблюдением более строгих условий, чем интерпретация, требует выполнения дополнительных действий со стороны субъекта правоприменительной практики, а по существу представляет определенное развитие законодательной воли в индивидуальном порядке для частного случая.

Распространительное толкование и аналогия закона обладают внешним сходством. В обоих случаях мы сталкиваемся с несовпадением содержания, “смысла закона” с “буквой закона”, когда, например, суд идет дальше текстуального выражения нормативно-правового предписания. Распространительное толкование и аналогия закона направлены на устранение определенного несоответствия между фактическими обстоятельствами и правовыми предписаниями. И то и другое явление имеет место в отдельных случаях при недостатках, “дефектах” законодательства. Ни распространительное толкование, ни аналогия закона при соблюдении принципа законности не влекут какого-либо изменения в сфере правового регулирования. Не подлежат распространительному толкованию и применению по аналогии юридические предписания, устанавливающие исключения из общего правила, содержащие веления исчерпывающего характера. Внешнее сходство проявляется также в том, что в деятельности по толкованию и применению аналогии закона используются близкие по содержанию нормативно-правовые предписания, логические приемы и т.п.

Не последнюю роль указанное сходство сыграло в том, что в литературе нередко ставится под сомнение допустимость распространительного толкования. Так, М.Г. Авдюков и К.И. Комиссаров одним из аргументов против допущения в праве распространительного толкования считают смешение его с применением закона по аналогии (см. [50. С. 52. и след.; 51. С. 34-42]).

Отрицание распространительного (как и ограничительного) результата толкования основано также на том, будто субъекты правоприменительной практики в этом случае выходят за установленные законодателем пределы правовой нормы, что объем, содержание норм не может произвольно расширяться или ограничиваться в процессе ее реализации (см.: Там же).

Пожалуй, общим недостатком аргументации авторов, выступающих против распространительного толкования, является то, что они смешивают результат, к которому приводит использование различных средств и способов толкования, с самими средствами и способами, и тем самым расширяют объем понятия распространительного юридического толкования. В литературе такая позиция справедливо была подвергнута критике [12. С. 76-85; 11. С. 133 и след.].

Отличие распространительного толкования от аналогии закона обусловлено тем, что различны цели, задачи и функции этих явлений в правовой системе общества, неодинакова их природа и роль в правовом регулировании общественных отношений. Если аналогия закона составляет важнейший компонент правоприменительной практики, то распространительный результат толкования - интерпретационной практики. В процессе толкования выясняется действительное содержание правового предписания, которое по тем или иным причинам недостаточно ясно, четко и точно выражено. Причиной, вызывающей необходимость в распространительном толковании, в более широких выводах, положениях, является несовпадение в первую очередь грамматического и логического смысла, содержания юридического предписания и способов его выражения, т.е. законодатель регулирует те или иные обстоятельства, но неудачно, например, оформляет свою волю текстуально. Так, термин "решение" в части 3 ст. 35 Конституции РФ необходимо толковать более широко, поскольку им в данном случае обозначаются акты судебных органов, изданные как в форме решений по гражданским делам, так и в виде приговоров по уголовным делам.

При аналогии закона отсутствует нормативно-правовое предписание, предусматривающее данные случаи. Имеется лишь предписание, которое регулирует близкие, сходные, аналогичные ситуации. Еще Г.Ф. Шершеневич отмечал, что если при распространительном толковании большая посылка (норма права) дана непосредственно в законодательстве, то при аналогии закона ее приходится создавать по признакам, данным в сходной норме [15. С. 305]. В этом случае имеет место неполнота законодательства. Отсутствует объект для какого бы то ни было толкования.

Распространительный результат толкования возможен только в пределах нормативно-правового предписания, он не должен выходить за границы содержащегося в нем веления. Цель распространительного толкования заключается в том, чтобы привести в соответствие действительное содержание нормативно-правового предписания и его юридическое содержание, выяснение подлинной воли законодателя. Назначение аналогии закона состоит в казуальном восполнении пробелов

лов в праве. Толкование же ни в коем случае ни под каким предлогом не должно быть средством восполнения пробелов права.

Правильно отмечается в литературе, что распространительное толкование не допускается в случае совпадения “буквы” и “смысла” закона, а также оно недопустимо при толковании исчерпывающих перечней, санкций норм права, положений, составляющих исключения из общего правила, терминов легальной дефиниции, если такое толкование выходит за рамки указанной дефиниции [11. С. 142].

Отдельные авторы (С.И. Вильнянский и др.) ставят вопрос о необходимости различать распространительное толкование и распространительное применение правовых норм [51. С.39]. При распространительном толковании, по мнению С.И. Вильнянского, выясняется действительный смысл правовой нормы. При распространительном применении подлинный смысл нормы права не вызывает сомнений и соответствует тексту. Задачей распространительного применения является не выяснение смысла закона, пишет автор, а “распространение его на другие случаи, родственные или сходные (в этом случае такое распространительное применение является применением по аналогии) или даже не сходные. Всякое распространительное применение заключает в себе признак изменения содержания закона ...”. И далее: “Распространительное применение не всегда имеет целью восполнение пробелов в законе” (см. [51. С. 39]). Положение о том, что возможен анализ распространительного применения за рамками аналогии закона, а также, что “всякое распространительное применение вносит изменение в содержание правовых норм”, противоречит, по нашему мнению, принципу законности и не должно иметь место в деятельности субъектов правоприменительной практики.

Иногда в литературе употребляется термин “расширительное толкование” (см. работы Н.Н. Полянского, А.С. Шляпочникова и др.). Если не понимать этот термин как идентичный “распространительному толкованию”, то он теряет всякий смысл.

В юридической науке практически не обращается внимание на то, что результат интерпретационной деятельности может быть промежуточным и окончательным, положительным и отрицательным, истинным и ложным и т.п. Толкование может противоречить не только “букве”, но и “духу” закона, извращать смысл и социальное назначение нормативного предписания, заложенного в него субъектом правотворчества. Опубликованная, например, судебная практика свидетельствует, что ошибки и другие погрешности в интерпретационной практике совершают не только нижестоящие суды (арбитражные, общей юрисдикции), но и Верховный Суд РФ, Высший Арбитражный Суд РФ и Конституци-

онный Суд РФ. Поэтому весьма актуальным в настоящее время представляется исследование природы интерпретационных ошибок, их причин, способов и средств установления и устранения. С этим аспектом проблемы непосредственно связано повышение качества и эффективности самой интерпретационной практики и других разновидностей юридической практики.

Для правильного решения вопроса о роли и месте результата в структуре интерпретационной практики требуется соотнести его с теми целями, задачами, которые ставил перед собой интерпретант. Такое соотношение необходимо не только потому, что, по выражению Гегеля, результат представляется осуществленной целью, но и для установления эффективности и социальной ценности интерпретационной практики в правовой системе общества.

Цели составляют важнейший элемент *социально-психологического механизма интерпретационной деятельности*, который в самом общем плане включает следующие блоки: сбора и обработки фактической и правовой информации, мотивационный, программно-целевой, опытно-индивидуальный, энергетический, оценочный, блок принятия рационального решения и его реализации (подробнее об элементах социально-психологического механизма юридической деятельности см. [28. С.107-116]).

Тщательное изучение данных блоков позволяет выявить соответствующие структурные и содержательные дефекты в этом механизме, служит основой для целенаправленного воздействия на отдельные стороны и параметры интерпретационной практики путем осознанного регулирования действий (операций) его субъектов и участников.

Указанные блоки составляют внутренний (идеальный) механизм (аспект) управления интерпретационной деятельностью, который является частью *механизма детерминации интерпретационной практики*. В последнем можно выделить определенные типы (виды, подвиды) детерминирующих толкование факторов, формы, уровни, силу (степень), этапы (стадии), носителей, результаты и иные элементы детерминации интерпретационной практики (подробнее о механизме детерминации см. [28. С.29-37]). Не секрет, например, что личностные (в частности субъективные), экономические, политические, идеологические и другие факторы играют существенную роль в интерпретационной практике. Принципиально важным, как мы уже отмечали, является разграничение поводов и оснований для толкования права. К погрешностям в толковании на уровне районного суда и Верховного Суда РФ, видимо, тоже нужно подходить по-разному и т.п. Одним словом - перед нами еще одно из важнейших направлений интерпретационной практики, которое

не получило должного отражения ни в отечественной, ни в зарубежной науке.

Вторым основным компонентом содержания интерпретационной практики наряду с интерпретационной деятельностью является *интерпретационный опыт*, который отражает как совокупный итог достаточно длительной и многолетней интерпретационной деятельности, так и отдельные ее моменты.

Интерпретационный опыт формируется в процессе уяснения правовых предписаний, обмена мнениями и информацией, сопоставления правовых взглядов и представлений, подготовки, оценки и обсуждения праворазъяснительных решений и т.п., когда в толковании происходит выделение (отбор, селекция) наиболее прогрессивных, передовых, целесообразных и полезных его аспектов (сторон, черт и т.п.), имеющих важное значение для правотворчества, систематизации и реализации права, дальнейшего совершенствования интерпретационной практики.

Если динамическая сторона интерпретационной практики выражена преимущественно в интерпретационной деятельности, то статическая - в интерпретационном опыте (социально-правовой памяти), который является результатом накопления, систематизации и хранения соответствующей информации (знаний, умений, оценок, подходов, мастерства и т.д.). Не случайно известный римский юрист Павел писал, что “в наименьшей степени следует изменять то, что постоянно толковалось в определенном смысле” [31. С. 33]. Изучение этого опыта позволяет правильно определить место и роль интерпретационной практики в правовом наследии и механизме социально-правовой преемственности.

Интерпретационный опыт также имеет свою структуру. Его составными элементами являются прецеденты толкования, т.е. такие достаточно устоявшиеся праворазъяснительные предписания, которые аккумулируют социально-ценные и прогрессивные фрагменты интерпретационной деятельности и служат в качестве примеров и образцов наиболее грамотного и целесообразного понимания и объяснения смысла и значения тех или иных правовых актов, их разделов, частей и т.п. (подробнее о прецедентах юридического толкования см. [35]). Формой выражения и закрепления прецедентов толкования являются разнообразные официальные и неофициальные документы, содержащие выводы и предложения (заклучения, объяснения и т.п.) по толкованию, закрепляющие праворазъяснительные решения и пр.

9.2.3. Формы интерпретационной практики

Интерпретационная практика имеет не только определенное содержание, но и соответствующие формы. Это способы внутренней организации (внутренняя форма) и внешнего выражения (внешняя форма) ее содержания. В качестве внешней формы выступают разнообразные акты-документы (письменные обращения заинтересованных в разъяснении сторон, заключения экспертов, пояснительные записки, протоколы, стенограммы и т.п.) внешнего выражения и закрепления интерпретационных действий и операций (объяснений, решений, опыта). Центральное место здесь занимают интерпретационные акты (подробнее см. п.9.6 данной темы).

К внутренней форме, т.е. способу организации и внутренней связи элементов содержания, относится процедурно-процессуальная форма интерпретационной практики. Т.Я. Хабриева, например, пишет о “полном отсутствии публикаций и вообще какого-либо научного анализа процесса толкования права” [26. С. 193].

Со столь категоричным выводом трудно согласиться, поскольку и в отечественной литературе (см., например, труды Н.Н. Вопленко), и в зарубежных изданиях (работах Б.Спасова и др.) было уделено значительное внимание этому аспекту проблемы. Другое дело, что процессуальная форма интерпретационной практики не столь обстоятельно и глубоко, как бы хотелось, исследована в науке. Ученые в основном ограничиваются определением праворазъяснительного процесса и выделением отдельных его стадий (см., например, [13. С. 15-18; 25. С. 174-181]).

Данная процессуальная форма, на наш взгляд, включает определенные процессуальные стадии, производство и режимы. *Стадии* - это урегулированные процессуальными правовыми предписаниями, а также обычаями, традициями и т.п., относительно обособленные во времени и пространстве, совершаемые в определенной последовательности юридически значимые интерпретационные действия (операции), направленные на достижение целей интерпретационной практики. Каждая стадия представляет самостоятельный этап (фазу) толкования.

В науке выделяются самые разнообразные стадии праворазъяснительного процесса. Так, Н.Н. Вопленко выделяет 5 стадий. Первой стадией, по его мнению, является праворазъяснительная инициатива, т.е. граждане, должностные лица и другие заинтересованные субъекты в связи с возникшей неясностью в процессе реализации правовых предписаний обращаются в компетентные органы о даче соответствующего разъяснения по возникшему вопросу. Причем субъект интерпретацион-

ной практики, как верно отмечает автор, вправе положить начало разъяснительному процессу и по собственной инициативе. Обобщение юридической практики и проверка необходимости дачи разъяснения законодательства составляют вторую стадию. Третьей стадией является выработка и обсуждение текста разъяснения. Четвертую стадию составляет процесс принятия или утверждения разъяснений. Заканчивается праворазъяснительный процесс пятой стадией - опубликованием акта разъяснения [13. С. 16-18].

Б. Спасов также считает, что процесс юридического толкования включает в себя пять стадий (он называет их фазами). Первая фаза, по его мнению, - это осуществление инициативы о юридической интерпретации, которая может выразиться путем внесения предложения о толковании субъекту интерпретационной деятельности; вторая - установление необходимости в интерпретационной деятельности, которая отвечает на вопрос, является ли правовая норма ясной или неясной и есть ли препятствия для ее официального толкования (эта деятельность всегда осуществляется органом, компетентным толковать правовое предписание); третья фаза - уяснение смысла толкуемой правовой нормы для самого интерпретатора; четвертая фаза характеризуется изданием акта, в котором выражено понимание интерпретатором смысла правового предписания (на этой стадии субъект интерпретационной практики объясняет другим, как он уяснил и воспринял содержание юридического предписания); пятая фаза - это опубликование решений о толковании, уведомление заинтересованных лиц и органов о решении, которым отклоняется предложение о толковании [25. С. 178-179].

Особенно обстоятельного исследования в настоящее время требуют стадии конституционного толкования, которые закреплены соответствующими законами и регламентами. Т.Я. Хабриева, например, в процессе конституционного толкования выделяет следующие основные стадии. Первой стадией толкования Конституции РФ, по ее мнению, является установление Конституционным Судом РФ неопределенности в вопросе понимания ее положений. На данной стадии изучается текст обращения и прилагаемые к нему документы. Вторая стадия конституционного толкования связана с деятельностью судьи-докладчика по подготовке дела к слушанию, который истребует необходимые материалы, поручает производство проверок, исследование документов, экспертизу, консультируется у специалистов, делает запросы и т.д. Данная стадия завершается объявлением о заседании Конституционного Суда РФ, уведомлением о нем участников процесса. Третья стадия состоит в рассмотрении обращений по существу в открытом заседании Конституционного Суда РФ. Четвертую стадию составляет дискуссия

на закрытом совещании судей по принятию итогового решения, которое принимается большинством не менее 2/3 от общего числа судей. Пятую стадию составляют действия по оформлению решений судей в постановлении Конституционного Суда и доведение его до всеобщего сведения. Возможна и шестая стадия, связанная с разъяснением принятого решения [20. С. 48-51, 128-161; 26. С. 193-195].

Нам представляется, что первой стадией толкования Конституции РФ является все-таки обращение с запросом в Конституционный Суд РФ, который служит поводом для возбуждения конституционного судопроизводства (ст. 36, 105 закона). Ее можно рассматривать в качестве праворазъяснительной инициативы. Дело в том, что данная стадия влечет за собой необходимость принятия обращения к рассмотрению и последующие интерпретационные действия и операции.

Кроме того, опубликование принятого решения, “доведение его до всеобщего сведения”, по нашему мнению, составляет самостоятельную стадию конституционного судопроизводства.

Труднообъяснимой и слабо аргументированной является попытка Т.Я. Хабриевой выделить три стадии “по материальному признаку”: “уяснение идеологии законодательных норм”, “исследование правового содержания законов”, “исследование материальных сторон действия права” [20. С. 50-51; 26. С. 195].

Кроме отдельных стадий в теоретическом и практическом плане, во внутренней форме интерпретационной практики важно обособить процессуальные производства. В этой связи хотелось бы отметить, что некоторые авторы отождествляют праворазъяснительный процесс и его стадии с процессуальным производством. Так, Б. Спасов пишет: “Поскольку существует законодательный, гражданский, уголовный, административный процесс, постольку нет оснований для возражения против термина “процесс толкования и выделение его в особое производство”..., “процесс толкования - соответствующее производство” [25. С. 175].

Процессуальное производство, на наш взгляд, представляет самостоятельный элемент процессуальной формы, который характеризуется специфическим составом субъектов и участников праворазъяснительного процесса, системой правовых связей и отношений между ними, особенностью процессуальных действий и операций, стадий, интерпретационной техники и тактики, формами внешнего выражения и официального закрепления выносимых интерпретатором решений. Можно, например, выделить процессуальное производство в Конституционном Суде РФ по рассмотрению дел: а) о соответствии Конституции РФ нормативных актов органов государственной власти и договоров между

ними (глава 9 закона); б) о соответствии Конституции РФ не вступивших в силу международных договоров РФ (глава 10 закона); в) по спорам о компетенции (глава 11 закона); г) о конституционности законов по жалобам на нарушение конституционных прав и свобод граждан (глава 12 закона); д) о конституционности законов по запросам судов (глава 13 закона); е) о толковании Конституции РФ (глава 14 закона). Хотелось бы специально подчеркнуть, что не только последнее процессуальное производство (“е”), но и все предыдущие (“а”, “б”, “в”, “г”, “д”) непосредственно связаны и обслуживают интерпретационную практику, поскольку и при спорах о компетенции, и при рассмотрении дела о конституционности законов по запросам судов, и в других случаях деятельность Конституционного Суда РФ преимущественно интерпретационная.

Система процессуальных нормативных и индивидуальных правовых предписаний и отношений, соответствующих гарантий и ресурсов (финансовых, информационных, людских и т.п.), а также организационных и юридических мероприятий, направленных на их реализацию, составляет, по нашему мнению, определенный *процессуальный режим толкования*. Так, законом “О Конституционном Суде РФ” и “Регламентом Конституционного Суда РФ” установлено два основных режима рассмотрения дел: 1) в пленарных заседаниях и 2) в заседаниях палат Конституционного Суда РФ.

Внутренняя процессуальная форма интерпретационной практики может быть простейшей, в которой трудно выделить относительно самостоятельные стадии, производства, режимы и другую процессуальную атрибутику (например, разъяснение отделом социального обеспечения принятого решения); а также достаточно сложной и развитой, предполагающей четкое выделение основных элементов процессуальной формы и детальную процессуальную регламентацию действий (операций) субъектов и участников интерпретационной практики (характерна для интерпретационной практики конституционных и уставных судов в РФ, Верховного Суда РФ и Высшего Арбитражного Суда РФ).

В отечественной и зарубежной литературе правильно подчеркивается тот факт, что рассматриваемая выше процессуальная форма интерпретационной практики характерна прежде всего для официального толкования и ее нельзя автоматически распространять на неофициальную юридическую интерпретацию [13. С. 18-19; 25. С. 179].

9.2.4. Интерпретационная техника и тактика

В отечественной и зарубежной юридической науке традиционно выделяются 4 “способа” толкования: грамматическое, логическое, систематическое и историческое, которые мы и рассмотрим в первую очередь.

Как уже было отмечено ранее, грамматическое толкование включает определенные средства (их совокупность составляет технику толкования), принципы, способы и правила юридического толкования (интерпретационная тактика). Таким образом оно представляет собой определенную технологию преобразования одного текста в другой, путем использования соответствующей техники и тактики позволяет раскрыть подлинное содержание юридического предписания. В литературе данная процедура представляется некоторым авторам (Т.В. Губаевой и др.) в качестве перифразы (греч. *peri* = вокруг + *phraso* = говорю) исходных юридических формул, замены их другими словами и описательными оборотами, передающими тот же смысл правового предписания, но с необходимыми уточнениями, большей ясностью и наглядностью, выделением существенных и дополнительных признаков объекта толкования и т.п. [53. С. 151-152].

К средствам грамматического толкования относятся графические знаки (например, буквы, служащие для обозначения на письме звуков речи), слова, которые делятся на определенные лексико-грамматические разряды, называемые частями речи (существительное, прилагательное, числительное, местоимение, глагол, наречие и т.п.), словосочетания, предложения, знаки препинания и т.п.

Буквы в интерпретационной практике используются в качестве объектов толкования, а также для текстового изложения истолкованного правового предписания. Самостоятельно буквы выступают, например, в качестве предлогов (в, о, с, у, к и др.) и союзов (и, а и др.). Строчными (маленькими) и прописными (заглавными, большими) буквами могут обозначаться отдельные части (разделы, пункты и т.п.) в толкуемых актах (см., например, Свод законов США, УК РФ), а также интерпретационных актах (см., например, постановления пленума Верховного Суда СССР № 16 от 3 декабря 1962 года, № 18 от 22 декабря 1964 года), аббревиатуры (ГК РФ, НДС, МАК).

Слова представляют одну из основных единиц языка, с помощью которой выражается юридическая и иная действительность. В интерпретационной практике особенно важно учитывать полисемию (многозначность слов), полисемичные дефекты в правовых предписаниях и пути их преодоления в процессе грамматического толкования.

Словосочетания (соединение двух или более слов, связанных грамматически и по смыслу) позволяют отражать более сложные явления, процессы и отношения реальной действительности. Так, словосочетание “дача взятки” указывает предмет действия и его основной признак (см. ст. 291 УК РФ).

Предложения - это основные синтаксические единицы, содержащие сообщение о чем-то, или вопрос, или побуждение. Для них характерна интонационная и смысловая законченность; они представляют собой отдельные высказывания. Например, в п.1 ст. 463 ГК РФ записано: “если продавец отказывается передать покупателю проданный товар, покупатель вправе отказаться от исполнения договора купли-продажи.”.

Все предложения различаются как по структуре, так и по своим функциям. В процессе интерпретационной практики важно учитывать разнообразные типы предложений (полные и неполные, простые и сложные, сложносочиненные и сложноподчиненные, односоставные и двусоставные, утвердительные и отрицательные, распространенные и нераспространенные, повествовательные и побудительные и др.), которые по-разному отражают реальную действительность и оформляют юридические веления и распоряжения.

Знаки препинания (точка, запятая, точка с запятой, кавычки, скобки, тире, многоточие и др.) служат для обозначения в тексте границ словесных отрезков, обеспечивают однозначное понимание предложений и текста. Правильно расставленные знаки препинания говорят не только о грамотности автора текста, но и позволяют интерпретатору “уловить” смысл толкуемого юридического предписания, расставить “акценты” на отдельных его положениях. Например, точкой с тире в УК РФ обычно отделяется гипотеза (диспозиция) соответствующей нормы от санкции. Запятая может означать перечисление условий действия нормы, прав и обязанностей, наказаний и т.п. Проиллюстрируем это на примере п. 1 ст. 307 ГК РФ: “в силу обязательства одно лицо (должник) обязано совершить в пользу другого лица (кредитора) определенные действия, как то: передать имущество, выполнить работу, уплатить деньги и т.п., либо воздержаться от определенного действия, а кредитор имеет право требовать от должника исполнения его обязанностей”.

Кроме указанных и иных средств в грамматическое толкование включаются определенные *способы* и *правила*, составляющие *интерпретационную тактику*. Существуют, например, соответствующие *способы словосочетания* (согласование, управление, примыкание), *способы и правила расположения членов предложения* (прямое, обратное и т.п.), *знаков препинания* (существуют морфологические, синтак-

сические, звуковые и смысловые опознавательные признаки применения пунктуационных правил). Указанные способы и правила подробно разработаны современным языкознанием.

Как и в других разновидностях юридической практики (правотворческой, правоприменительной и т.п.), в интерпретационной практике используется *официально-деловой стиль языка*. При этом необходимо иметь в виду особенности языка и стиля правовых актов, служащих объектом юридического толкования, а именно: их официальный и документальный характер, ясность и простоту, максимальную точность выражения юридических велений, лаконичность и компактность, логическую и грамматическую связанность и последовательность изложения, экспрессивную нейтральность и беспристрастность текста, формализм и стереотипность, унифицированность стиля и др. (подробнее о языке права, нормативных, правоприменительных и иных актов см.[54, 55]).

Безусловно, что указанные особенности языка и стиля характерны и для интерпретационных актов. Однако те или иные цели юридического толкования, а также особенности объектов интерпретации могут потребовать существенной корректировки перечисленных свойств языка и стиля. Обычно юридические разъяснения бывают менее лаконичными и компактными, но более ясными, точными, описательными и т.п.

В юридической науке и интерпретационной практике выработаны разнообразные *правила* грамматического толкования (подробнее см. [3. С. 38 и след.; 11. С. 35 и след.]). К ним, например, относятся, следующие:

- 1) Если в самом правовом акте указано, в каком смысле нужно употреблять то или иное слово, его следует употреблять именно в этом (легальном) смысле. Например, в обыденной жизни под “должностным лицом” понимается лицо, занимающее какую-нибудь должность. Однако в соответствии с примечанием к ст. 285 УК РФ должностными лицами в статьях гл. 30 УК РФ признаются лица, постоянно, временно или по специальному полномочию осуществляющие функции представителей власти либо выполняющие организационно-распорядительные, административно-хозяйственные функции в государственных органах, органах местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждениях, а также Вооруженных Силах РФ, других войсках и воинских формированиях России ... В этом смысле и нужно интерпретировать данный термин при применении статей, включенных в главу 30 УК РФ (“Преступления против го-

сударственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления”).

- 2) При разъяснении того или иного термина следует также исходить из его официальной интерпретации компетентными на то субъектами юридического толкования. Так, суды общей юрисдикции при использовании термина “незаконное приобретение”, “хранение”, “изготовление” наркотических средств должны исходить из тех разъяснений Пленума Верховного Суда РФ, которые даны им в постановлении № 9 от 27 мая 1998 года “О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами” [42.1998. 10 июня].
- 3) Словам и выражениям необходимо придавать то значение, которое они имеют в соответствующем литературном языке, если нет причин и оснований для иной их интерпретации (в международной практике это правило называется “золотым правилом” толкования). Иное, отличное от общеупотребительного значение слов должно быть доказано и аргументировано с помощью других средств и способов толкования.
- 4) Словам юридических предписаний необходимо придавать тот смысл, в каком они употреблялись в момент издания.
- 5) Слова должны толковаться не порознь, а в их связи, взаимодействии, системно.
- 6) Как при определении смысла отдельных слов, так и при установлении содержания юридических предписаний в целом, необходимо учитывать природу предписания (нормативная, индивидуальная и т.п.), стиль его автора.
- 7) Значение термина, установленного законодателем для данного института (отрасли и т.п.) права, нельзя без достаточных оснований распространять на другие институты (отрасли и т.п.) права. Например, термин “должностное лицо” используемое в главе 30 УК РФ нельзя использовать в других институтах уголовного права, в административном праве.
- 8) Идентичным формулировкам одного и того же правового акта нельзя придавать разное значение, если это не следует из данного правового акта.
- 9) Нельзя разным терминам придавать одно значение без достаточных к тому оснований и доказательств.
- 10) Недопустимо такое толкование, при котором отдельные слова и иные средства закона трактовались бы как лишние.

- 11) При толковании иностранных слов им придается то значение, которое они приобрели в родном языке, если иное не оговорено в законодательстве реципиента.
- 12) Слова, относящиеся к той или иной профессии, должны пониматься в соответствии с правилами профессии (*verba artis ex arte*).
- 13) Технические термины должны объясняться опытными людьми (*vocabula artium explicanda sunt secundum definitiones prudentium*). Это правило касается всех специальных терминов.
- 14) Слова следует понимать в соответствии с их предметом (*verba accipienda sunt secundum subjectam materiam*).
- 15) Не следует отступать от обычного смысла слов (*non aliter a significatione verborum*).

Одним из важнейших, особенно для юристов, является *формально-логическое толкование*, которое предполагает использование определенных средств, способов и правил формальной логики. Еще древние говорили, что когда обращается внимание только на правильность языка, очень часто теряется подлинный смысл (*saepenumero ubi proprietates verborum attenditur, sensus veritatis amittitur*).

Некоторые авторы (И.Е. Фарбер, А.С. Пиголкин, Я. Воленский и др.) отрицают самостоятельное значение данного толкования. При этом они исходят из того, что использование грамматического, систематического и других способов и средств уяснения содержания юридических предписаний невозможно без знаний основных законов и категорий логики, что мысль законодателя может быть выражена только словами. Так, А.С. Пиголкин считает, что “интерпретатор при текстовом толковании изучает одновременно как лексическую и синтаксическую, так и смысловую структуру текста нормы, применяет правила и грамматики, и логики” [23. С. 284; 24. С. 111 и след.].

Однако более правильной представляется позиция большинства авторов (С.С. Алексеев, А.Ф. Черданцев, М.Д. Шаргородский, В. Захариев, И. Сабо и др.), которые полагают, что в данном случае приемы и правила логики используются самостоятельно и непосредственно наряду с другими способами и средствами, что предметом интерпретации здесь являются не слова, а обозначаемые ими понятия, суждения и умозаключения. Существующие расхождения между содержанием отдельных юридических предписаний и способами их текстуального и иного выражения, наличие оценочных юридических понятий, ограничительного и распространительного толкования являются дополнительными аргументами в пользу относительно самостоятельного существования логического толкования.

К формально-логическим *средствам* необходимо отнести соответствующие законы, понятия, суждения, умозаключения, аксиомы и т.п.

В литературе отмечается, что существует множество законов логики, отражающих различные виды связей между суждениями и понятиями, определяющих логически правильные формы разнообразных умозаключений. Рассмотрим 4 основных закона: закон тождества, закон (не)противоречия, закон исключенного третьего, закон достаточного основания (подробнее см. [60. С.75 и след.; 61. С. 111 и след.]). В них формулируются наиболее общие требования правильности логической связи между суждениями и понятиями в познавательной деятельности интерпретатора. Данные законы выражают необходимые условия построения мысли, указывают на то, что результаты интерпретационной деятельности должны находить свое выражение вполне определенным, непротиворечивым, последовательным и доказательным образом.

Закон тождества формулируется следующим образом: “Всякое явление есть то, что оно есть”, или: “В процессе определенного познания всякое понятие и суждение должны быть тождественны сами себе” (“А есть А”; “ $a \rightarrow a$ ” и т.п.).

Следует иметь в виду, что одна и та же мысль законодателя может быть выражена по-разному. Поэтому из закона тождества вытекают следующие важные требования:

а) нельзя отождествлять различные мысли. Например, словом “арест” обозначается мера пресечения, вид административного взыскания и уголовного наказания;

б) нельзя тождественные мысли принимать за разные (нетождественные). Поэтому не случайно, например, Пленум Высшего Арбитражного Суда РФ в постановлении № 18 от 22 октября 1997 г. “О некоторых вопросах, связанных с применением положений ГК РФ о договоре поставки” разъясняет нижестоящим судам, что при разрешении споров по договорам поставки арбитражным судам при квалификации правовых отношений участников спора необходимо исходить из признаков договора поставки, предусмотренных статьей 506 ГК РФ, независимо от наименования договора, названия его сторон либо обозначения способа передачи товара в тексте документа [62. 1998. № 3].

(Не)отождествление различного смысла юридических предписаний может зависеть от уровня юридической и иной подготовки интерпретатора, его личного (профессионального и непрофессионального) опыта, знаний, умений, конкретной социально-правовой ситуации и т.п.

Закон (не)противоречия формулируется следующим образом: “Из двух суждений, из которых одно утверждает то, что другое отрицает, одно должно быть ложным”, или: “два несовместимых друг с другом

суждения не могут быть одновременно истинными; по крайней мере одно из них ложно” (“А – А”; “а а”), то есть два противоположных суждения не могут быть истинными в одно и то же время и в одном и том же отношении.

Для правильного понимания данного закона важное значение имеет соблюдение определенных условий, выработанных формальной логикой. Так, утверждая что-либо о каком-либо правовом явлении, мы не можем, не противореча себе, отрицать, во-первых, то же самое, во-вторых, о том же самом явлении; в-третьих, взятом в то же самое время и, в-четвертых, в том же самом отношении (см. [61. С. 117 и след.]). Примером его использования может быть постановление Конституционного Суда РФ № 24-П от 12 октября 1997 г. по делу о проверке конституционности п. 3 ст.11 закона РФ от 27 декабря 1991 г. “Об основах налоговой системы в Российской Федерации”, где говорится, что необходимо признать указанное положение п. 3 ст. 11 данного закона с учетом смысла, придаваемого ему сложившейся правоприменительной практикой, как предусматривающее прекращение обязанности налогоплательщика - юридического лица по уплате налога лишь с момента поступления соответствующих сумм в бюджет и тем самым допускающее возможность повторного взыскания с налогоплательщика не поступивших в бюджет налогов не соответствующим Конституции РФ, ее статьям 19 (ч.1.) и 35 (ч.3). [37. 1998. № 42. ст. 5211].

В традиционной логике закон *исключенного третьего* формулируется следующим образом: “Из двух противоречащих суждений одно истинно, другое ложно, а третьего не дано”, или: “ при двух суждениях, из которых одно утверждает то, что другое отрицает (“А есть В” и “А есть не - В”), не может быть третьего (“а V а”). Так, в приведенном постановлении Конституционный Суд РФ признал положение п. 3 ст.11 закона “Об основах налоговой системы в Российской Федерации” о том, что обязанность юридического лица к уплате налога прекращается уплатой им налога, соответствующим Конституции РФ, поскольку оно означает с учетом конституционных норм уплату налога налогоплательщиком - юридическим лицом со дня списания кредитным учреждением платежа с расчетного счета плательщика независимо от времени начисления сумм на соответствующий бюджетный или внебюджетный счет. В то же время Конституционный Суд РФ указал, что положения, предусматривающие прекращение обязанности налогоплательщика по уплате налога лишь с момента поступления определенных сумм в бюджет, не соответствуют Конституции РФ (там же).

Данный закон предполагает четкий выбор интерпретатором одной из двух взаимоисключающих альтернатив. Он представляет собой

дальнейшее развитие закона (не) противоречия, устанавливая, что два противоречащих суждения не могут быть не только одновременно истинными (на что указывает и закон непротиворечия), но также и одновременно ложными: если истинно одно из них, то другое необходимо ложно (см. [61. С. 121.]).

Закон *достаточного основания* формулируется так: “Всякая истинная мысль должна быть достаточно обоснованной”, или: “Достоверными следует считать лишь те суждения, относительно истинности которых могут быть приведены достаточные основания”.

Доказательность объяснений интерпретатора является важным условием правильного понимания и выражения действительного содержания юридического предписания. При этом истинность юридического предписания не столько утверждается, сколько обосновывается. То есть любое разъяснение должно быть мотивированным. Достаточными основаниями могут быть:

- а) уже проверенные практикой разъяснения интерпретатора;
- б) доказанные и твердо установленные истинные положения, из которых выводятся новые положения;
- в) общепризнанные принципы и иные фундаментальные юридические предписания национального и международного права;
- г) легальные юридические дефиниции;
- д) юридические аксиомы и презумпции;
- е) другие (общесоциальные и юридические) жизненные обстоятельства, позволяющие устанавливать истинное содержание толкуемого объекта.

Примером использования данного закона можно считать большинство постановлений и определений Конституционного Суда РФ, в которых не только закрепляются определенные разъяснения, но и содержатся необходимые доводы, мотивы и аргументы.

В интерпретационной практике важное место отводится гипотезам (от греч. *hypothesis* - основание, предположение), т.е. обоснованным предположениям, позволяющим познавать и объяснять разнообразные правовые явления. Здесь используются общие и частные, рабочие и иные гипотезы (подробнее о понятии, видах, построении, проверке и доказательстве гипотез в юриспруденции см. [61. С. 245-261]).

Нередко выдвигается ряд гипотез, по-разному интерпретирующих те или иные явления (такие гипотезы называются версиями - от лат. *versio* - оборот, *versare* - видоизменять).^{*} Например, второй абзац п. 11

^{*} Основное внимание в отечественной юриспруденции уделяется криминалистическим версиям. Вместе с тем юридические версии, по нашему глубокому убеждению, - это предмет и общетеоретического исследования.

проекта постановления Пленума Верховного Суда РФ “О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)” был опубликован для обсуждения судьями в двух вариантах:

Вариант 1. “Убийство, совершенное лицом по предложению или просьбе другого лица, не может квалифицироваться как убийство по найму, если оно не было обусловлено получением за это вознаграждения”.

Вариант 2. “Убийство по найму надлежит квалифицировать по п. “3” как в случаях, когда оно было обусловлено получением нанятым лицом вознаграждения, так и “в случаях его совершения исполнителем не по корыстным, а иным мотивам”.

В принятом Пленумом Верховного Суда 27 января 1999 г. постановлении №1 данное положение сформулировано следующим образом: “Как убийство по найму надлежит квалифицировать убийство, обусловленное получением исполнителем преступления материального или иного вознаграждения. Лица, организовавшие убийство за вознаграждение, подстрекавшие к его совершению или оказавшие пособничество в совершении такого убийства, несут ответственность по соответствующей части ст. 33 и п. “3” ч. 2 ст. 105 УК РФ (см. [42. 1999. 9 февр.]).

При толковании права широко используется такой прием, как *логическое преобразование*. Необходимость его обусловлена спецификой юридической техники, которая приводит порой к несоответствию между смыслом (содержанием) юридического предписания и грамматической или иной формой его изложения. “В результате складывается ситуация, - пишет А.Ф. Черданцев, - когда норма права и предложение, которым она выражена, полностью не соответствуют друг другу. Подлежащее в предложении не совпадает с субъектом нормы, сказуемое в предложении выражено глаголом в изъявительной форме, характерной для повествования, вместо использования оборотов с нормативными терминами (обязан, вправе, запрещено и их аналогов). В ходе логического преобразования текст статьи обретает такую форму, при которой субъект нормы совпадает с подлежащим и вместо глагола изъявительного наклонения вводится глагол в сочетании с нормативными терминами” [63. С. 123-124]. Например, в п. 1 ст. 105 УК РФ сказано: “убийство, т.е. умышленное причинение смерти другому лицу, - наказывается лишением свободы на срок от 6 до 15 лет”. Исходя из текстуального выражения данного предписания и толкуя его буквально, получается, что наказывается не преступник, а само действие (убийство). Логическое преобразование п.1 ст. 105 УК РФ позволяет получить более адекватную формулировку: “лицо, совершившее убийство, т.е. умышленное

причинение смерти другому человеку, обязано претерпевать меры наказания в виде лишения свободы сроком от 6 до 15 лет”.

При формировании общего (интерпретационного или иного) юридического предписания (например при нормативном юридическом толковании) либо его конкретизации и детализации (например при казуальном юридическом толковании) большую роль играют *логические операции с содержанием и объемом понятий* (подробнее см. [60, 61, 63]). Это наиболее распространенная методология исследования в юридическом толковании. Исследование понятий предполагает прежде всего характеристику их существенных и несущественных признаков, отдельных видов, типов совместимости (тождества, перекрещивания, подчинения, т.е. отношений рода и вида) и несовместимости (соподчинения, противоположности, противоречия), способов их определения, деления и классификации. Существуют соответствующие *логические правила*, которые необходимо соблюдать при операции с понятиями. Например, деление понятия должно проводиться только по одному основанию, члены деления должны исключать друг друга (не иметь общих элементов, быть соподчиненными понятиями, объемы которых не пересекаются), эта операция должна быть соразмерной (объем делимого понятия должен быть равен сумме объемов членов деления), непрерывной и т.п. (см. там же).

Здесь важно также подчеркнуть, что основными логическими *приемами* формирования понятий считаются в литературе анализ, синтез, сравнение, абстрагирование, обобщение и др. (см. там же). *Анализ* предполагает мысленное расчленение правовых явлений на их составные части, выделение в них определенных свойств и отношений; *синтез* - мысленное соединение в единое целое частей правового явления или его признаков, полученных в процессе анализа; *сравнение* - мысленное установление сходства или различия правовых явлений по существенным и несущественным признакам; *абстрагирование* - выделение одних признаков явлений и отвлечение от других. При толковании, как правило, задача состоит в выделении существенных признаков юридических явлений (предписаний, действий и т.п.) и в отвлечении от несущественных, второстепенных; *обобщение* состоит в мысленном объединении отдельных правовых явлений в единое понятие либо переход от видового понятия к родовому путем отбрасывания от содержания данного видового понятия его видообразующего признака (признаков).

Следует особо подчеркнуть, что данные логические приемы и способы используются как при формировании юридических понятий, так и при их интерпретации.

В качестве примера логической операции с понятием можно привести постановление Пленума Верховного Суда РФ № 10 от 12 декабря 1994 г. (с изменениями и дополнениями, внесенными постановлением № 10 от 25 октября 1996 г.) “Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда”, где раскрывается содержание понятия “моральный вред”: “Под моральным вредом, - говорится в п. 2 указанного постановления, - понимаются нравственные или физические страдания, причиненные действиями (бездействием), посягающими на принадлежащие гражданину от рождения или в силу закона нематериальные блага (жизнь, здоровье, достоинство личности, деловая репутация, неприкосновенность частной жизни, личные и семейные тайны и т.п.) или нарушающими его личные неимущественные права (право на пользование своим именем, право авторства и другие неимущественные права в соответствии с законами об охране прав на результаты интеллектуальной деятельности) либо нарушающими имущественные права гражданина. Моральный вред, в частности, может заключаться в нравственных переживаниях в связи с утратой родственника, невозможностью продолжать активную общественную жизнь, потерей работы, раскрытием семейной, врачебной тайны, распространением не соответствующих действительности сведений, порочащих честь, достоинство и деловую репутацию гражданина, временным ограничением или лишением каких-либо прав, физической болью, связанной с причинением увечий, иным повреждением здоровья, либо в связи с заболеванием, перенесенным в результате нравственных страданий и др.” [58. С. 334 -335].

Существенную роль в логическом толковании *занимают умозаключения по аналогии*, когда от сходства двух правовых явлений (предписаний, велений, действий и т.п.) в известном числе признаков (свойств, отношений и т.п.) мы переходим к их сходству в других признаках (свойствах, отношениях и т.п.).

Указанный способ толкования (*analogia intra legem*) необходимо отличать от аналогии закона (*analogia infra legem*) как способа казуального восполнения пробелов в праве (см. тему 8 данного курса). Как средство толкования, умозаключение по аналогии используется, например, при сравнении нормативных и иных юридических предписаний, регулирующих сходные общественные отношения, когда законодатель либо другой компетентный орган оставляет “открытым” перечень перечисленных условий (фактов, действий, обстоятельств и т.п.), употребляя при этом обороты “и аналогичные обстоятельства”, “и сходные условия”, “и другие”, “и т.п.”. Так, в ст. 506 ГК РФ говорится: “по договору поставки поставщик-продавец, осуществляющий предпринимательскую

деятельность, обязуется передать в обусловленный срок или сроки производимые или закупаемые им товары покупателю для использования в предпринимательской деятельности или в иных целях, не связанных с личным, семейным, домашним и *иным подобным использованием*” (выделено нами. - В.К.). Разъясняя указанную статью, Пленум Высшего Арбитражного Суда РФ считает, что под целями, не связанными с личным использованием, следует понимать в том числе приобретение покупателем товаров для обеспечения его деятельности в качестве организаций или гражданина-предпринимателя, а именно: оргтехники, офисной мебели, транспортных средств, материалов для ремонтных работ и т.п. [62. 1997. №1].

Умозаключения степени (*a fortiori*) бывают трех основных видов: а) кто уполномочен или обязан к большему, тот управомочен или обязан к однородному меньшему; б) кому воспрещено меньшее, тому воспрещено однородное большее; в) что требуется для меньшего, то необходимо для однородного большего. Если, например, какой-то государственный орган имеет право на издание нормативно-правовых актов, то он обладает и полномочиями на толкование указанных актов.

Можно выделить и другие логические средства, способы и правила (*argumentum a contrario*), дедуктивные и индуктивные умозаключения, заключения от условий к следствию и наоборот, метод классификации и т.п., которые широко используются в интерпретационной юридической практике.

В отечественной и зарубежной юридической литературе основной акцент, как правило, делается на формально-логических, а не диалектических средствах, способах и правилах интерпретации. На наш взгляд, диалектическую, *философскую методологию* юридического толкования необходимо выделять в качестве самостоятельной, которая, естественно, опирается на формально-логические, грамматические, исторические и пр. средства и способы познания правовой действительности, но явно выходит за их узкие научные и практически-прикладные рамки.

Во-первых, философское толкование нацелено на раскрытие истинного (истины) смысла (содержания) правовых явлений (предписаний, действий и т.п.). В отличие от логической истинности (правильности), в данном случае устанавливается реальное, (не)полное, исчерпывающее и т.п. знание (правда), адекватно и верно отражающее объект юридического толкования.

Во-вторых, главным методом философского исследования является диалектика, которая хотя и немыслима без правил и законов формальной логики, однако в данном контексте имеет относительно самостоятельную нагрузку. Как известно, диалектическая методология приме-

нима в любой области познания практической деятельности, отражает всеобщие свойства и связи объективной и субъективной действительности. В интерпретационной практике широко используются принципы всесторонности, активности, детерминизма, восхождения от абстрактного к конкретному и др. такие категории, как причина и следствие, содержание и форма, необходимость и случайность, возможность и действительность, качество, мера и др.

В-третьих, существование философского толкования обусловлено тем, что в праве, как известно, выделяется философское содержание, под которым понимаются “форма и ступень свободы”, “мера свободы”, “внешняя свобода человека”, “естественные права” и т.п. (подробнее см. труды И. Канта, Г. Гегеля, Б. Н. Чичерина и др.). Еще римские юристы сформулировали положение, согласно которому “когда то или иное толкование гражданских свобод вызывает сомнение, оно разрешается в пользу свободы” (*quotiens dubia interpretatio libertatis est, secundum libertatem respondendum erit*).

Они же указывали на необходимость использования категорий диалектики при толковании правовых явлений: “*Verba non tam intuenda, quam causa et natura rei, ut mens contrahentium ex eis potius quam ex verbis appareat*” (не так слова надо учитывать, как причину и природу вещи, чтобы намерение договаривающихся сторон могло из этого обнаружиться, а не из слов).

Вопрос об использовании категорий содержания и формы возникает уже при конкретизации объекта юридического толкования. Так, в литературе принято считать, что интерпретатор устанавливает обычно *содержание*, или смысл норм права. На наш взгляд, в процессе юридического толкования раскрывается не только содержание, но и форма нормативных и других юридических предписаний. А для этого, естественно, интерпретатор должен умело оперировать указанными категориями.

Принцип системности, категории “система”, “часть” и “целое”, “элемент” и “структура” относятся к числу основных в философии. Поэтому так называемый “систематический способ толкования” (точнее говорить о “системном толковании”) является важным приемом философского толкования. Видимо, не случайно, некоторые наши дореволюционные авторы (В.М. Хвостов, Г.Ф. Шершеневич и др.) относили данный прием к логическому толкованию (см., например [15. С. 308 и след.; 67. С. 41]), а логика в то время составляла неотъемлемую часть философии. Необходимость системного толкования юридических явлений (предписаний, отношений и т.п.) обусловлена, во-первых, связью различных элементов правовой системы общества. Единство и взаимо-

действие, например, права, правосознания, юридической практики и других правовых явлений позволяет рассматривать любую национальную правовую систему как относительно самостоятельное и цельное образование. Правовая система общества - сложноорганизованная система. Здесь, как и в любой системе, прослеживается зависимость каждого элемента (его части, свойства и т.п.) от места, роли и функции этого элемента внутри системы в целом.

Во-вторых, каждый компонент (право, юридическая практика и др.) правовой системы общества в свою очередь является относительно самостоятельной системой (подсистемой), элементы которой тесно взаимосвязаны и взаимодействуют между собой.

В юридической литературе достаточно подробно рассмотрены системные качества права (системы права), которой свойственны не только единство, но и дифференциация, т.е. выделение нормативно-правовых предписаний (норм, принципов права, нормативных дефиниций и т.п.), первичных нормативных общностей, институтов права, отраслей права, материального и процессуального права, публичного права и других крупных правовых массивов (подробнее см. [68. С. 57-97]).

Любой нормативный или иной правовой акт также представляет определенную систему (подсистему). Цельз по этому поводу, например, писал: “*Jucivile est nisi tota lege perspecta una aliqua particula ejus proposita iudicare vel respondere*”, т.е. “неправильно отвечать (давать *responsa*) или решать дело, не имея в виду всего закона, а принимая во внимание только какую-нибудь его часть”.

В том случае, когда объектом толкования выступает *право* (система права), необходимо устанавливать связи между:

- а) правом и другими элементами правовой системы общества (правосознанием, юридической практикой, правоотношениями и т.д.);
- б) отдельными частями системы права (нормативными предписаниями, институтами права, отраслями права и т.п.) и целым (системой права);
- в) содержанием и формой права;
- г) отдельными элементами нормативных предписаний (в норме права, например, между гипотезой и диспозицией, диспозицией и санкцией);
- д) нормами права и нестандартными нормативными предписаниями (юридическими дефинициями, рисунками, формулами и т.п.);
- е) разными типами, видами и подвидами нормативно-правовых предписаний (регулятивными и охранительными, управомочивающими и обязывающими, предписаниями, целями, принципами права и пр.);
- ж) нормативными предписаниями и статьями нормативного акта;

- з) нормативными актами (законами и подзаконными актами, указами Президента и постановлениями правительства и т.д.);
- и) нормативно-правовыми предписаниями одного института (отрасли и т.п. права);
- к) нормативно-правовыми предписаниями, входящими в различные институты (отрасли и т.п. права);
- л) отраслевыми и комплексными институтами права;
- м) профилирующими отраслями права (например конституционным) и другими отраслями права (гражданским, трудовым и т.п.);
- н) материальным правом (гражданским, уголовным, административным и т.п.) и процессуальным правом (гражданско-процессуальным, уголовно-процессуальным и т.п.);
- о) частным правом (торговым, семейным и т.п.) и публичным правом (финансовым, уголовным, административным и т.п.);
- п) нередко требуется установить связи между различными формами права (например нормативным актом и правовым прецедентом, нормативным актом и правообразующим договором);
- р) национальным (внутригосударственным) правом (отдельными его нормативными предписаниями, институтами и отраслями права) и международным правом (его принципами, нормами, институтами, отраслями);
- с) национальной системой права и системой права других стран (Франции, Германии и т.п.);
- т) системами права, характерными для романо-германской и англосаксонской, славянской и латиноамериканской и др. семей.

Проблема философского, и в частности системного, толкования права как важнейшей его части требует, на наш взгляд, самостоятельного, глубокого и всестороннего исследования. Не имея возможности подробно остановиться на этом и других “способах” юридического толкования, кратко наметим некоторые направления в изучении данного аспекта проблемы.

В качестве относительно самостоятельного следует выделить *социологическое толкование* правовых явлений. В зарубежной юридической науке указанной технологии уделяется весьма пристальное внимание. Например, Ж. Карбонье пишет о социологическом толковании в широком и узком смысле слова. Если социологическое толкование в широком понимании, по его мнению, “состоит в том, чтобы объяснить фактическую жизнь закона, то, очевидно, недостаточно обращаться лишь к тому, что предшествовало его принятию. То, что происходило затем, - это тоже реальность закона, его применение на практике” [16. С. 312-313]. Суть социологического подхода заключается в данном

случае в необходимости учета “живой жизни”, реальных фактических обстоятельств в конкретной социально-правовой ситуации. Древние считали, что “наилучшие толкования проистекают из того, что предшествует, и из того, что следует” (*ex antecedentibus et consequentibus fit optima interpretatio*).

В узком смысле слова под социологическим толкованием понимается использование социологических наблюдений, сравнений, выборочных опросов, тестирования, “института жюри”, материалов юридической практики и других социологических методов и средств. Еще древние считали судебную практику и обычаи лучшими “толкователями” законов (“*praxis iudicium est interpret legum*”, или: “*optimus interpret regum usus*”). “Если признано, - писал Ж. Карбонье, - что предпочтительнее законодательствовать в соответствии с общественным мнением, чем вопреки ему, то очевидно, что и толковать законы лучше, опираясь на это мнение” [16. С. 315].

Относительно самостоятельным является *психологическое толкование*. “В договорах, говорили древние, следует исходить из намерения сторон, а не из одних только употребленных ими слов” (“*in conventionibus contrahentium voluntas potius quam verba spectari placuit*”). Любопытно, что многие положения римских юристов в этом плане нашли закрепление в принципах, разработанных Международным институтом унификации частного права (УНИДРУА). Так, в главе 4 принципов УНИДРУА, посвященной проблеме толкования международных коммерческих договоров, говорится, что при интерпретации договоров (заявлений, действий и т.п.) должны быть приняты во внимание *намерения сторон* (ст. 4 п.1, 4.8), *цели* (ст. 4.2, 4.8), соответствующие *знания* (ст.4.2), *их разумность* (ст. 4.8) и т.п.

Психологическое толкование Ж. Карбонье называет психосоциологическим и выделяет *нейтральное* и *пристрастное* толкование. “Наше право, - пишет он, - допускает и то и другое: толкование судьи должно быть нейтральным, толкование адвоката может быть пристрастным” [16. С.317].

Необходимость использования интерпретатором психологических методов и средств познания обусловлено тем, что право, например, имеет свое психологическое содержание (закрепленную волю господствующих в обществе социальных слоев, классов и т.п.), что интерпретатор в той или иной степени вынужден анализировать намерения “законодателя” либо иного компетентного субъекта, принявшего правовой акт, их мотивы, интересы и т.п. Представители “юриспруденции интересов” (Р. Иеринг, Ф. Хек и др.), объединенные в так называемую Тюбингинскую школу, основным принципом толкования считали выявление

ние интересов и намерений законодателя. “Интерпретатор должен прежде всего, путем подготовительных работ определить, какой интерес был решающим в процессе издания закона, а затем исходя из этого интереса и в соответствии с ним объяснить все сомнительные места текста и восполнить пробелы” [16. С.312].

Известный русский юрист В.М. Хвостов писал, что интерпретатор имеет еще одно внешнее пособие для толкования законов: этим пособием являются так называемые *мотивы закона*. “В настоящее время, - писал он, - не издают закона, более или менее важного, иначе, как после тщательного его обсуждения в законодательных комиссиях. Подобные комиссии в результате своей деятельности оставляют обыкновенно ряд соображений, которые привели ее к выработке известного текста закона; этими мотивами мы можем пользоваться как данными для толкования законодательной нормы” [67. С. 42-43]. Древние считали мотив душой закона (*ratio legis est anima legis*).

Следует также иметь в виду, что российское процессуальное законодательство устанавливает положение, согласно которому при осуществлении правосудия судьи разрешают дела на основе законов и в соответствии со своим *правосознанием* (см. ст. 7 ГПК РСФСР и ст. 16 УПК РСФСР).

Необходимость в *политическом толковании* обусловлена наличием политического (социально-политического) содержания права. Большинство отечественных и зарубежных авторов полагают, что в праве находят закрепление политические потребности и интересы, установки и цели - задачи, программы и т.п. определенных классов, сословий, социальных и политических групп, их объединений и организаций.

Кроме того, интерпретатор тоже принадлежит к определенным группам и социальным слоям общества и вольно или невольно выражает соответствующие установки и интересы. Естественно, что в определенных разновидностях юридического толкования (например судья в судебном толковании) он должен быть беспристрастным и объективным. Однако этот тезис также не исключает использования в юридическом толковании разнообразных методов и средств, разработанных политическими науками, так как для того, чтобы беспристрастно объяснять политические позиции, интересы, решения, задачи-цели и т.п. субъектов политической жизни, интерпретатору нужно адекватно их познать, в том числе и с помощью политических средств, способов и методов.

Существенную роль в интерпретационной практике призваны играть *этические* средства и способы. Дело в том, что анализ нравственного содержания права, любых юридических предписаний и правовых

актов происходит на основе использования этических понятий, категорий, терминов, методов и правил. Римские юристы, например, считали, что “по делам, где намерения добрые, хотя и причинен материальный ущерб, закону следует давать более гибкое толкование” (in rebus quae sunt favorabilia animae, quamvis sunt damnosa rebus, fiat aliquando extensio statuti).

Мы согласны с авторами, которые пишут, что “правовые нормы и тексты создаются людьми и для людей. Законодатели живут в том же обществе, что и другие их сограждане и, следовательно, разделяют общие с ними этические принципы и ценности” [6. С. 155].

Этическое толкование всегда было достаточно распространенным в международной интерпретационной практике. Так, в ст. 4.8 принципов УНИДРУА записано:

“1. Если стороны договора не согласовали условия, являющегося важным для определения их прав и обязанностей, то договор восполняется условием, представляющим соответствующим при данных обстоятельствах.

2. При определении, какое условие является соответствующим, должны быть, помимо прочих факторов, приняты во внимание: а) намерения сторон; б) характер и цель договора; в) *добросовестность* и *честная* деловая практика (выделено нами. - В.К.); д) разумность” (комментарии к данной статье см. [69. С. 112-114]).

Безусловно, что без использования этических категорий нельзя правильно истолковать понятия “добросовестность”, “честность”, “разумность” и т.п.

Особо хотелось бы обратить внимание на *специально-юридическую* технологию толкования. Поскольку при подготовке издания и изложения нормативных и других правовых актов используются определенные специально-юридические средства, приемы и правила, составляющие юридическую технику и тактику (правотворческую, правоприменительную и т.п.), то использование указанных юридических средств, приемов и правил при раскрытии содержания и формы соответствующих правовых актов будет составлять специально-юридическое толкование, которое в свою очередь является важнейшей частью интерпретационной техники и тактики. При толковании нормативных актов, таким образом, происходит “обратный перевод воли законодателя с юридического языка” [71. С. 181].

Специально-юридическое толкование на основе данных юридической науки и практики позволяет раскрыть своеобразие нормативных и иных правовых предписаний и явлений, особенности юридической терминологии, юридических конструкций (например договоров, право-

нарушений и т.п.). Поэтому, как верно пишет С.С. Алексеев, “юридическая наука “служит” толкованию всем своим содержанием, всем арсеналом понятий, категорий, конструкций (а не только путем разработки специальных вопросов толкования)” [71. С. 181].

К сожалению, до сих пор учению о толковании специально-юридической технологии не уделяется достаточное внимание как в отечественном, так и в зарубежном правоведении.

В качестве самостоятельных некоторые авторы рассматривают *функциональный* (А.С. Шляпочников, А.Ф. Черданцев и др.) и *телеологический* (Т.Я. Хабриева и др.) способы толкования. Функциональное толкование, на наш взгляд, составляет неотъемлемую часть социологического толкования.

Выделение телеологического (способа) толкования вызвало возражение среди многих отечественных авторов (А.С. Пиголкин, А.Ф. Черданцев, П.С. Элькинд и др.). Так, А.С. Пиголкин полагает, что “выяснение цели является результатом исследования, а не одним из приемов исследования” [24. С. 95]. “Задачу выявления цели правовой нормы имеют все доступные приемы толкования, а не только один из них”, - пишет П.С. Элькинд [46. С. 103]. А.Ф. Черданцев указывает, что действительно интерпретатор в ходе толкования оперирует целями института и определенной нормы. Но они (цели) устанавливаются, по его мнению, путем использования разных способов толкования (языкового, исторического, системного и т.д.). А цель - это результат, который достигается действием, функционированием института или отдельной правовой нормы. В целях проявляются их функции. Поэтому использование цели в ходе толкования он относит к функциональному толкованию [65. С. 334-335].

Поскольку функциональное толкование мы включаем в социологическое толкование, то и так называемое телеологическое толкование является важнейшей составной частью последнего.

Можно выделить и иные (исторические, аксиологические, технические и т.п.) средства, способы и правила, которые позволяют раскрыть содержание и форму того или иного юридического предписания и явления, показать их место и роль в правовой системе общества. На наш взгляд, проблема интерпретационной техники и тактики требует в настоящее время самостоятельного, комплексного и обстоятельного научного исследования с опорой на достижение различных наук, юридическую и социальную практику в целом.

9.3. Типы (виды, подвиды) интерпретационной практики

В любой правовой системе общества одновременно функционируют самые разнообразные типы (виды, подвиды) интерпретационной практики. Поэтому мы их рассматриваем обычно в рамках пространственной структуры юридического толкования.

В отечественной и зарубежной юридической литературе существуют различные точки зрения по поводу классификации толкования права. Так, дореволюционные русские юристы В.М. Коркунов и В.М. Хвостов выделяли легальное и доктринальное (научное) толкования (см. [43. С. 347; 67. С. 40]). Видный специалист в области юридического толкования Е.В. Васильковский писал в начале XX века, что “обязательные разъяснения называются законным, или легальным, толкованием. При отсутствии обязательного разъяснения, - продолжает автор, - юристу приходится самостоятельно заняться исследованием смысла нормы, подвергнув ее толкованию, которое в отличие от легального именуется научным (доктринальным) или судебным, потому что его применяют юристы-теоретики при изучении права и судебные учреждения при разрешении дел” [3. С. 30]. Е.Н. Трубецкой вслед за Ф. Савиньи считал, что “названия толкования заслуживает собственно только толкование доктринальное” [93. С. 139].

Большинство современных отечественных и зарубежных ученых-юристов (А.Ф. Черданцев, В.В. Лазарев, И. Сабе, Б. Спасов и др.) выделяют обычно официальное и неофициальное, аутентическое и делегированное (легальное), нормативное и казуальное, обыденное, компетентное и доктринальное, буквальное (адекватное), ограничительное и распространительное толкование.

На наш взгляд, интерпретационная практика гораздо богаче и разнообразнее. Рассмотрим некоторые из указанных и иных ее разновидностей.

1. В зависимости от того, в какой правовой системе она функционирует, можно вести речь об *интерпретационной практике в национальной правовой системе*, а также о юридическом толковании в *работладельческом или феодальном обществах, романо-германской или англо-саксонской, мусульманской или иных правовых семьях*. В англо-саксонской правовой семье, например, в отличие от романо-германской, интерпретационная практика легально выполняет правотворческую функцию, т.е., как считают Фрэнк и другие зарубежные авторы, судебная “интерпретация” представляет собой правотворчество - существенный элемент в создании и совершенствовании права (см., например, [41.

С. 206]). “Sententia facit jus, et legis interpretatio legis vim obtinet” - (судебное) “решение создает права, ибо толкование закона имеет силу закона”. У английских юристов существует даже поговорка, что “в законе присутствует только одна половина содержания, другая половина спрятана, а идеи находятся внутри” (подробнее об особенностях толкования в англо-саксонской семье см. [76. С. 309 и след.; 75. С. 204-214]).

2. Особое место занимает *интерпретационная практика в международной правовой системе* и правовых системах (семьях) разнообразных международных сообществ. Толкование, например, договоров и правовых норм Европейского Союза - одна из основных задач Суда ЕС (подробнее см. [72. С. 89-90, 99, 310-311]). В соответствии со ст. 177 ЕС “Суд наделяется компетенцией принимать решения в преюдициальном порядке по вопросам, касающимся:

(а) толкования настоящего Договора;

(b) действительности и толкования актов, принимаемых органами Сообщества и ЕЦБ;

(с) толкования уставов, организационных структур, создаваемых Советом, если таковое предусмотрено этими уставами” [72. С. 277].

3. Значительной спецификой обладает юридическое толкование в зависимости от того, какую юридическую практику оно “обслуживает”. Поэтому можно говорить о *толковании в правотворческой (законодательной и т.п.) и правосистематизирующей юридической практике (кодифицирующей и т.п.), реализации права (правоприменении и т.п.), о судебной, нотариальной и иной юридической интерпретации*.

На выделение некоторых из указанных видов толкования уже обращалось внимание в отечественной юриспруденции (см. работы А.С. Пиголкина, А.Ф. Черданцева, В.В. Лазарева, Н.Н. Вопленко и др.). С.С. Алексеев, например, пишет: “Существенные особенности приобретает толкование в случаях, когда оно является элементом властной индивидуально-правовой деятельности компетентных органов, т.е. применения права... Когда интерпретация входит в состав применения права, то это неизбежно накладывает на нее свою печать. Происходит то же, что происходит при включении любого явления в определенную систему: оно приобретает интегративные качества, присущие системе в целом”. Не менее специфические черты приобретает толкование, по мнению С.С. Алексеева, и тогда, когда оно включается в другую систему - правотворческую практику ([27. С. 295]; о соотношении толкования и правотворчества см. [74. С. 65-75]).

Таким образом, исследуя место и роль интерпретационной практики в правовой системе общества, всякий раз необходимо учитывать, какую конкретно юридическую практику обеспечивает толкование,

каковы особенности его содержания (объектов, субъектов и участников, техники и тактики, интерпретационных действий, результатов и т.п.) и формы (стадий, производств, режимов, интерпретационных актов и т.п.), принципов, функций и т.п.

4. Общеизвестным является положение о том, что юридическое толкование разграничивается на официальное, в процессе которого выносится обязательное для адресатов разъяснение, и неофициальное, когда разъяснения тех или иных субъектов лишены обязательной юридической силы. Большинство авторов считает критерием данного деления субъектов интерпретации. Они аргументируют свою позицию тем, что компетентные на юридическую интерпретацию органы и должностные лица дают официальное разъяснение, а не обладающие такой компетенцией - неофициальное толкование.

Нам представляется, что основание классификации в данном случае используется не совсем точное. Дело в том, что тот или иной управомоченный на вынесение обязательного акта толкования субъект (например судья, прокурор и т.п.) может давать и неофициальные юридические разъяснения. Например, в соответствии со ст. 139 АПК РФ в случае неясности вынесенного решения арбитражный суд, разрешивший спор, вправе по заявлению лица, участвующего в деле, разъяснить данное решение, о чем выносится соответствующее определение (это официальное толкование). Однако разъяснить решение арбитражный суд может сторонам и вне арбитражного судопроизводства, т.е. при приеме граждан, в обыденной обстановке и т.п. Указанные разъяснения уже будут неофициальными.

Точнее, видимо, разграничивать официальное и неофициальное толкование не только по субъектам, но и по юридической обязательности принятых в процессе той или иной интерпретации решений (актов). Необходимо согласиться с венгерским ученым И. Сабе, когда он пишет, что в данном случае важно учитывать следующие обстоятельства: кто управомочен осуществлять то или иное разъяснение, толкование каких органов и должностных лиц является обязательным, для кого указанные разъяснения обязательны [69. С. 261]. Важно также подчеркнуть, что «когда речь идет об обязательности (необязательности) толкования, то имеется в виду не сам процесс толкования, а его результат» [11. С. 142].

Природа официального и неофициального толкования достаточно обстоятельно исследована в отечественной и зарубежной юридической науке, изложена в учебниках и учебных пособиях (см., например, работы А.С. Пиголкина, С.С. Алексеева, А.Ф. Черданцева, В.В. Лазарева, Н.Н. Вопленко, Т.Я. Хабриевой, В. Захариева, Б. Спасова, Е. Врублевского и др.). Используя достижения указанных и других авторов, мы в

учебных целях выделим самые основные признаки и разновидности официального и неофициального юридического толкования.

Официальное толкование - это главный, основной компонент интерпретационной практики. Именно оно играет существенное значение в правовом регулировании общественных отношений, прежде всего относится к социально-преобразующей деятельности, связанной с удовлетворением тех или иных потребностей субъектов и участников правотворчества и реализации права, объективно-реальным воздействием на разнообразные сферы общественной жизни. Неофициальное юридическое толкование в этом плане играет вспомогательную роль.

Основными признаками официального толкования будут следующие:

а) оно осуществляется уполномоченными на то органами и должностными лицами. Компетенция Верховного Суда РФ и Высшего Арбитражного Суда РФ по вопросам толкования законов в судебной практике установлена, например, Конституцией РФ (ст. 126 и 127), федеральными законами, определяющими правовой статус данных органов, и соответствующим процессуальным законодательством. Данные субъекты обладают не только *jus dicere* (правом разъяснять), но и соответствующей в этом плане обязанностью разъяснять закон;

б) праворазъяснительные решения являются властными, обязательными для адресатов и обладают определенной юридической силой. В ст. 6 федерального конституционного закона "О Конституционном Суде РФ", например, говорится: "Решения Конституционного Суда Российской Федерации обязательны на всей территории Российской Федерации для всех представительных, исполнительных и судебных органов государственной власти, органов местного самоуправления, предприятий, организаций, учреждений, должностных лиц, граждан и их объединений". Следует подчеркнуть, что решениям Конституционного Суда РФ, и в первую очередь связанным с толкованием Конституции РФ, придается особая юридическая сила. Так, в соответствии со ст. 79-81 указанного закона решение Конституционного Суда РФ окончательно, не подлежит обжалованию и вступает в силу немедленно после его провозглашения. Данное решение действует непосредственно и не требует подтверждения другими органами и должностными лицами. Юридическая сила постановления Конституционного Суда РФ о признании акта неконституционным не может быть преодолена повторно принятием этого же акта. Акты или их отдельные положения, признанные неконституционными, утрачивают силу; признанные не соответствующими Конституции РФ не вступившие в силу международные договоры РФ не подлежат введению в действие и применению. Решения судов и

других органов, основанных на актах, признанных неконституционными, не подлежат исполнению и должны быть пересмотрены в установленных федеральным законом случаях. Решение Конституционного Суда РФ подлежит исполнению немедленно после опубликования либо вручения его официального текста, если иные сроки специально в нем не оговорены. Неисполнение, ненадлежащее исполнение либо воспрепятствование исполнению данных решений влечет ответственность, установленную федеральным законом.

в) праворазъяснительные решения, как правило, внешне выражены и закреплены в специальных официальных документах (интерпретационных актах), которые занимают особое место в системе правовых актов, имеют свои специфические признаки, структуру, виды и т.п. (подробнее см. п. 9.6 данной темы);

г) как мы уже отмечали, официальная интерпретационная практика осуществляется в определенной процессуальной форме, которая может быть простейшей (разъяснения председательствующего в суде лицам, участвующим в деле, их прав и обязанностей) и достаточно сложной (например, конституционная процессуальная форма включает разнообразные процессуальные стадии, производства и режимы).

По уровню (степени) общности вынесенных в праворазъяснительном процессе решений официальное толкование обычно разграничивают на *общее (нормативное)* и *индивидуальное (казуальное)*. При *нормативной интерпретационной практике* те или иные официальные разъяснения носят неперсонифицированный по отношению к адресатам характер, рассчитаны на типичные социально-правовые ситуации, конкретно не определенное число жизненных обстоятельств и случаев. Объектами нормативного толкования, как правило, являются нормативно-правовые акты и общие (неперсонифицированные) акты официального толкования (примером последних являются определения Конституционного Суда РФ, разъясняющие интерпретационные постановления Конституционного Суда РФ либо постановления Пленумов Верховного Суда РФ и Высшего Арбитражного Суда РФ, в которых закрепляются интерпретации постановлений Пленумов соответственно Верховного Суда РФ и Высшего Арбитражного Суда РФ).

При *казуальной интерпретационной практике* разъяснение дается по конкретному юридическому делу (случаю, казусу) для правильного его разрешения. Примером подобного рода практики может служить деятельность кассационных и надзорных инстанций судов общей юрисдикции и арбитражных судов, выраженная в разнообразных постановлениях и определениях данных органов.

А.С. Пиголкин указывает, что “казуальное толкование имеет место там, где в процессе правоприменения ставится специальная цель разъяснить норму (например, разъяснение вышестоящего суда по поводу и в связи с рассмотрением дела, если решения или определения нижестоящих судов по нему являются неправильными, несоответствующими закону)” [23. С. 292; 24. С. 151].

На наш взгляд, более предпочтительной является точка зрения С.С. Алексеева, который пишет, что “казуальное толкование не сводится только к прямым разъяснениям; оно может быть дано и в скрытом виде - в самом решении юрисдикционных и административных органов по конкретным делам. Поэтому важнейшей основой в плане нормативных актов служат не только акты судебного и административного надзора, где можно найти прямые разъяснения, но и все юрисдикционные решения, т.е. вся судебная и иная практика применения норм права” [27. С. 311-312].

Одни авторы (С.С. Алексеев, А.С. Пиголкин, Н.Н. Вопленко и др.) считают, что индивидуальное разъяснение обязательно только для данного конкретного случая (казуса); другие (А.Б. Венгеров, С.И. Вильнянский, В.И. Каминская, В.В. Лазарев и др.) полагают, что результаты казуального (индивидуального) толкования используются и в последующем при разрешении аналогичных дел, обеспечивая тем самым правильную и единообразную интерпретационную и правоприменительную практику.

Официальная интерпретационная практика подразделяется на *аутентическую* и *делегированную (легальную)*.^{*} Под *аутентическим* понимается разъяснение нормативных актов самими органами, издавшими эти акты. Здесь мы исходим из известной аксиомы: “Тот вправе толковать закон, кто вправе его устанавливать” - (*ejus est interpretari legem cuius est condere*). Примером аутентического толкования может служить интерпретация Правительством РФ своего собственного постановления или толкования Конституционным Судом РФ ранее принятого им интерпретационного акта. Объектом аутентического толкования может быть любой правовой акт (правоприменительный, интерпретационный и т.п.), поскольку “тот, кто нечто сочиняет, должен давать этому толкование” (*ejus est interpretari cuius est condere*). В юридической литературе многие авторы (В.М. Коркунов, М.Д. Шаргородский, П.С. Элькинд и др.) отрицают необходимость выделения аутентического толкования, поскольку здесь идет речь об издании нового закона. “И практическое

^{*} Некоторые авторы, неясно, по какой причине, называют данное толкование официальным (см., например [49. С. 249]).

значение этого нелепого выражения - законодательное толкование закона - сводится к тому, - пишет В.М. Коркунов, - что, иногда, прикрываясь им, придают закону обратную силу” [43. С. 347].

В указанном положении В.М. Коркунова определенная доля истины есть. Однако оно не служит еще основанием для отрицания данной разновидности интерпретационной практики. Во-первых, объектами аутентического толкования являются не только законы и иные нормативные акты, но и самые разнообразные акты применения и официального толкования права. Во-вторых, целью органа в данном случае должно быть разъяснение прежнего правового акта, а не создание, издание и отмена нормативно-правовых предписаний при толковании, например, нормативных актов.

В том случае, когда закон или иной нормативный акт наделяет определенный орган компетенцией (правами и обязанностями) давать интерпретацию правовым актам, изданным другими органами, говорят о делегированном (легальном) толковании.**

В юридической литературе ряд авторов (Н.Н. Вопленко, А.С. Пиголкин и др.) полагают, что только нормативное (общее) толкование можно разграничивать на аутентическое и легальное. Данная точка зрения не совсем верно отражает реальное положение дел. Казуальное (индивидуальное) толкование также может быть аутентическим. Примером может служить деятельность любого суда общей юрисдикции или арбитражного суда, разъясняющего свое собственное решение по конкретному юридическому делу. Эти полномочия закреплены, например, в ст. 206 ГПК РСФСР и в ст. 139 АПК РФ.

Неофициальное толкование не обладает властью, обязательностью, юридической силой и т.п. (подробнее см. [83]). Его значение в правотворчестве и правоприменении, других разновидностях юридической практики и правовой системе общества в целом обусловлено правильностью, убедительностью, научной обоснованностью и аргументированностью разъяснений соответствующих правовых предписаний. Во многом эти его качества зависят от субъектов толкования.

В литературе неофициальное толкование по данному основанию разграничивается на *обыденное*, *компетентное* и *доктринальное* (см., например [12. С. 85 и след; 27. С. 312-313]).

Под *обыденным* понимается толкование правовых предписаний (явлений и т.п.), осуществляемое людьми в их повседневной жизни и

** В.М. Хвостов отождествляет два этих вида толкования. “Легальное, или аутентическое, толкование (interpretatio legalis) норм, - пишет он, - есть толкование, которое дается этим нормам законодательными органами” [67. С. 40]. Указанная точка зрения не нашла поддержки в юридической литературе.

основанное на их жизненном опыте, элементарном и бытовом представлении о правовых явлениях, процессах и состояниях.

Компетентным является толкование, которое дают лица, имеющие определенный профессиональный юридический опыт (знания, умения, навыки и т.п.) в той или иной сфере общественной жизни. Так, к компетентному относится толкование, которое осуществляют судьи, адвокаты и другие юристы в процессе бесед и консультаций с гражданами и должностными лицами, при ответах на вопросы в газетах и журналах и т.д.*

Существенную роль в правотворчестве, реализации и систематизации права, судебной, следственной и иных типах и видах юридической практики играет *доктринальное* толкование, которое рассматривается либо в качестве разновидности компетентного толкования (см., например, [27. С. 313]), либо как самостоятельный вид неофициального толкования (см., например, [48. С. 177]).

Доктринальное толкование дается, как правило, учеными-юристами на основе теоретического исследования права, правосознания и других элементов правовой системы общества, обобщения и изучения материалов юридической практики (правотворческой, судебной и т.п.). Особенно большую роль в юридической практике играют комментарии ученых к конституциям, кодексам, отдельным законам, подзаконным и иным правовым актам. К сожалению, в последние годы комментарии составляют в такой спешке, в таком количестве (только комментариев нового УК РФ можно насчитать около десятка) и с такими грубыми погрешностями, что их ценность неуклонно снижается. Это связано еще и с тем, что подобные труды, как правило, не опираются на солидные обобщения материалов юридической практики, носят нередко чисто умозрительный характер; многие авторы стремятся не к нахождению истины, всестороннему и полному раскрытию содержания и формы того или иного правового предписания, а к выражению своей «оригинальной» точки зрения и позиции.

Неофициальное толкование, так же как и официальное, бывает *нормативным* и *казуальным*. Например, научный комментарий может быть дан нормативно-правовому акту, иметь общий (неперсонифицированный) характер, а может носить индивидуальное значение и объяснять конкретную социально-правовую ситуацию (субъективное право и т.п.) в конкретном юридическом деле.

* Любопытно, что на 1 стр. каждого «Вестника Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации» указано, что, мнения, высказываемые в комментариях специалистов (в том числе, видимо, и судей ВАС РФ. - В.К.), не обязательно отражают официальную точку зрения Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации».

5. В зависимости от субъектов, осуществляющих толкование, можно выделить *интерпретационную практику государственных и негосударственных органов*. Первую следует разграничивать на интерпретационную практику представительных органов, административную, прокурорскую, следственную и т.д. Каждую из указанных разновидностей интерпретационной практики, в свою очередь, осуществляют субъекты, занимающие различное место в системе соответствующих учреждений. Так, судебное толкование осуществляют конституционные и уставные суды, суды общей юрисдикции, арбитражные суды и т.п. В зависимости от иерархии и определенной соподчиненности этих органов выделяется, например, интерпретационная практика Верховного Суда РФ и интерпретационная практика нижестоящих (республиканских, областных и т.п.) судов общей юрисдикции.

Интерпретационную практику негосударственных органов по субъектам можно также подразделить на нотариальную, адвокатскую и т.п. Сюда же относится интерпретационная практика органов самоуправления, хозяйствующих негосударственных организаций, общественных объединений и т.п.

6. По объектам интерпретации следует разграничивать *толкование нормативных актов, актов применения и толкования, судебных решений (приговоров) и определений (постановлений), нормативных актов гражданского и уголовного, трудового и иных отраслей права*. Данная классификация интерпретационной практики имеет порой достаточно принципиальное значение. Так, в соответствии с российским законодательством право интерпретации, например, Конституции РФ возложено только на Конституционный Суд РФ. Это не означает, что другие органы (например Верховный Суд РФ) не могут толковать ее в процессе правотворчества и реализации права. Однако Конституционный Суд РФ имеет в данном случае определенный приоритет и выполняет при этом функцию конституционного контроля (подробнее см. [20]).

7. По полученным результатам юридическое толкование разграничивается на *буквальное (адекватное), распространительное и ограничительное*.

Классифицировать интерпретационную практику, видимо, можно и по другим критериям (целям, функциям, процессуальным формам и т.п.). Данный метод позволяет значительно дополнить, расширить, конкретизировать и, таким образом, обогатить понятие, структуру, содержание, формы и другие аспекты интерпретационной практики.

9.4. Принципы интерпретационной практики

В правоведении уже были попытки исследовать данный аспект проблемы. Так, А.С. Пиголкин в качестве критериев правильного раскрытия смысла толкуемого акта называл общие принципы соответствующей отрасли права и права в целом, принципы целесообразности гуманизма [24. С. 105]. К.И. Комиссаров считает, что в качестве фундаментальных начал “можно было бы указать принцип единства политического и юридического содержания закона, принцип законности и принцип использования всех приемов толкования в диалектической взаимосвязи” [70. С. 152]. С.С. Алексеев выделял два исходных положения интерпретационной деятельности: принципы законности и партийности [71. С. 169-172]. Б. Спасов относил к принципам юридического толкования “основные начала права ...” [25. С. 192 и след.].

Однако сколько-нибудь серьезного анализа принципов интерпретационной практики, мы, к сожалению, не находим ни в отечественной, ни в зарубежной юридической литературе. Не имея возможности подробно исследовать данную проблему, кратко рассмотрим лишь некоторые вопросы понятия, а также отдельные исходные положения, на которых базируется интерпретационная практика.

Слово “принцип” в переводе с латинского (*prīncipium*) означает буквально основу, первоначало, руководящую идею, исходные положения какого-либо явления (учения, организации, деятельности и т.п.). Еще древние обращали внимание на то, что “принцип есть важнейшая часть всего” (*prīncipium est potissima pars*).

Принципы интерпретационной практики - это фундаментальные идеи (идеалы) и исходные нормативно-руководящие начала (общеобязательные требования, юридические императивы), которые определяют общую направленность интерпретационной деятельности и реализация которых обеспечивает высокое ее качество и эффективность в правовой системе общества.

Все указанные принципы подразделяются, во-первых, на принципы, сформулированные учеными-юристами, которые выступают в виде фундаментальных идей и идеалов либо требований практически-прикладного характера и отражают достижения правовой мысли и практического опыта. Они еще не нашли отражение в действующем законодательстве и составляют важнейшую часть научного и профессионального правосознания, не являются обязательными для субъектов интерпретационной практики. К ним можно отнести, например, принципы научности, оперативности, целесообразности, безупречности и др.

В случае закрепления подобных идей-принципов в национальном или международном позитивном праве они выступают в качестве общеобязательных требований, юридических императивов, нормативно-руководящих начал, т.е. принципов права, которыми должны руководствоваться правотворческие и правоприменительные органы, все субъекты-участники, деятельность которых нацелена на установление подлинного смысла и значения правовых предписаний. В законе о Конституционном Суде РФ закреплены такие, например, принципы его праворазъяснительной деятельности, как независимость (ст. 5, 13, 29), коллегиальность (ст. 5, 30, 77, 78), гласность (ст. 5, 31, 54), состязательность (ст. 5, 35, 53), равноправие сторон* (ст. 5, 35, 53) и другие (см. ст. 116, 32-34).

И те и другие принципы *определяют общую направленность воздействия* в той или иной предметной сфере интерпретационной практики. Однако, в отличие от юридических идей (идеалов), составляющих части научного и профессионального правосознания, *принципы права* всегда выступают в виде *общеобязательных требований* и являются важнейшими *элементами содержания и системы права*.

Каждый из принципов права имеет довольно *сложное строение*. Он состоит из разнообразных *юридических императивов*, которые тесно взаимосвязаны и взаимодействуют между собой. Так, принцип законности (строгое и неукоснительное соблюдение законов и иных правовых актов) в интерпретационной практике образуют следующие императивы: а) с помощью толкования нельзя вносить изменения в сферу правового регулирования, т.е. создавать новые, изменять действующие или отменять ненужные нормативно-правовые предписания; б) все субъекты юридического толкования обязаны строго и неукоснительно соблюдать (исполнять, применять и т.п.) законы и основанные на них подзаконные акты; в) субъекты интерпретационной практики не должны выходить за рамки своей компетенции ("каждая юрисдикция имеет свои границы") - *quaelibet jurisdictio cancellos suos habet*; г) в праворазъяснительном процессе они должны требовать соблюдения законов от других участников интерпретационной практики; д) официальное разъяснение является обязательными для адресатов; е) акты толкования нижестоящих органов должны соответствовать интерпретационным актам вышестоящих органов; и т.п.

* Полагаем, что формулировка данного принципа не совсем правильная. Следовало употребить более точный термин - "равенство". Равенство предполагает равенство прав и обязанностей (ответственности), равноправие - только равенство в правах. Разница, как видим, существенная.

Исходные нормативно-руководящие начала *обеспечивают* существенную, устойчивую, регулярную и необходимую *связь* между разнообразными элементами интерпретационной практики (объектами, способами и средствами их уяснения и разъяснения, выносимыми решениями, интерпретационными актами и т.п.), оказывают значительное *информационное, ориентационное и регулятивное воздействие* на сознание и поведение (деятельность) ее субъектов и участников.

От грамотного использования всех юридических принципов в значительной степени *зависит качество и эффективность* интерпретационной практики. Причем определенные юридические идеи и идеалы, а также принципы права служат в данном случае не только соответствующим ориентиром для интерпретаторов, но и *критерием оценки* их деятельности. Нарушение, например, принципа законности, гласности, коллегиальности, состязательности, равноправия сторон и др. в конституционном судопроизводстве будет служить основанием к отмене решения конституционного суда.

Принципы позитивного права, которыми обязаны руководствоваться все субъекты интерпретационной практики, мы подразделяем на следующие группы:

- 1) исходные начала, отражающие природу отдельных институтов права;
- 2) принципы, присущие двум и более институтам права (межинститутские нормативно-руководящие начала), но которые не достигли еще уровня отраслевых и подотраслевых принципов права;
- 3) принципы подотраслей права;
- 4) отраслевые исходные положения;
- 5) межотраслевые нормативно-руководящие начала, выражающие общие фундаментальные положения двух и более отраслей права;
- 6) общие для каждой национальной правовой системы (например французской) принципы права, которые действуют в подавляющем большинстве отраслей внутригосударственного права и распространяют свою юридическую силу на основные разновидности юридической практики (правотворчество, толкование, реализацию права, судебную практику и т.п.);
- 7) принципы, отражающие особенности той или иной правовой семьи (феодальной или буржуазной, романо-германской или англо-саксонской, мусульманской или иной). Например, в странах, где действует мусульманская правовая семья, харак-

терными являются принципы верховенства шариата, равенства только правоверных и др.;

- 8) принципы международного права. Они, в свою очередь, разграничиваются на принципы отдельных институтов и отраслей права, межинститутские, межотраслевые и общие принципы международного права;
- 9) принципы отдельных сообществ. Так, в Европейском Союзе действуют такие общие принципы права, как верховенство права Сообщества над национальным правом, юридической безопасности (определенности), равенства, subsidiarity, пропорциональности, юридической профессиональной привилегии и др.;
- 10) общепризнанные принципы права. Их можно отнести ко всеобщим, универсальным, исходным нормативно-руководящим началам, имеющим глобальное воздействие на все сферы общественной жизни многих стран мира (подробнее см. [73]).

Все указанные выше принципы классифицируются на определенные виды в зависимости от того, составляют ли они основу системы права в целом либо отдельных ее нормативно-правовых общностей или массивов (институтов права, отраслей, семей и т.п.).

Для интерпретационной практики важно также подразделение принципов в зависимости от способов их внешнего выражения в тех или иных формально-юридических источниках. Как известно, они *закрепляются в международных нормативно-правовых актах и договорах, конституциях и конституционных законах, обычных законах и даже подзаконных актах.*

Между принципами права существуют определенные координационные и субординационные связи, раскрывающие их место и роль в процессе воздействия на субъектов и участников интерпретационной практики. Так, фундаментальные положения, закрепленные в конституциях, имеют большую юридическую силу, чем принципы права, выраженные в обычных законах и подзаконных нормативных актах. Общепризнанные принципы международного права, а также общие принципы Европейского Союза имеют, например, приоритет над принципами национального права.

Рассмотрим отдельные фундаментальные начала (научные идеи и принципы права), которые прежде всего должны быть положены в основу интерпретационной практики.

Центральным и универсальным является, без сомнения, принцип *законности*. “Законность - основа государства (*legalitas regnorum fundamentum*), “мы можем делать (только) то, что можем делать законно”

(*id (tantum) possumus quod de jure possumus*), - говорили древние. Важным юридическим императивом здесь является верховенство закона над интерпретационными актами (*a verbis legis non est recedendum* - от слов закона не должно отступать). Последние не должны противоречить Конституции РФ, законам и толкуемым правовым актам. Примером нарушения данного принципа может служить постановление № 8-П Конституционного Суда РФ от 20 мая 1997 г., которым он признал п. 4 и 6 ст. 242 и ст. 280 Таможенного Кодекса РФ в части, касающейся права таможенных органов выносить решения о конфискации имущества как санкции за совершенное правонарушение, соответствующими Конституции РФ (42. 1997. 29 мая). Дело в том, что в п. 3 ст. 35 Конституции РФ говорится, что “никто не может быть лишен своего имущества иначе как по решению суда”.

Принцип *гуманизма* (от лат. *humanus*, человеческий - фундаментальное начало, проникнутое любовью к людям, уважением к человеческому достоинству, заботой о благе людей) был провозглашен еще классиками юриспруденции Павлом и Модестином. “В уголовных делах предпочтительнее более доброжелательное толкование” (*in poenalibus causis benignius interpretandum est*), - указывал Павел.

“Никакой принцип права и никакая справедливость, - отмечал Модестин, - не позволяют, чтобы те нормы, которые вводятся законодателем ради покровительства интересам людей, мы истолковывали слишком строго, обращая их против этих самых лиц, придавая им характер суровости” (*Nulla juris ratio aut aequitatis benignitas patitur, ut quae salubriter pro utilitate hominum introdocunter, ea nos duriore interpretatione contra ipsorum commodum producamus ad severitatem*).

Опираясь на опыт предшествующих поколений, ряд принципов интерпретационной практики сформулировал виднейший дореволюционный юрист Е.В. Васьковский. Он, в частности, писал, что неясную (двусмысленную) норму следует толковать в том смысле, при котором она представляется более справедливой (принцип *справедливости*); из двух одинаково возможных справедливых вариантов, считал он, необходимо отдавать предпочтение более целесообразному (принцип *целесообразности*); из двух одинаково справедливых и целесообразных вариантов предпочтение нужно отдавать тому, при котором норма права более милостива (здесь речь идет, как видим, о принципе гуманизма) [3. С. 86].

Принцип *справедливости* означает также, что деятельность субъектов юридического толкования должна быть пронизана идеями беспристрастности, истинности, правильности, честности и т.п. Римские юристы полагали, что не только в сомнительных делах следует давать более

справедливое и безопасное толкование (*in re dubia, benigniorem interpretationem sequi, non minus justius est quam tutius*), но и “во всех юридических делах юстиция и справедливость имеют преимущество перед строгим пониманием права” (*placuit in omnibus rebus praecipiam esse justitiae aequitatisque quam stricti iuris rationem*).

Принцип *безупречности* мы считаем одним из центральных для всей интерпретационной практики: “*Ea est accipienda interpretatio, quae vitio caret*”, т.е. “то толкование следует принять, которое безупречно”, говорили древние. Суть данного принципа выражается в том, что, во-первых, “необычное и двусмысленное толкование не одобряется” (“*curiosa es captiosa interpretatio in lege reprobatur*”); во-вторых, “каждое толкование документов должно быть таким, если это возможно, чтобы все противоречия были исключены” (“*omnis interpretatio si fieri potest ita fienda est in instrumentis, ut omnes contrarietates amovenantur*”); в-третьих, “двусмысленные выражения должны толковаться так, чтобы избежать неудобства и нелепости” (*interpretatio talis in ambiguis semper fienda est ut evitetur inconveniens et absurdum*); в-четвертых, толкование должно быть однозначным, т.е. в нем не должно содержаться “ничего, что могло бы дать основания для сомнения” [31. С. 21].

Проблема однозначности смысла и правового текста имеет фундаментальное значение при использовании правового опыта одних стран в правовой системе других стран (о некоторых аспектах правовой аккультурации см. [28. С. 43-47]). Можно привести многочисленные примеры того, когда без четкого осмысления тех или иных правовых понятий, нормативно-правовых предписаний, институтов, конструкций и пр. однородные общественные отношения в условиях российской действительности пытаются урегулировать с помощью правовых предписаний, взятых из разных по своей природе правовых семей. Результат, естественно, получается непредсказуемым как для законодателей, так и для “пользователей” данными предписаниями.

Важным является принцип *оперативности* интерпретационной практики (*circuitus est evitandus* - ненужной затяжки дел следует избегать). Своевременно изданный интерпретационный акт, безусловно, обеспечивает единообразное и правильное понимание и реализацию разъясняемого правового предписания. В этом, однако, нужно соблюдать разумную меру, поскольку “поспешные советы редко бывают удачными” (*praerogata consilia raro sunt prospera*).

Как верно отмечает Т.Я. Хабриева, чтобы обеспечить, например, оперативность рассмотрения конституционных дел, закон о Конституционном Суде РФ устанавливает четкую процессуальную форму, организацию его работы и устанавливает достаточно жесткие сроки прохо-

ждения дел по основным стадиям конституционного судопроизводства (см. [20. С. 131]).

Особое значение имеет принцип обратного действия (ретроактивного эффекта) результата интерпретационной практики, который специально, например, закреплён в Англии в “Законое об объединении законодательных актов, касающихся актов Парламента, и о дальнейшем сокращении языка, используемого в актах Парламента” от 30 августа 1889 г. (подробнее о содержании принципа см. [75. С. 206-207]). Обратная сила интерпретационных решений (актов) в юриспруденции объясняется тем, что в процессе толкования не создаются (изменяются либо отменяются) новые нормативно-правовые предписания, а лишь раскрываются истинные содержание и форма уже действующих нормативно-правовых предписаний (цель интерпретатора “разъяснять, но не издавать законы” - *dicere et non dare legem*).

В юриспруденции социалистических стран одним из центральных является принцип классовости (партийности) интерпретационной практики. Его суть выражается в том, что, с одной стороны, закон (объект толкования) “есть мера политическая, есть политика” [77. Т.30. С. 99], а с другой - интерпретатор (субъект практики), по мнению теоретиков марксизма, принадлежит к определенному классу или выражает интересы политически господствующего класса. Поэтому путем произвольного толкования буржуазные и пр. судьи, адвокаты, чиновники умеют “истолковать закон так, что рабочему и среднему крестьянину никогда не прорваться через проволочные заграждения этих законов” [77. Т. 37. С. 285]. Интерпретационная практика таким образом используется в качестве эффективного средства в классовой борьбе против политических и идеологических противников.

К числу основополагающих начал интерпретационной практики можно отнести и другие принципы - идеи и принципы права (гласности, научности, профессионализма и т.п.), которые обеспечивают эффективность и качество юридического толкования в правотворчестве и реализации права, в процессе юридической систематизации и других сферах правовой системы общества.

9.5. Цели (задачи) и функции интерпретационной практики

Под целью в русском языке понимается то, к чему стремятся, что нужно осуществить [78. С. 758]. В философской и психологической литературе цель - это один из элементов сознательной деятельности,

который характеризует предвосхищение в мышлении результата деятельности и пути его реализации с помощью определенных средств (см., например, [79. С. 763]).

Как нами уже было отмечено ранее (п. 9.1.2), цель является частью социально-психического механизма интерпретационной практики и выступает важным ориентиром и средством интеграции разнообразных действий и операций интерпретатора в соответствующую систему.

Выраженные вовне цели (“внешние цели”) предстают уже в качестве определенных задач, которые указывают, что должно быть достигнуто в процессе интерпретационной практики, и требуют обязательного выполнения.

Все цели-задачи интерпретационной практики можно разграничить на общие и частные, основные и неосновные, ближайшие и перспективные, юридические и неюридические (экономические и т.п.), материальные и духовные, реальные и нереальные, истинные и ложные, своевременные и несвоевременные и т.д.

Эти цели-задачи, во-первых, уточняются и конкретизируются в зависимости от сферы использования юридического толкования в правотворчестве и правоприменении, судебной практике и т.п., конкретно-исторической обстановке и социально-правовой ситуации, правовой системы (семьи), субъектов и объектов интерпретационной практики, ее фактических и юридических оснований и многих других обстоятельств; во-вторых, выступают важными критериями эффективности и качества интерпретационной практики.

Цели-задачи вытекают обычно из оснований и поводов интерпретационной деятельности. В общетеоретическом плане выделим наиболее типичные (общие, основные и т.п.) цели-задачи, которые в той или иной степени определяют направление воздействия интерпретационной практики на реальную действительность, т.е. основные ее функции.

Применительно к разнообразным *правовым предписаниям* в процессе интерпретационной практики устанавливаются и раскрываются:

- смысл, содержание и формы их выражения,
- социальная направленность, назначение и роль в механизме юридического воздействия на общественные отношения,
- место и сфера (пределы) действия в правовой системе общества (например, связи между различными нормативно-правовыми предписаниями: общими и специальными, нормами права и юридическими дефинициями, принципами права и нормами права; нормативными и правоприменительными актами, актами толкования и нормативными актами, правовыми актами и экономическими отношениями и т.д.),

- конкретно-историческая обстановка их принятия и функционирования,

- пробелы, коллизии, противоречия, ошибки и иные недостатки как в содержании, так и форме права, правосознании, юридической практике и т.п.

Целями-задачами интерпретационной практики в этом плане также являются:

- оценка ранее действовавших, ныне существующих и желаемых правовых предписаний,

- их объяснение (разъяснение) индивидуально-конкретным либо неперсонифицированным адресатам,

- устранение неточностей, неясностей, противоречий, ошибок в их содержании и форме (в некоторых правовых семьях - восполнение пробелов права),

- уточнение, интерпретационная детализация и конкретизация норм права и иных правовых предписаний,

- обеспечение правильного и единообразного осуществления юридических предписаний в правотворчестве, реализации и систематизации права, судебной и нотариальной, следственной и иных разновидностях юридической практики, улучшение качества и повышение эффективности данных видов юридической практики,

- предупреждение правонарушений и иных социально-правовых отклонений в правовой системе общества, охрана прав и свобод граждан, их коллективов и организаций, укрепление законности и правопорядка.

Указанные и иные цели-задачи определяют само наличие, существование тех или иных функций толкования, конкретное их содержание, способы воздействия на общественные отношения, поскольку функции - это целенаправленные изменения реальной действительности с помощью интерпретационной практики. Поэтому они непосредственно связаны с задачами и целями, стоящими перед субъектами практики. При этом необходимо иметь в виду, что несколько функций могут быть направлены на выполнение какой-то определенной задачи, а с помощью одной функции могут одновременно решаться несколько задач.

Функциональный подход позволяет обстоятельно раскрыть динамические стороны интерпретационной практики, ее место и роль среди других разновидностей юридической практики и в правовой системе общества в целом.

В функциях предметно конкретизируются отдельные свойства и стороны практики, ее сущность, содержание и формы. Вместе с тем изменение задач и функций интерпретационной практики определен-

ным образом влияет на ее структуру и содержание либо отдельные ее элементы, внешнюю и внутреннюю форму практики. “Отмирание” или появление нового направления воздействия связано с необходимостью адаптации саморегулирующейся системы, какой является интерпретационная практика. Здесь следует особо подчеркнуть: о функционировании любых правовых явлений можно говорить лишь в том случае, если иметь в виду, что за ними стоят действующие субъекты и участники практики.

Каждая из функций призвана отражать тот или иной аспект воздействия юридического толкования на общественные отношения. Взятые в совокупности, функции интерпретационной практики позволяют раскрыть ее место и роль среди других юридических средств и методов воздействия на социальную действительность.

Таким образом, под **функциями** следует понимать такие *относительно обособленные направления более или менее однородного воздействия интерпретационной практики на сознание, волю и поведение людей (реальную действительность), в которых проявляется ее природа, творчески преобразующая роль и социально-правовое назначение в жизни общества.*

Интерпретационная практика относится к многофункциональным системам, что требует разграничения отдельных направлений ее воздействия на реальную действительность.

Вопрос о функциях интерпретационной практики и их системе до сих пор остается мало изученным как в отечественной, так и зарубежной юридической науке. Не имея возможности подробно рассмотреть данный аспект проблемы, кратко остановимся на некоторых направлениях воздействия интерпретационной практики на реальную действительность.

На наш взгляд, в любом обществе интерпретационная практика выполняет гносеологическую (познавательную) и объяснительную, оценочную и онтологическую (описательную), регулятивную и мировоззренческую, правоконкретизирующую и правообеспечительную, компенсационную и превентивную, контрольную и политическую, интегративную и иные функции.

Гносеологическая функция интерпретационной практики выражается в том, что важную сторону юридического толкования составляет сложный процесс познания (мышления), который направлен на получение нового знания (иначе что и зачем разъяснять?!). Причем “приращение” знаний осуществляется с помощью уже накопленных знаний о языке, формах мышления, генетических и структурных, функциональ-

ных и иных связях между правовыми явлениями и предписаниями, условиями их реализации и т.п. (подробнее см. [11. С. 19 и след.]).

Объяснительная функция отражает суть, саму природу интерпретационной практики. Ее можно отнести к основным, главным функциям интерпретационной практики. “Объяснение смысла и целей права в процессе его реализации, - пишет, например, Н.Н. Вопленко, - одна из всеобщих функций толкования, которая преследует цели предупреждения правонарушений и воспитания убежденности в справедливости правовых норм и необходимости их безусловного соблюдения. Этой цели служит как официальное, так и неофициальное толкование, различные его виды и уровни” [80. С. 109].

Суть *аксиологической* функции заключается в том, что любая интерпретационная деятельность связана с оценкой правовых актов (действий и документов), понятий и терминов, способов и средств их познания, иных правовых явлений. Кроме того, соответствующая оценка находит отражение в результатах толкования и в правовом опыте, в интерпретационных актах и т.д.

Онтологическая функция интерпретационной практики предполагает четкое и ясное описание полученного знания, его выражение в устной или письменной форме. “Результат толкования неизбежно закрепляется в языковой форме - совокупности высказываний интерпретатора, раскрывающей смысл толкуемой нормы”, - пишет, например, А.Ф. Черданцев [11. С. 117]. В рамках теории словесности юридическое толкование можно определить как специфическую процедуру преобразования одного текста в другой при условии различных способов языкового выражения, но идентичности правового содержания; необходимо обработать извлеченную в процессе толкования информацию в общей системе юридических знаний так, чтобы, не подменяя законодатель, представить компактные юридические формулы в развернутом виде, исключая всякую возможность искажения сути нормы права. Причем, как верно замечает Т.В. Губаева, результат юридической интерпретации следует изложить в тексте, составленном “с соблюдением языковых требований нормированности, традиционности, информативности и оптимальной синтаксической глубины...” [53. С. 151-152].

Содержание *правоконкретизирующей* функции интерпретационной практики заключается в переводе правовых предписаний и иных правовых явлений с более высокого уровня общностей на более низкий уровень. “Результат толкования, - пишет С.С. Алексеев, - не должен выходить за пределы толкуемых норм. Вместе с тем он выражает *новое знание* - конкретизирующее суждение о нормах. В результате же правоприменительного толкования в правовую материю могут быть привне-

сены некоторые новые моменты, выражающие конкретизацию нормативных предписаний. Таковы вырабатываемые в ходе юридической (судебной) практики правоположения» [27. С. 306-307].

По мнению А.Ф. Черданцева, результатом юридического толкования выступают «интерпретационные нормы» - «это *конкретизирующие* нормы, полученные в результате логического вывода из более общих и абстрактных интерпретируемых норм, сформулированных самим законодателем... Нормы такого рода содержат указания на права и обязанности субъектов отношений, регулируемых интерпретируемой нормой. Но в таких интерпретационных нормах субъекты, ситуации, права и обязанности более конкретизированы и детализированы по сравнению с общей и абстрактной нормой, из которой эти интерпретационные нормы вытекают.» [11. С. 121. См. также: 91. С. 7].

Ярким примером данной функции является постановление №8 Пленума Верховного Суда РФ от 31 октября 1995 г. «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» [57. С. 528-535].

С указанной функцией тесным образом связана *регулятивная* функция интерпретационной практики, которая состоит в том, что совместно с нормативно-правовыми, правоприменительными и иными актами юридическое толкование способствует более четкому, ориентационному, нормативному и индивидуальному воздействию на сознание и поведение людей, общественные отношения. Мы уже ссылались на точку зрения С.С. Алексеева, который, например, пишет, что «толкование нормативных актов *завершает процесс регламентации общественных отношений*. В результате толкования нормативные юридические предписания готовы к реализации, к практическому осуществлению. В то же время своеобразие толкования состоит в том, - продолжает автор, - что это деятельность, которая, реально завершая процесс регламентации общественных отношений, является одним из начальных элементов процесса реализации юридических норм» [27. С. 293].

В качестве подфункции регулятивной функции либо в виде самостоятельной можно выделить *рекомендательную* функцию интерпретационной практики. Суть ее заключается в том, что, например, кассационная и надзорная судебные инстанции рекомендуют нижестоящим судам, как нужно понимать тот или иной термин (юридическую ситуацию, доказательство, правовой акт и т.п.). Достаточно распространенной эта функция является в международной юридической практике. Например, юрисдикция Суда ЕС распространяется только на толкование права Сообщества (ст. 177 ЕС и 150 Евратома); толкование официального права относится к исключительной юрисдикции национальных

судов. Национальные суды могут учитывать интерпретационные рекомендации суда ЕС либо игнорировать их в своей судебной практике (подробнее об этом см. [72. С. 230-233]).

Контрольная функция интерпретационной практики выражается в том, что в процессе толкования выявляются пробелы в праве и иные дефекты в содержании и форме разнообразных правовых актов, просчеты в других компонентах юридической практики (правотворческой, правосистематизирующей, правоприменительной и т.п.). Так, при толковании Конституции РФ и иной интерпретационной деятельности Конституционный Суд РФ осуществляет функцию контроля за соблюдением Конституции и обеспечением соответствия Конституции и законов республик, уставов, законов и иных нормативных актов субъектов России Конституции РФ, федеральным конституционным законам и федеральным законам (см. ст. 71 и 72 Конституции РФ). При вынесении, например, постановления от 27 января 1993 г. Конституционный Суд РФ пришел к выводу о том, что в действующем законодательстве имеются пробелы, препятствующие эффективной охране прав граждан на судебную защиту от незаконных увольнений, на полное возмещение ущерба, причиненного незаконными действиями соответствующих органов и должностных лиц, а также на обеспечение принципа равенства участников трудовых отношений (подробнее см. [20. С. 142 и след.]).

В указанных выше случаях интерпретационная практика сигнализирует правотворческим и иным компетентным субъектам о недостатках и социально-правовых отклонениях в правовой системе общества.

Интерпретационная практика выполняет в определенной степени и *компенсационную* функцию, устраняя в некоторых случаях противоречия, неясности и иные погрешности в нормативно-правовом и индивидуально-правовом регулировании общественных отношений.

“Толкование Конституции может явиться альтернативой ее жесткости, - пишет Т.Я. Хабриева. - Оно необходимо, поскольку процедура пересмотра Конституции, внесения в нее поправок весьма сложна. Многочисленные поправки, как показывает опыт, подрывают авторитет права. В то время как рассмотрение запросов уполномоченных органов о толковании Конституции прочно вошло в практику Конституционного Суда РФ, есть основания полагать, что оно будет расширяться и оказывать все большее влияние на механизм реализации Конституции, деятельность всех органов власти, общественных объединений и граждан, ставя вопрос о роли конституционной интерпретации как постоянного *компенсатора* (выделено нами. - В.К.) значительной инерции конституционного законодателя” [20. С. 6].

Практике толкования Конституции РФ Конституционным Судом России известна *правоотменяющая* и *правоизменяющая (правотворческая) функция*. Дело в том, что признанные неконституционными нормативно-правовые акты или их отдельные положения в соответствии с ч. 2 ст. 79 закона “О конституционном Суде РФ” утрачивают юридическую силу и не подлежат реализации. Однако восполнить пробел в правовом регулировании Конституционный Суд не имеет права, т.е. у него отсутствует правонаделяющая функция.

В некоторых правовых системах (например англо-саксонской, мусульманской и др.) с помощью юридического толкования восполняются пробелы права. “Только самые наивные верят, - пишет Л. Фридмэн, - что Верховный Суд просто “интерпретирует” текст, т.е. исследует, что документ означает или что подразумевали в нем люди, которые его писали. Суд идет дальше простой интерпретации” [81. С. 152; см. также: 16. С. 312].

Совершенствованием законодательства занимаются судебные органы и в странах романо-германской правовой семьи. Так, федеральный Конституционный Суд Германии, оставляя норму права в силе, дает ей “свою” обязательную для всех субъектов интерпретацию (подробнее см. [86]). Анализ постановлений Пленума Верховного Суда РФ и Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ свидетельствует о том, что указанные органы также занимаются корректировкой и “совершенствованием” действующего российского законодательства.

Подобная практика находила и находит поддержку в отечественной юридической науке. Например, применительно к Конституционной интерпретации Т.М. Пряхина и Б.С. Эбзеев пишут о важности так называемого “сообразного толкования”, при котором “Конституция не изменяется, а актуализируется применительно к существующей общественно-политической ситуации. ... Если попытаться хотя бы немного отступить от юридического догмата воли, положенного в основу всей отечественной правовой доктрины, - продолжают авторы, - и воспринимать Конституцию как способ рациональной организации и функционирования социума, стабильного развития институтов конституционного строя, ограничения государственной власти и обеспечения индивидуальной автономии личности и свободы гражданского общества, такое “сообразное толкование”, допускающее “превращение” Конституции, т.е. ее изменение без изменения текста, является не только возможным, но и необходимым. Именно подобная практика, - делают вывод авторы, - позволяет стабильной Конституции быть реальной, адекватно отражать потребности общественного развития” [90. С. 98].

В другой своей работе Б.С. Эбзеев пишет, что Конституционный Суд “выполняет в известной мере правотворческую функцию, поскольку предлагает такие решения, которые связаны с дословным текстом Конституции весьма тонкими нитями”, что Конституционный Суд является не только “негативным”, но и “позитивным” законодателем [91. С. 10, 12].

Другой судья Конституционного Суда РФ Н.В. Витрук также указывает на то, что “Конституционный Суд при толковании Конституции осуществляет позитивное восполнение пробелов в конституционном регулировании”, “решения Конституционного Суда о толковании конституционных норм становятся фактически частью Конституции” [94. С. 320].

На наш взгляд, реализация указанных предложений по сути дела приведет к расширению компетенции Конституционного Суда РФ, смешению его правотворческой и интерпретационной деятельности и в конечном счете - к нарушению законности и стабильности в обществе. Об этом, в частности, свидетельствуют отдельные попытки Конституционного Суда РФ выйти за рамки своих полномочий (см. п. 9.6.5 данной темы).

Мировоззренческая (идеологическая) функция интерпретационной практики осуществляется путем информирования граждан и должностных лиц о содержании правовых актов, о возможном и должном поведении, разъяснения целей и задач, принимаемых государством или иным компетентным органом, нормативных и других юридических решений, формирования определенных правовых установок, убеждений, идеалов, ценностных ориентиров и жизненных позиций. Интерпретационная практика в этом плане играет существенную роль в правовом воспитании граждан и должностных лиц, повышении уровня правосознания и правовой культуры, эффективности и качества их правового поведения и деятельности.

Коммуникативная (от лат. communicatio - делаю общим, связываю, общаюсь) функция интерпретационной практики заключается в том, что она служит важной основой для социального взаимодействия, установления и поддержания контактов (например между субъектами судебной и следственной практики), передачи необходимой информации и сознательного управления людьми.

Любая интерпретационная практика в той или иной степени направлена на предупреждение правонарушений, охрану прав и свобод граждан, их коллективов и организаций, укрепление законности и правопорядка, более четкое и грамотное обеспечение реализации права. Поэтому в данном контексте можно говорить о *правоохранительной*

(превентивной, правообеспечительной и т.п.) функции интерпретационной практики. Следует, например, согласиться с Т.Я. Хабриевой, что “толкование Конституции в судебной деятельности - органический элемент широких полномочий судей по охране конституционных прав и свобод граждан...” [20. С. 108]. “Цель толкования, - пишет А.С. Пиголкин, - правильное, точное и единообразное понимание применения закона, выявление его сути, которую законодатель вложил в словесную формулировку. Оно призвано противодействовать любым попыткам отойти от смысла правовых норм, противопоставить букву и дух закона, выяснять смысл того, что законодатель сформулировал... Толкование не вносит и не может вносить поправок и дополнений в действующие нормы. Оно призвано лишь объяснять и уточнять то, что сформулировано в законе... Законность обеспечивает верховенство закона над всеми другими нормативными актами, его высшую юридическую силу. В отношении толкования это верховенство проявляется в том, что смысл подзаконных актов понимается и объясняется в точном соответствии с законом” [23. С. 281-282].

Представляется, что интерпретационная практика выполняет определенную *интегративную* функцию, поскольку здесь происходит систематизация знаний, выработанных юридическими и иными науками (философией, лингвистикой, социологией и т.п.), а также материалов правотворческой, правоприменительной и других разновидностей юридической практики.

В качестве самостоятельной можно выделить унифицирующую функцию интерпретационной практики. Особенно значительна ее роль при толковании многоязычных текстов, когда требуется унификация понятий, терминов, предписаний и пр., для обеспечения аутентичности переводов правовых актов, единообразного и правильного их понимания и применения. В международном публичном праве предлагаются различные концепции толкования многоязычных договоров, а именно: предпочтение должно отдаваться наименее обременительной версии (теория минимума обязательств); каждое государство - участник договора должно быть связано версией на своем языке; текст на первоначальном языке должен иметь преимущественную силу; и т.д. (подробнее см. [72. С. 80 и след.]).

Некоторые отечественные (Т.Я. Хабриева, Б.С. Эбзеев и др.) и зарубежные авторы (Т.К. Хартли, Ж. Карбонье и др.) выделяют *политическую* функцию юридического толкования. Т.Я. Хабриева, например, пишет: “Выявление подлинного содержания конституционной нормы, установление воли, выраженной в законе, есть одновременно и установление политической воли. А вынесение акта толкования обязательно

будет отвечать политическим интересам одной политической силы и противоречить политическим интересам другой стороны” [20. С. 73-74]. Т.К. Хартли пишет, что в Суде ЕС “политические мотивы играют очень важную роль, иногда превалируют над буквальным значением, даже если оно представляется ясным”; “суд исходит из толкования, которое, по его мнению, наилучшим образом обеспечивает цели того или иного положения и политические приоритеты суда” [72. С. 81 и след.].

Таким образом каждая из рассмотренных нами функций показывает отдельные направления, стороны социально-преобразующей природы интерпретационной практики. В совокупности (системе) функции интерпретационной практики могут дать более или менее цельное представление о ее месте и роли среди других разновидностей юридической практики и в правовой системе общества в целом.

9.6. Акты официальной интерпретационной практики

9.6.1. Понятие интерпретационного акта

Официальная и неофициальная интерпретация того или иного юридического предписания (явления, процесса и т.п.) может быть выражена как в устной, так и в письменной форме. Когда речь идет об актах толкования, то обычно имеются в виду способы внешнего выражения и закрепления официальной интерпретационной практики.

Многие авторы под интерпретационными актами понимают разнообразные акты-документы (actum), закрепляющие праворазъяснительные решения. Так, С.С. Алексеев пишет: “Это - акты-документы, которые содержат конкретизирующие нормативные предписания, выражающие разъяснение юридических норм” [27. С. 313]. Н.Н. Вопленко считает, что “акты официального толкования представляют собой проникнутую внутренним единством иерархическую систему вспомогательных правовых актов, служащих важным средством правильной и эффективной реализации права путем установления организационно-вспомогательных правил понимания и применения действующего законодательства” [13. С. 35].

В последующем основное внимание нами будет уделено именно актам-документам официальной интерпретационной практики. Всему разнообразию актов толкования присущи некоторые общие черты.

1. Они представляют собой *разновидность правовых актов*. Поэтому им присущи многие признаки, характерные для любых юридических актов (нормативно-правовых, правоприменительных и т.п.).

При характеристике природы актов толкования должно быть обращено внимание на основные черты официальной интерпретационной практики, которые были рассмотрены в данной теме. Это позволит полнее осмыслить основные признаки акта толкования, показать его особенности и отличия от нормативно-правовых и правоприменительных актов.

2. Акт толкования является *результатом интерпретационной деятельности*. Он закрепляет праворазъяснительное решение соответствующего компетентного органа. Указанные решения не следует отождествлять с актами толкования. Последние выступают специфической знаковой системой, делающей доступным для восприятия принятое решение.

3. Акт толкования представляет собой *внешнюю форму* (forma dat esse - форма дает бытие) интерпретационной практики. В данных актах находят отражение все основные элементы как содержания интерпретационной практики (соответствующие действия и операции, средства и способы их осуществления, результаты действий и т.п.), так и ее внутренней процессуальной формы.

4. Указанный акт представляет собой *официальный акт-документ* (scriptum), для которого характерны специфические структура, содержание, форма, средства, способы и стиль письменного изложения, символы, реквизиты.

5. Это акты строго *установленного субъекта* интерпретационной практики, который издает их лишь по вопросам, входящим в его непосредственную компетенцию (infra jurisdictionem - в пределах юрисдикции).

6. *Содержание* актов толкования составляют *общие (нормативные)* либо *персонально-адресованные и индивидуально-конкретные* юридические *разъяснения* интерпретатора.

Большинство отечественных и зарубежных авторов отмечают, что в отличие от нормативного акта издание акта толкования не связано с изменением сферы правового регулирования, т.е. закреплением новых, изменением или отменой действующих нормативно-правовых предписаний (актов). Из этого общего положения нужно, по-видимому, сделать исключение, поскольку интерпретационные акты конституционных (уставных и т.п.) судов могут, как известно, отменять определенные нормативно-правовые и иные акты или их отдельные положения, запрещать введение их в действие и применение в той или иной сфере

общественной жизни (см. ст. 79 закона “О Конституционном Суде РФ”).

7. Соответствующие типы, виды и подвиды интерпретационных актов принимаются в *строго определенной процедурно-процессуальной форме*. Так, для толкования Конституции РФ Конституционным Судом России существует один порядок их издания, для толкования законов Верховным Судом РФ - другой, для ведомственных интерпретационных актов - третий и т.д. В этом обнаруживается единство внутренней и внешней формы интерпретационной практики.

8. Весьма распространенным в отечественной юридической литературе является мнение, согласно которому “акты официального толкования ... обладают *государственной обязательностью*” (см., например, [13. С. 28; 92. С. 112 и след.]). Эта точка зрения требует существенного уточнения. Дело в том, что официальное юридическое толкование осуществляют не только государственные органы и должностные лица, но и уполномоченные на то органы самоуправления, общественные организации и объединения, другие негосударственные учреждения. Поэтому правильнее говорить, что интерпретационные акты носят властный, *обязательный* характер.

Их властность обусловлена тем, что в интерпретационной практике находят проявление основные черты государственной или негосударственной (общественной, корпоративной и т.п.) власти: руководство, контроль, управление, организация и т.д. *

Обязательность для адресатов актов толкования во многих случаях вытекает из соответствующей компетенции интерпретатора или иерархичности органов, дающих юридическое толкование (например, разъяснения Правительства РФ обязательны для министерств в силу подчиненности последних правительству). Нередко обязательность интерпретационных актов прямо закреплена в законодательстве. Например, в ст. 13 федерального конституционного закона № 1 от 28 апреля 1995 г. “Об арбитражных судах в Российской Федерации” указано: “ 1. Пленум Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации:

1) рассматривает материалы изучения и обобщения практики применения законов и иных нормативно-правовых актов арбитражными судами и дает разъяснение по вопросам судебной практики; [...]

2) По вопросам своего ведения Пленум Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации принимает постановления, обязательные для арбитражных судов в Российской Федерации”.

* Власть здесь понимается как любое организационно-правовое воздействие на общественные отношения, следствием которого является принятие обязательного для исполнения праворазъяснительного решения.

В отечественной юридической науке уже обращалось внимание на то, что акты толкования, как правило, обязательны не только для адресатов, указанных в законе или ином нормативно-правовом акте (в нашем примере для арбитражных судов), но имеют более общий характер, т.е. распространяются на более широкий круг субъектов и участников интерпретационной практики. Имея в виду разъяснения Верховного Суда РФ и Высшего Арбитражного Суда РФ, А.С. Пиголкин правильно, например, пишет, что “они обращены в первую очередь к судебным органам и являются формально обязательными для них. В то же время они обязательны для всех иных лиц и органов, которые в той или иной форме непосредственно участвуют в судебной деятельности” [74. С. 74].

9. Властность, обязательность актов толкования вытекает также из того, что они должны быть *обеспечены разнообразными средствами и способами юридической защиты, мерами государственного и иного воздействия*. Например, неисполнение, ненадлежащее исполнение либо воспрепятствование исполнению решений (актов) Конституционного Суда РФ влечет ответственность, установленную федеральным законом (см. ст. 81 закона “О Конституционном Суде РФ”). Нарушение (несоблюдение, неисполнение и т.п.) акта толкования вышестоящего суда общей юрисдикции может послужить основанием к отмене решения суда, например, по гражданскому делу в кассационном порядке (см. ст. 306-308, 314 ГПК РСФСР).

10. Акты толкования всегда *вызывают определенные юридические последствия*. Это вытекает, во-первых, из их обязательности. Во-вторых, юридические последствия обусловлены теми целями, которые ставит в конкретном случае интерпретатор, а также теми функциями (объяснительные, правоконкретизирующие, превентивные, компенсационные и т.п.), которые выполняет интерпретационная практика. В соответствующих целях и функциях заключена специфическая и *управленческая природа* данных актов.

11. Интерпретационные акты относятся к *подзаконным правовым актам*, призванным способствовать повышению эффективности и качества правотворчества и правореализации, судебной и следственной, нотариальной и других разновидностей юридической практики. Вместе с нормативно-правовыми, правоприменительными и иными юридическими актами они обеспечивают нормативное (общее) и индивидуально-конкретное *регулирование* общественных отношений.*

* Весьма спорными следует признать положения некоторых отечественных и зарубежных авторов о том, что “все решения Конституционного Суда являются источниками права, и им присуща материально-правовая сила закона”, что “решения Конституционного

Многие авторы считают их *вспомогательными* правовыми актами. “Они имеют силу и значение только в течение срока действия толкуемых норм и в случае их отмены прекращают свое действие, - пишет, например, Н.Н. Вопленко. - Следовательно, содержание актов официального толкования характеризуется в отличие от нормативных актов *вспомогательным* значением” [13. С. 32-33].

На наш взгляд, их вспомогательный характер заключается в том, что отдельно от нормативно-правовых (а иногда - правоприменительных и других актов реализации права) акты толкования не могут быть (за исключением некоторых решений конституционных и уставных судов России) положены в качестве правовой основы для разрешения конкретных юридических дел. Но акты толкования порой “переживают” действия интерпретирующих нормативно-правовых актов. Об этом свидетельствует реальная юридическая практика, и на это уже обращалось внимание в отечественной юридической науке (см., например, [11. С. 161 и след.]). Подробнее этот аспект проблемы мы рассмотрим в п. 9.6.3. данной темы.

12. Существенным признаком акта толкования является его *юридическая сила*, которая выражает свойства соподчиненности указанных актов и предполагает определенную их сопоставимость и иерархию. Так, постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ обладает более высокой юридической силой, чем разъяснение Президиума и судебных коллегий Высшего Арбитражного Суда РФ либо интерпретационные акты нижестоящих арбитражных судов. Многие отечественные авторы отмечают тот факт, что юридическая сила актов нормативного толкования Конституции РФ Конституционным Судом РФ практически имеет силу закона.

13. В отечественной и зарубежной юридической науке подавляющее большинство авторов считает, что в отличие от нормативных актов интерпретационные акты обладают *обратной юридической силой*. “Акт нормативного толкования, - пишет, например, А.С. Пиголкин, - имеет обратную силу, т.е. распространяет свое действие на факты, события, которые имели место до принятия соответствующего акта, поскольку он не создает новых предписаний, а разъясняет смысл уже действующих. Такой акт начинает действовать с того момента, когда вступает в силу толкуемый нормативный акт. А нормативный акт обратной силы не имеет, кроме тех случаев, которые специально предусмотрены законодательством” [74. С. 71].

Суда о толковании конституционных норм, по существу, становятся частью Конституции” (см., например [91. С. 7, 12]).

Это, казалось бы, бесспорное положение, подлежит, на наш взгляд, существенному уточнению, поскольку не всегда обратное действие интерпретационных актов приводит к оправданным и полезным общественным и юридическим последствиям (подробнее см. п. 9.6.3 данной темы).

Возможно, видимо, выделение и прочих признаков акта толкования, характеризующих его природу, особенности, место и роль среди других правовых актов в правовой системе общества.

9.6.2. Структура интерпретационного акта

Под *структурой* интерпретационного акта мы понимаем *его строение, расположение основных элементов и связей, обеспечивающих целостность и завершенность акта, закрепление и оформление принятого субъектом праворазъяснительного решения*. Здесь так же, как и применительно к нормативным и иным правовым актам, можно, видимо, говорить о логико-философской, временной, пространственной и стохастической структурах актов толкования.

Логико-философская структура позволяет отразить взаимосвязи частей и целого, содержания и формы интерпретационного акта. Его *юридическое содержание составляют общие (нормативные) либо индивидуально-конкретные и персонально-адресованные властные праворазъяснительные предписания*. Для большинства интерпретационных актов характерна определенная письменная, документальная форма выражения. У некоторых актов казуального и нормативного толкования она достаточно проста. Так, постановление № 12 Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 1993 г. “О подсудности некоторых дел, об установлении фактов применения репрессий” кроме наименования, даты принятия, соответствующих подписей и номера акта толкования содержит всего два абзаца: первый - вводную часть; в шести строках второго абзаца формулируется суть официального нормативного разъяснения [58. С. 311].

Нередко официальное казуальное разъяснение закрепляется в мотивировочной части правоприменительного акта, которым разрешается то или иное юридическое дело. В данном случае речь идет о смешанных правовых актах. Примерами подобных актов могут служить, в частности, постановления и определения кассационных и надзорных судебных инстанций по уголовным и гражданским делам, решения (приговоры)

судов общей юрисдикции и т.п. (см., например [82. 1998. № 4. С. 4 и след.; 1998. № 9. С. 1-5]). Результаты официального казуального толкования оформляются также в виде самостоятельных актов.

Весьма сложной представляется структура почти всех интерпретационных актов Конституционного Суда РФ при толковании Конституции России, а также постановлений Пленумов Верховного Суда РФ и Высшего Арбитражного Суда РФ, большинства других актов официального нормативного толкования. Например, в соответствии со ст. 75 закона “О Конституционном Суде РФ” в решении Конституционного Суда РФ, излагаемом в виде отдельного документа, в зависимости от характера рассматриваемого вопроса должны содержаться следующие сведения:

- 1) наименование акта, дата и место его принятия;
- 2) персональный состав Конституционного Суда РФ, принявший решение;
- 3) необходимые данные о сторонах;
- 4) формулировка рассматриваемого вопроса, поводы и основания к его рассмотрению;
- 5) нормы Конституции РФ и настоящего федерального конституционного закона, согласно которым Конституционный Суд РФ вправе рассматривать данный вопрос;
- 6) требования, содержащиеся в обращении;
- 7) фактические и иные обстоятельства, установленные Конституционным Судом РФ;
- 8) нормы Конституции РФ и настоящего федерального конституционного закона, которым руководствовался Конституционный Суд РФ при принятии решения;
- 9) доводы в пользу принятого Конституционным Судом решения, при необходимости также доводы, опровергающие утверждения сторон;
- 10) формулировка решения;
- 11) указание на окончательность и обязательность акта;
- 12) порядок вступления акта в силу, а также порядок, сроки и особенности его исполнения и опубликования. Итоговое решение Конституционного Суда РФ подписывается всеми судьями, участвующими в голосовании.

Данный закон устанавливает и другие требования, предъявляемые к решениям и актам Конституционного Суда РФ. Они, в частности, должны основываться только на материалах, исследованных Конституционным Судом РФ. Последний принимает решение по делу, оценивая как буквальный смысл рассматриваемого акта, так и смысл, придавае-

мый ему официальным и иным толкованием или сложившейся правоприменительной практикой, а также исходя из его места в системе правовых актов. Конституционный Суд РФ принимает постановления и дает заключения только по предмету, указанному в обращении, и лишь в отношении той части акта или компетенции органа, конституционность которых подвергается сомнению в обращении. При принятии решения он не связан основаниями и доводами, изложенными в обращении. В актах Конституционного Суда РФ должны быть обязательно указаны мотивы их принятия (ст. 74 закона; см. также ст. 72, 77-84).

Достаточно сложную структуру имеют постановления Пленума Верховного Суда РФ и постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ, либо совместные постановления указанных органов. Так, постановление № 6/8 Пленума Верховного Суда РФ и Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 1 июля 1996 г. “О некоторых вопросах, связанных с применением части 1 Гражданского кодекса Российской Федерации” содержит вводную часть, пять самостоятельных разделов (“Основные положения”, “Положения о физических и юридических лицах”, “Положения о праве собственности и иных вещных правах”, “Положения об обязательствах”, “Положения о договорах”), 60 пунктов и множество подпунктов или частей (подробнее см. [58. С. 342-357]).

Отмеченные выше структурные элементы и атрибуты придают интерпретационному акту особую официально-документальную форму, от которой во многом зависит его качество, четкость и ясность изложения, служащие необходимым условием единообразного и правильного понимания и применения (реализации) интерпретируемых юридических предписаний. “Плохо дело, когда закон неясен и неопределен” (*res est misera ubi jus est vagum et incertum*), еще хуже, когда акт толкования обладает указанными недостатками (интерпретационная практика, к сожалению, содержит немало таких примеров).*

Стохастическая структура интерпретационной практики позволяет выявить объективно необходимые и случайные его компоненты и свойства. Многие постановления Пленумов Верховного Суда РФ и Высшего Арбитражного Суда РФ, иные акты толкования судебных органов, например, перегружены ненужным материалом, а именно конкретными фактами (характерно для актов казуального толкования), простым повторением содержания нормативно-правовых актов и т.п.

* Вопрос об ошибках, противоречиях, коллизиях и иных недостатках является весьма актуальным для разнообразных типов, видов подвидов интерпретационной практики и требует, на наш взгляд, относительно самостоятельного и глубокого исследования. В данной работе мы его не рассматриваем.

Временная структура интерпретационных актов дает возможность проследить определенную последовательность их издания во времени, соотношение между основными и вспомогательными, первичными и вторичными актами толкования.

Анализ *пространственной* структуры позволяет раскрыть разнообразные типы, виды и подвиды интерпретационных актов, одновременно действующих в правовой системе общества.

9.6.3. Типы (виды, подвиды) интерпретационных актов

В юридической литературе классификация актов официального толкования проводится по различным основаниям и критериям (см., например, [13. С. 60-67; 20. С. 51-63; 27. С. 313-316]).

1. По уровню (степени) общности содержащихся в интерпретационных актах разъяснений их разграничивают на *общие (нормативные)* и *индивидуальные (казуальные)* акты. Первые содержат неперсонифицированные по отношению к адресатам разъяснения, рассчитаны на типичные социально-правовые ситуации и действуют во всех случаях реализации интерпретируемых правовых предписаний. Примером подобного рода актов является приведенное выше постановление №12 Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 1993 г. (см. [58. С. 311]).

Акты официального *нормативного толкования* не связаны непосредственно с разрешением конкретных жизненных случаев и издаются нередко (особенно вышестоящими судебными органами) по итогам изучения и обобщения материалов при возникновении споров и противоречивых вопросов в практике реализации права. Они обладают достаточно высокой степенью обобщенности, оказывают руководящее и направляющее воздействие на ту или иную разновидность юридической практики, обеспечивая правильное и единообразное понимание, объяснение и применение (соблюдение, исполнение и т.п.) нормативно-правовых предписаний. Как правило, изложенные выше предпосылки-условия издания интерпретационных актов отражаются в их вводной части. Например, в постановлении № 9 Пленума Верховного Суда РФ от 20 декабря 1994 г. “О некоторых вопросах применения судами уголовно-процессуальных норм, регламентирующих производство в суде присяжных” говорится: “Обсудив практику рассмотрения дел судами с участием присяжных заседателей, Пленум Верховного Суда Российской Федерации отмечает, что суды в основном правильно применяют уго-

ловно-процессуальные нормы, регламентирующие производство в суде присяжных. Вместе с тем они допускают ошибки в толковании отдельных положений закона, по-разному решают вопросы, возникающие в практике применения положений одних и тех же статей десятого раздела Уголовно-процессуального кодекса РСФСР.

С целью обеспечения единообразного и правильного применения уголовно-процессуальных норм, регламентирующих производство в суде присяжных, Пленум Верховного Суда Российской Федерации *поставляет* дать судам следующие разъяснения ...” [57. С. 514-515].

Акты *казуального толкования* принимаются в связи с конкретным делом (казусом) для правильного его разрешения. Мы уже отмечали и еще раз подчеркнем, что закрепленные в них разъяснения имеют, как правило, не разовый, а более общий характер, используются при разрешении типичных дел, обеспечивая тем самым правильное и единообразное понимание и осуществление юридических предписаний в юридической практике. В некоторых же случаях орган, дающий разъяснение в связи с конкретным случаем, издает общие (нормативные) по своей природе интерпретационные акты. В качестве примера можно привести определение Конституционного Суда РФ от 1 июля 1998 г. по жалобе гражданина Терзияна П.М. на нарушение его конституционных прав положениями статей 159 и 199 Кодекса РСФСР об административных правонарушениях, в котором говорится: “Вывод Конституционного Суда Российской Федерации, признавшего, что конфискация имущества в виде санкции за правонарушение может применяться только судом, распространяется на все без исключения иные органы, в том числе административные комиссии, независимо от того, каким нормативным актом (или отдельными его положениями) такое право им предоставлено. Следовательно, признание Конституционным Судом Российской Федерации части 2 статьи 85 и статьи 222 Кодекса РСФСР об административных правонарушениях не соответствующими Конституции Российской Федерации является основанием отмены в установленном порядке положений частей 159 и 199 данного Кодекса. А сами эти положения не могут применяться судами и другими органами и должностными лицами” [42. 1998. 1 авг.].

2. В зависимости от субъектов, осуществляющих нормативную (общую) и казуальную (индивидуальную) интерпретацию, различают *акты аутентического и делегированного (легального) толкования*. Актом аутентического нормативного толкования будет, например, Определение Конституционного Суда РФ от 26 ноября 1998 г. о разъяснении постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 24 февраля 1998 г. по делу о проверке конституционности отдельных по-

ложений статей 1 и 5 Федерального закона от 5 февраля 1995 г. “О тарифах, страховых взносах в Пенсионный фонд Российской Федерации, Фонд социального страхования Российской Федерации, Государственный фонд занятости населения Российской Федерации и в Фонд обязательного медицинского страхования на 1997 г.” [42. 1998. 3 дек.]. Примером акта аутентического казуального толкования может быть любое определение арбитражного суда, которым дается разъяснение принятого уже решения (см. ст. 139 АПК РФ).

Актами делегированного (легального) толкования являются, например, все постановления Пленумов Верховного Суда РФ и Высшего Арбитражного Суда, изданные в целях обеспечения правильного и единообразного понимания и применения (реализации) судами и арбитражными судами действующего российского и иностранного законодательства (см. [56, 57, 58, 59, 62]).

В зависимости от субъектов интерпретационной практики выделяются, также акты: а) *государственных* (органов юстиции и т.п.) и *негосударственных органов* (общественных объединений, органов самоуправления и т.п.); б) *представительных и исполнительных органов государственной власти*; в) *судов*; г) *контрольно-надзорных органов* (прокуратуры и т.п.); д) акты толкования *федеральных органов и иных субъектов* интерпретационной практики.

По данному основанию возможно и более дробное деление соответствующих актов. Так, акты судебных органов можно разграничить на акты толкования *конституционных и уставных судов, общих и арбитражных судов* и т.д.

3. По объектам юридического толкования также возможна разнообразная классификация интерпретационных актов. Выделяются акты толкования, раскрывающие содержание и форму: а) *нормативно-правовых актов*; б) *правоприменительных* и *иных индивидуальных актов*; в) *интерпретационных актов*; и т.д.

В зависимости от типа (вида, подвида) того или иного правового акта можно говорить об актах толкования *законов* (федеральных, субъектов РФ и т.п.) и *подзаконных* актов (постановлений Правительства РФ, локальных нормативных актов и т.п.), *решений* по гражданским и уголовным делам и т.д.

“Для юридической практики важное значение, - пишет, например, Н.Н. Вопленко, - имеет классификация актов официального толкования права по *структурным элементам разъясняемых норм*. В этой связи можно выделить: а) акты толкования гипотезы нормы права; б) акты толкования диспозиции нормы права; в) акты толкования санкций нормы права; г) комплексный акт толкования, в которых разъясняется

смысл нескольких структурных элементов правовой нормы” [13. С. 64].

*

4. Весьма близкой к вышеуказанной, но имеющей, на наш взгляд, самостоятельное значение является классификация актов толкования по предмету правового регулирования (“отраслевому” признаку). Здесь можно говорить об актах толкования *материального и процессуального, конституционного (государственного) и гражданского, трудового* и иных отраслей права. Например, постановление Пленума Верховного Суда РФ № 1 от 17 января 1997 г. “О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм” - это акт толкования уголовного права (см. [57. С. 554-556]), а постановление Пленумов Верховного Суда РФ и Высшего Арбитражного Суда РФ №6/8 от 1 июля 1996 г. “О некоторых вопросах, связанных с применением части 1 Гражданского кодекса Российской Федерации” - акт толкования гражданского права (см. [58. С. 342 и след.]).

5. Все интерпретационные акты можно разграничить в зависимости от их юридической силы. Данная классификация в определенной степени совпадает с иерархией и соподчиненностью соответствующих органов и учреждений, осуществляющих толкование. Например, в системе судебных интерпретационных актов наибольшей юридической силой обладают, естественно, постановления Пленума Верховного Суда РФ (для судов общей юрисдикции) и постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ для арбитражных судов.

При этом следует, однако, иметь в виду, что в связи с разделением властей акты толкования Конституции РФ Конституционным Судом РФ занимают особое место в системе интерпретационных актов в России (подробнее см., например, [20. С. 51 и след.]). Природа этих актов обусловлена, во-первых, объектом толкования; во-вторых, местом и ролью Конституционного Суда РФ как специфического государственного органа, осуществляющего конституционный контроль; в-третьих, особой процедурно-процессуальной формой конституционного толкования; и т.д.

6. По функциям интерпретационные акты разграничиваются на *правопрекращающие, правоконкретизирующие* и др. Например, постановление Конституционного Суда РФ по делу о проверке конституционности части 2 ст. 335 УПК РСФСР в связи с жалобой гражданина М.А. Баронина от 10 декабря 1998 г. относится к правопрекращающим

* Естественно, что толкуются не только нормы права, но и другие нормативно-правовые предписания: юридические дефиниции, формулы, рисунки, таблицы и т.д. Указанные элементы содержания права также являются критериями классификации интерпретационных актов.

интерпретационным актам, поскольку Конституционный Суд РФ признал положение части 2 ст. 335 УПК РСФСР, согласно которому вопрос об участии осужденного в заседании суда, рассматривающего дело в кассационном порядке, разрешается этим судом, не соответствующим Конституции РФ, ее ст. 19 (ч.1), 46 (ч. 1), 47 (ч.1), 50 (ч. 3) и 123 (ч.3), в той мере, в какой оно позволяет суду кассационной инстанции в случае, если он отклоняет ходатайство осужденного, содержащегося под стражей, о рассмотрении дела с его участием, принимать окончательное решение по делу, не предоставив такому осужденному возможности ознакомиться с материалами судебного заседания и изложить свою позицию по рассмотренным судом вопросам [42. 1998. 24 дек.].

7. В зависимости от порядка издания различают интерпретационные акты, *принятые коллегиально* (например коллегией министерства, судом) и на основе единоначалия (например разъяснение прокурора).

8. По основным сферам общественной жизни, на которые направлено воздействие интерпретационных актов, можно выделить *акты в сфере экономики, правосудия, образования* и т.п.

9. В зависимости от территорий, на которые распространяются их действия, выделяются интерпретационные акты *федерального, республиканского, областного, местного, локального* и т.п. значения.

10. По срокам действия они бывают *постоянными* и *временными*.

11. По кругу субъектов (адресатам) интерпретационные акты могут быть адресованы *гражданам, их коллективам и организациям, судьям арбитражных судов, прокурорам, сотрудникам правоохранительных органов* и т.п.

12. По наименованию интерпретационные акты бывают самые разнообразные: *постановления, определения, указы, приказы, информационные письма, обзоры* юридической практики за определенный период и по определенной категории дел, разъяснения и т.д. Весьма распространенными, особенно в интерпретационной практике вышестоящих судов общей юрисдикции стали такие акты, как “Ответы на вопросы”, “Ответы на вопросы по применению гражданского и гражданско-процессуального законодательства”, “Примерные образцы резолютивной части судебных решений по уголовным делам, рассмотренным в кассационном и надзорном порядке” и т.п. (см. [82. 1998. №4. С. 24, №9. С. 12 и след., №5. С. 21 и след.]). И если первые (“Ответы...”) утверждаются обычно постановлениями Президиума Верховного Суда РФ, то “Образцы...” просто “исходят” от тех или иных судебных коллегий Верховного Суда РФ.

Возможно, что подобная интерпретационная практика и соответствующие акты действительно помогают нижестоящим судам в обеспече-

нии единообразного и правильного понимания и применения правовых предписаний, однако не мешало бы ее и “узаконить”. Не должны даже самые высокие судебные инстанции произвольно устанавливать способы выражения и закрепления своих праворазъяснительных предписаний. Наоборот, эти инстанции должны служить образцом строгого и неукоснительного соблюдения требований законности, в том числе и в таких, казалось бы, “мелочах”.

13. В зависимости от сложности логической, семантической, стохастической и пр. структур следует выделять *относительно простые* и *весьма сложные* интерпретационные акты (примеры см. в п. 9.6.2. данной темы).

14. В зависимости от результатов интерпретационной практики выделяются акты *буквального (адекватного)*, *расширительного* и *ограничительного* толкования. “Значение данной классификации юридической практики трудно переоценить, - пишет, например, Н.Н. Вопленко. - Дело в том, что возможность ограничительного и расширительного толкования смысла нормы права несет в себе момент преобразовательного воздействия акта толкования на процесс реализации правовых норм. Поэтому лицо, реализующее правовые нормы, - продолжает автор, - должно четко представлять себе объем требований и дозволений, которые содержатся в нормативных актах” [13. С. 67].

В особую группу следует выделить смешанные правовые акты, которые: а) принимаются разными субъектами интерпретационной практики; б) содержат разные по своей природе (общие и индивидуальные, правопрекращающие и иные разъяснения); в) включают не только интерпретационные положения, но и нормативно-правовые, правоприменительные и иные юридические предписания. Например, в постановлении Министерства труда и социального развития от 24 ноября 1998 г. №45 <<Об утверждении разъяснения “О норме рабочего времени и порядке определения часовой тарифной ставки в 1999 году”>> имеются как нормативно-правовые, так и интерпретационные предписания (см. [42. 1999. 12 янв.]).

Необходимо также иметь в виду, что не любой правовой акт, который называется “Разъяснения ...” либо содержит в тексте термины “истолковать”, “интерпретировать”, “разъяснить” и т.п. относится к интерпретационному акту. Это может быть и правоприменительный, и нормативно-правовой акт. Например, “Разъяснения “О некоторых вопросах, связанных с применением Закона Российской Федерации “О защите прав потребителей” (в редакции федерального закона от 9 января 1996 г. № 2 - ФЗ “ О внесении изменений и дополнений в закон Российской Федерации “О защите прав потребителей” и кодекс РСФСР об админи-

стративных правонарушениях”)), утвержденные приказом председателя Государственного антимонопольного комитета РФ от 20 мая 1998 г. № 160 являются не актом толкования, а нормативным актом одного из федеральных органов исполнительной власти России [42. 1999. 14 января]. Отличие интерпретационных актов от нормативно-правовых актов особенно важно для ведомственного толкования, поскольку последние в большинстве своем должны быть зарегистрированы в Министерстве юстиции РФ; интерпретационные же акты в такой регистрации не нуждаются. Поэтому нередко под соответствующими ведомственными разъяснениями “скрываются” нормативно-правовые акты, вносящие изменения в сферу правового регулирования общественных отношений.

Можно, видимо, выделить и иные типы интерпретационных актов. Причем каждый из них подразделить на определенные виды и подвиды. Каждый из них будет специфичен по своей природе, элементам структуры, содержания и формы, занимать свое особое место в интерпретационной практике и в системе правовых актов. Поэтому классификация актов толкования имеет не только научное, но и важное практическое значение, позволяя установить их юридическую силу, сферу действия, адресатов и т.п.

9.6.4. Сферы и пределы действия интерпретационных актов

Данный вопрос практически не исследован ни в отечественной, ни в зарубежной юридической науке. Отдельные аспекты затрагивались в связи с действием толкования во времени и обратной силой интерпретационных актов (см., например, [11. С. 160-163; 25. С. 233-239]). Большинство же авторов делает вывод о том, что судьба интерпретационных актов зависит от судьбы толкуемых нормативно-правовых актов либо норм права, которые они содержат.

Мы не собираемся подробно рассматривать все вопросы, поставленные в данном параграфе. На наш взгляд, для этого требуется комплексное общетеоретическое исследование, специально посвященное пределам действия интерпретационных актов во времени и пространстве, по предмету и кругу адресатов. Затронем лишь некоторые стороны данной проблемы, позволяющие показать ее актуальность, научную и практическую значимость в правовой системе любого общества.

Для того чтобы акт официального толкования начал действовать, он должен быть обнародован (оглашен, опубликован и т.п.). Порядок, место, сроки и другие вопросы обнародования интерпретационных

актов (напомним, что это важная стадия праворазъяснительного процесса, элемент процессуальной формы практики) устанавливается, во-первых, соответствующим законодательством; во-вторых, складывается в виде определенных практических правоположений, обычаев, прецедентов и т.п. в той или иной разновидности юридической практики (судебной, ведомственной и т.п.).

Официальное оглашение интерпретационных актов возможно в различных формах: специально предусмотренных “Вестниках...”, “Бюллетенях...”, сборниках, газетах и иных печатных изданиях, по телевидению, радио, путем рассылки заинтересованным гражданам, учреждениям и организациям.

Федеральный конституционный закон “О Конституционном Суде РФ” предусматривает в этом плане два процессуальных момента: провозглашение решения (акта) и его опубликование. Так, в соответствии со ст. 77 (“Провозглашение решения”) решение Конституционного Суда РФ *провозглашается* в полном объеме в открытом заседании суда *немедленно* после его подписания. Постановление и заключение Конституционного Суда РФ не позднее чем в двухнедельный срок со дня их подписания направляется: судьям Конституционного Суда РФ, сторонам, Президенту РФ; Совету Федерации, Государственной Думе; Правительству РФ; Уполномоченному по правам человека; Верховному Суду РФ; Высшему Арбитражному Суду РФ; Генеральному прокурору РФ; министру юстиции РФ. Решения Конституционного Суда РФ могут быть также направлены другим государственным органам и организациям, общественным объединениям, должностным лицам и гражданам.

В ст. 78 (называется “Опубликование решения”) указанного закона отмечается, что постановления и заключения Конституционного Суда РФ подлежат *немедлительному опубликованию* в официальных изданиях органов государственной власти РФ, субъектов России, которых касается принятое решение. Такими изданиями на федеральном уровне являются прежде всего “Собрание законодательства РФ” и “Российская газета”. В соответствии со ст. 7 и 8 федерального закона “О порядке опубликования и вступления в силу федеральных конституционных законов, федеральных законов, актов палат Федерального Собрания” от 14 июня 1994 г. решения Конституционного Суда РФ о толковании Конституции РФ и о соответствии Конституции РФ законов, нормативных актов Президента РФ, Совета Федерации, Государственной Думы, Правительства РФ или отдельных положений перечисленных актов публикуются в 5 разделе “Собрания законодательства Российской Федерации” или в “Российской газете”. Постановления и заключения Конституционного Суда РФ публикуются также в “Вестнике Конституци-

онного Суда Российской Федерации”, а при необходимости и в иных изданиях.

Определения о разъяснении решений Конституционного Суда РФ подлежат опубликованию в тех же изданиях, где были опубликованы сами решения (см. ст. 83 закона “О Конституционном Суде РФ”). В ст. 83 указанного закона, к сожалению, не указаны сроки опубликования данного типа определений. Видимо, они тоже публикуются “незамедлительно”.

Заметим, однако, что “незамедлительное” опубликование интерпретационных актов Конституционного Суда РФ растягивается порой на несколько недель. Например, постановление Конституционного Суда РФ по делу о проверке конституционности отдельных положений ст. 1 федерального закона от 24 ноября 1995 г. <<“О внесении изменений и дополнений в закон Российской Федерации “О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АС”>> было принято 1 декабря 1997 г., опубликовано в “Российской газете” только 18 декабря 1997 г.

Постановления Пленума Верховного Суда РФ, совместные постановления Пленума Верховного Суда РФ и Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ, постановления Президиума Верховного Суда РФ, определения судебных коллегий Верховного Суда РФ, “обзоры...”, “примерные образцы...”, а также принципиально важные для единообразного понимания и применения (реализации) действующего законодательства интерпретационные акты Верховных судов республик, краевых и областных судов публикуются в “Бюллетенях Верховного Суда РФ”.

Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ, совместные постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ и Пленума Верховного Суда РФ, многие интерпретационные акты Пленума Верховного Суда РФ по гражданским делам, судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ, постановления Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ, “информационные письма”, “обзоры...” и другие интерпретационные акты арбитражных судов публикуются в “Вестниках Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации”.

Акты нормативного толкования Президента РФ и Правительства РФ публикуются прежде всего в “Российской газете” и “Собрании законодательства РФ”, а также в иных печатных изданиях (“Бюллетенях Верховного Суда РФ”, “Вестниках Высшего Арбитражного Суда РФ” и т.п.); они могут быть доведены до всеобщего сведения по телевидению и радио, разосланы государственным организациям, органам местного

самоуправления, иным учреждениям и должностным лицам, распространены в машино-читаемом виде Научно-техническим центром правовой информации “Система”.

Наиболее важные акты официального нормативного толкования министерств, государственных комитетов и т.п. публикуются в “Бюллетенях нормативных актов федеральных органов исполнительной власти”, в издаваемых отдельными ведомствами бюллетенях и вестниках (например “Бюллетень Министерства общего и среднего профессионального образования РФ”), иногда в центральных газетах; они также обнародуются путем рассылки официальных текстов в соответствующие учреждения и организации.

Порядок опубликования интерпретационных актов компетентными органами и должностными лицами субъектов Российской Федерации регулируется каждым из субъектов отдельно. К сожалению, ни в Уставе Ярославской области, ни в Законе Государственной думы Ярославской области от 12 сентября 1995 г. “О порядке официального опубликования и вступления в силу законов и иных нормативно-правовых актов органов государственной власти Ярославской области” об актах толкования вообще ничего не говорится. Естественно, что не регламентирована и процедура их обнародования.

Оглашение актов толкования органов самоуправления, общественных объединений и иных негосударственных субъектов интерпретационной практики публикуется в соответствующих центральных и местных печатных изданиях, рассылается заинтересованным лицам и организациям, оглашается в иных официальных формах.

А. Действие интерпретационных актов по адресатам (кругу лиц)

Здесь, так же как и в последующих случаях, т.е. при характеристике действия интерпретационных актов во времени и пространстве, по предмету и т.п. следует исходить из презумпции совместного действия акта толкования и интерпретируемого им правового предписания (акта).

При рассмотрении данного аспекта проблемы нужно учитывать многие факторы. Во-первых, действие актов толкования по адресатам зависит от уровня (степени) общности содержащихся в них разъяснений, т.е. какие перед нами интерпретационные акты: общие (нормативные) или индивидуальные (казуальные). Первые содержат не персонифицированные по адресатам предписания и обращены к относительно определенному кругу лиц, вторые - персонально-определенные, индивидуально-конкретные разъяснения, рассчитаны прежде всего на субъектов и участников конкретного юридического дела.

И те и другие интерпретационные акты могут адресоваться российским лицам (гражданам, их коллективам и организациям) и иностранным лицам (иностранным гражданам и подданным, международным организациям, другим государствам и т.п.).

Во-вторых, при анализе действия интерпретационных актов по адресатам следует устанавливать, каков был объект толкования: нормативно-правовой или правоприменительный акт, интерпретационный акт или индивидуальный договор и т.п. Правоприменительные и иные индивидуальные правовые акты чаще всего толкуются в связи с разрешением конкретного юридического дела и адресованы прежде всего субъектам и участникам дела.

В-третьих, важно также иметь в виду то, какую сферу общественной жизни (экономику, образование, науку и т.п.) и разновидность юридической практики (правотворчество или правоприменение, судебную или следственную, нотариальную или иную деятельность) обслуживает юридическое толкование. Так, постановление № 1 Пленума Верховного Суда РФ от 29 апреля 1996 г. “О Судебном приговоре” адресовано в первую очередь судьям и судам общей юрисдикции, а постановление Конституционного Суда РФ по делу о проверке конституционности ст. 180, 181, п.3 ч.1 ст. 187 и ст. 192 Арбитражного процессуального кодекса РФ от 3 февраля 1998 г. - судьям арбитражного суда Российской Федерации [42. 1998. 11 февр.].

В большинстве случаев интерпретационные акты распространяют свое действие на более широкий круг граждан, должностных лиц и организаций, чем это указано в самих актах толкования. Например, формально постановление № 1 Пленума Верховного Суда РФ “О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм” от 17 января 1997 г. адресовано судам общей юрисдикции (в п. 1 прямо указано: “Обратить внимание судов на особую опасность бандитизма...”). Однако фактически без указанного постановления немыслима деятельность сотрудников органов внутренних дел, следователей различных ведомств, прокуроров и т.п. при рассмотрении дел данной категории.

Некоторые интерпретационные акты, адресованные субъектам и участникам реализации права, могут иметь непосредственное значение и для правотворческих органов. Это положение характерно для подавляющего большинства постановлений Конституционного Суда РФ о толковании Конституции РФ. Например, Конституционный Суд РФ по делу о проверке конституционности положений частей 1 и 2 ст. 295 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина М.А. Ключева от 15 января 1999 г. постановил: “1. Признать поло-

жение частей 1 и 2 статьи 295 УПК РСФСР, на основании которых потерпевший по уголовному делу не допускается к участию в судебных прениях, кроме как по делам о преступлениях, предусмотренных ст. 115, 116, ч.1 ст. 129 и ст. 130 Уголовного кодекса Российской Федерации, не соответствующими Конституции Российской Федерации, ее ст. 52, 46 (ч.1.) и 123 (ч.3)” [42. 1999. 28 янв.]. Указанное решение, формально не адресованное Государственной Думе РФ, фактически обязывает законодателя внести соответствующие изменения в УПК РСФСР. До внесения необходимых изменений суды должны применять ст. 295 УПК РСФСР без каких-либо ограничений допуска потерпевшего к участию в судебных прениях, исходя из непосредственного действия Конституции РФ и с учетом вынесенного Конституционным Судом решения.

Иногда интерпретатор в самом акте обращает внимание соответствующих правотворческих органов на необходимость ликвидации коллизий, противоречий, пробелов и прочих недостатков в законодательстве. Например, в своем постановлении по делу о проверке конституционности отдельных положений ст. 2, 12, 17, 24 и 34 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате от 19 мая 1998 г. Конституционный Суд РФ прямо указал на то, что “Федеральному Собранию при совершенствовании законодательства Российской Федерации о нотариате надлежит урегулировать механизм взаимодействия между нотариальными палатами и органами юстиции” [42. 1998. 28 мая].

В-четвертых, нередко действие интерпретационных актов по адресатам связано с их действием в пространстве. Например, постановления Пленума Верховного Суда РФ распространяют свою юридическую силу, как правило, на всех судей всех судов общей юрисдикции, поскольку они (постановления) реализуются на всей территории России.

Б. Территориальное действие интерпретационных актов (действие в пространстве)

По сфере действия в пространстве акты официального толкования в отечественной юридической литературе делятся на акты, “действующие на территории всего государства, и разъяснения, имеющие локальную сферу применения” [13. С. 66]. Причем Н.Н. Вопленко считает, что “сфера действия актов толкования зависит от компетенции органов, которые уполномочены на дачу разъяснений смысла правовых норм” [13. С. 66].

Данное положение требует определенных уточнений. На наш взгляд, пределы действия актов нормативного толкования в пространстве обусловлены, во-первых, территориальным действием нормативно-

правовых актов; во-вторых, местом и ролью субъектов интерпретационной практики в иерархии определенных органов (например, разъяснения Верховного суда Республики Татарстан имеют обязательное значение только для судов общей юрисдикции данной республики); в-третьих, интерпретационной компетенцией соответствующих субъектов толкования. Например, на территории Нижегородской области расположены арбитражный суд субъекта России - Нижегородской области, а также федеральный арбитражный суд округа. Если интерпретационные акты Нижегородского областного суда распространяют свою юридическую силу на территорию только данной области, то интерпретационные акты окружного суда действуют на территории нескольких областей.

Сферы территориального действия интерпретационных актов вытекают чаще всего из существа дела или принятого праворазъяснительного решения. Так, постановления Конституционного Суда РФ по делу о проверке конституционности части 4 ст. 113 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с запросом Костомукшского городского суда республики Карелия от 29 апреля 1998 г. имеет общее федеральное значение [42. 1998. 7 мая], а постановление Конституционного Суда РФ по делу о проверке конституционности положений статей 74 (часть 1) и 90 Конституции Республики Хакасия от 24 июня 1997 г. действует преимущественно на территории Республики Хакасия [42. 1997. 2 июля].

На наш взгляд, в большинстве случаев было бы целесообразно в самом интерпретационном акте указывать территориальную сферу его действия, что внесло бы большую ясность и четкость в правовое регулирование общественных отношений, повысило бы эффективность и качество соответствующих актов толкования и интерпретационной практики в целом.

С территориальной сферой действия связан также вопрос о так называемом "переживании" интерпретационных актов (подробнее об этом правовом явлении написано на стр. 112 - 114 данной темы). В настоящее время на территории России и стран СНГ продолжают действовать многие интерпретационные акты Верховного Суда СССР, Государственного арбитража СССР, других органов Союза ССР, несмотря на отсутствие самого Союза и соответствующих союзных органов. Верховный Суд РФ и Высший Арбитражный Суд РФ были вынуждены принять по этому поводу соответствующие постановления. Например, в постановлении № 8 Пленум Верховного Суда РФ от 22 апреля 1992 г. (в ред. постановления № 11 Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 1993 г.) указал, что разъяснения Пленума Верховного Суда Союза ССР

могут применяться судами при рассмотрении уголовных и гражданских дел на всей территории России, если они не противоречат Конституции РФ, законодательству РФ и Соглашению о создании Содружества Независимых Государств [57. С. 491-492].

Следует также учитывать положение п. 2 ст. 34 федерального конституционного закона “Об арбитражных судах в Российской Федерации”, согласно которому на территориях нескольких субъектов Российской Федерации судебную власть может осуществлять один арбитражный суд; судебную власть на территории одного субъекта России могут осуществлять несколько арбитражных судов.

В. Действие интерпретационных актов во времени

Действие любых правовых актов во времени определяется двумя моментами: вступлением их в юридическую силу, а также утратой юридической силы. Это положение верно и для интерпретационных актов.

Момент вступления интерпретационного акта в действие связан с тем, какой из правовых актов является объектом его толкования. Если объектом интерпретационной практики служит нормативно-правовой акт, то по общему правилу акт толкования начинает действовать с начала действия нормативно-правовых предписаний, содержащихся в интерпретируемом акте, а именно 1) с момента, указанного в самом нормативном акте либо в сопутствующем документе (акте), которым вводится в действие нормативно-правовой акт (принятие, утверждение, подписание, опубликование, регистрация, получение адресатом и т.п.); 2) федеральные конституционные законы, федеральные законы, акты палат Федерального Собрания России и нормативно-правовые акты федеральных органов исполнительной власти вступают в юридическую силу через 10 дней, а акты Президента РФ и Правительства РФ - через 7 дней после дня их официального опубликования (подробнее см. [68. С. 48 и след.]).

Правоприменительные акты, служащие объектом толкования, вступают в юридическую (законную) силу, как известно, с момента их принятия, подписания, утверждения, получения адресатом, наступления определенных обстоятельств, по истечении определенного срока, с конкретной даты, установленной самим субъектом правоприменительной практики, с момента, указанного в реализуемом нормативно-правовом акте и т.п. (подробнее см. [84. С. 97 и след.; 85. С. 3-12]).

Большинство судебных актов вступает в действие с момента их принятия. Так, решения Верховного Суда РФ вступают в законную силу немедленно после их “провозглашения” (ч. 2 ст. 208 ГПК РСФСР; см. также п. 1 ч. 2 ст. 135 АПК РФ); определения суда кассационной ин-

станции вступают в законную силу с момента их “вынесения” (ст. 312 ГПК РСФСР; см. также п. 3 ст. 159 АПК РФ и п. 4 ст. 177 АПК РФ; ч. 2 ст. 318 ГПК РСФСР; ч. 2 ст. 357 УПК РСФСР и др.).

В российском законодательстве крайне редко и не всегда удачно решается вопрос о порядке вступления в юридическую силу актов толкования. Так, решение (акта) Конституционного Суда РФ в соответствии со ст. 179 закона “О Конституционном Суде РФ” вступает в силу немедленно после его провозглашения. Однако если сопоставить эту статью со статьями 77 и 78 данного закона, а также конкретной практикой обнародования актов Конституционного Суда РФ, то возникает немало проблем и вопросов прикладного характера. Один из них заключается в том, что с момента провозглашения решения (акта) и доведения его содержания до адресата (обнародования) проходит, как мы уже отмечали, определенное, иногда значительное время. Поэтому “немедленного” вступления в юридическую силу интерпретационных актов Конституционного Суда РФ обычно не получается.

В федеральном законе “О порядке опубликования и вступления в силу федеральных конституционных законов, федеральных законов, актов палат Федерального Собрания” от 14 июня 1994 г. и указе Президента РФ “О порядке опубликования и вступления в силу актов Президента Российской Федерации, Правительства Российской Федерации и нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти” от 23 мая 1996 г. вообще ничего не говорится об интерпретационных актах и сфере их действия во времени, а также пространстве по предмету и адресатам. Законодатели, видимо, полагали, что акты толкования имеют обратную силу и начинают действовать с момента вступления в юридическую силу соответствующих нормативно-правовых актов, т.е. обладают ретроактивным эффектом. Этот эффект ученые-юристы объясняют тем обстоятельством, что при толковании “не создается новая правовая норма и не изменяется (не дополняется) существующая правовая норма” [25. С. 234]. Однако необходимо помнить о том, что объектом толкования могут быть не только нормативно-правовые, но и другие юридические акты, в том числе и сами интерпретационные акты. Кроме того, вопрос об обратном действии и юридических последствиях интерпретационного акта является не таким уж и простым, как кажется многим ученым-юристам и законодателям. Поэтому остановимся на нем чуть подробнее.

“Общепризнано, пишет А.Ф. Черданцев, - что интерпретационный акт имеет обратную силу. Пределы обратной силы определены моментом вступления в силу самой интерпретируемой нормы” [11. С. 161]. Сущность обратного действия интерпретационных актов выражается в

том, что они относятся к правоотношениям, которые возникли до принятия данных актов. В интерпретационной практике “ретроактивный эффект проявляется в том, что правоотношения, возникшие под действием одной правовой нормы, должны развиваться и реализовываться в соответствии со смыслом этой нормы, которая ей придается актом толкования” [25. С. 234].

В данном случае возникает проблема юридических последствий от ретроактивного эффекта интерпретационных актов. В юридической науке уже обращалось внимание (см. работы Л. Радоилски, Б. Спасова и др.) на то, что указанный эффект приводит к негативным общественным и правовым последствиям (см., например, [25. С. 234- 236]). Дело в том, что может возникнуть ситуация, когда интерпретационный акт вкладывает в толкуемую норму права (любое юридическое предписание) иной смысл, чем тот, который придавался ей правоприменительными органами до издания акта. Возникает основание для отмены или изменения ранее вынесенных правоприменительных решений. Причем это основание достаточно четко закреплено в действующем законодательстве. Например, в соответствии с п. 4 ст. 306 ГПК РСФСР основаниями к отмене решений суда в кассационном порядке и передаче дел на новое рассмотрение в суд первой инстанции являются нарушение или неправильное применение норм материального права или норм процессуального права; нормы же материального права считаются нарушенными или неправильно примененными, “если суд неправильно истолковал закон” (п. 3 ст. 307 ГПК РСФСР; см. также п. 4 ст. 342 и п. 3 ст. 346 УПК РСФСР).

Таким образом, если исходить из принципа ретроактивного эффекта интерпретационного акта, то в соответствующих случаях необходимо отменять все принятые до издания этого акта решения и приговоры. Л. Радоилски предлагал в таких ситуациях ограничиваться только решениями и приговорами, которые не вступили в законную силу (см. [25. С. 235]). Но действующее, например, российское гражданско-процессуальное и уголовно-процессуальное законодательство никаких исключений на этот счет не содержит, т.е. все решения и приговоры по существу должны отменяться.

Буквальное толкование закона “О Конституционном Суде РФ” также приводит к выводу о том, что все “решения судов и иных органов, основанных на актах, признанных неконституционными, не подлежат исполнению и должны быть пересмотрены в установленных федеральным законом случаях” (ст. 79). Судья Конституционного Суда РФ Б.С. Эбзеев пишет: “Решение суда о толковании Конституции может также являться основанием для судебного обжалования (в судах общей

юрисдикции и арбитражных судах) соответствующих решений и действий, если при их вынесении или осуществлении органы и должностные лица руководствовались неправильной интерпретацией своих полномочий, не соответствующими толкованию Конституционным Судом нормами о разграничении предметов ведения и полномочий, неадекватным пониманием конституционных положений и т.п.” [91. С. 11 -12].

В теоретическом плане эту проблему ретроактивного эффекта актов можно решать в рамках *самоограничения* Конституционного Суда РФ и других субъектов интерпретационной практики своих полномочий, установления научно обоснованных пределов ретроактивного эффекта акта толкования. На наш взгляд, не должны иметь обратную силу интерпретационные акты, ухудшающие (отягчающие) юридическое положение участников, например, следственной, судебной и иных разновидностей юридической практики. Кроме того, было бы, видимо, целесообразно в содержании самих интерпретационных актов (особенно таких, как постановления Конституционного Суда РФ, Пленума Верховного Суда РФ, Пленума и Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ, а также актов аутентического нормативного толкования других органов) указывать на то, что определенные разъяснения (актов в целом либо отдельных его положений) имеют (не имеют) обратную юридическую силу. Реализация на практике этих и подобных предложений внесет, на наш взгляд, ясность и четкость в правовое регулирование общественных отношений, обеспечит в необходимых случаях охрану прав граждан, их коллективов и организаций, укрепление законности и правопорядка в обществе.

Сложным представляется вопрос и об утрате интерпретационными актами *юридической силы*. *Акты официального казуального толкования* утрачивают свою силу в случаях: а) реализации предписаний, закрепленных интерпретационным или соответствующим правоприменительным актом, б) отзыва интерпретационного или иного индивидуального акта органом, его издавшим, либо иным компетентным субъектом, в) отмены интерпретационного и правоприменительного акта другим актом, г) пересмотра юридического дела и вынесения нового правоприменительного акта, д) прекращения производства по юридическому делу, е) истечения срока действия правоприменительного акта, ж) изменения общественных отношений, обстоятельств и социально-правовых ситуаций, на индивидуально-правовое регулирование которых были нацелены правоприменительные и другие индивидуальные юридические акты, служащие объектом толкования (подробнее об утрате юридической силы актов применения см. [84. С. 100 и след.]).

Нормативные интерпретационные акты утрачивают юридическую силу тогда, когда:

а) издается новый, аналогичный интерпретационный акт либо по тем или иным причинам интерпретатор отменяет акт толкования, изданный им ранее. Так, в п. 17 постановления № 1 от 17 января 1997 г. Пленум Верховного Суда РФ указал: <<С принятием настоящего постановления признать утратившим силу постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 декабря 1993 г. № 9 “О судебной практике по делам о бандитизме”>> [57. С. 556];

Закон “О Конституционном Суде РФ”, к сожалению, не содержит нормативно-правовых предписаний, предусматривающих соответствующие основания для отмены или изменения им своих интерпретационных актов. Для устранения данного пробела в Государственную думу уже внесено предложение о дополнении ст. 79 закона с указанием на право Конституционного Суда РФ пересматривать свои решения при наличии вновь открывшихся или новых обстоятельств (подобное правомочие предоставлено, например, Конституционному Суду республики Молдова). Н.В. Витрук пишет, что материальными основаниями к отмене или изменению ранее вынесенного решения могут служить новые существенные обстоятельства, неизвестные ранее сторонам, но ставшие известными после вынесения решения Конституционным Судом. К процессуальным основаниям отмены или изменения ранее вынесенного акта Конституционным Судом он относит незаконный состав Суда (отсутствие кворума), неучастие судьи в обсуждении мотивировки решения и другие существенные (а порой и не существенные) процессуальные правонарушения (см. [94. С. 273 - 275]);

б) интерпретатор отменяет акт толкования, принятый другим, как правило, нижестоящим по отношению к нему, субъектом интерпретационной практики. Например, Правительство РФ может лишить юридической силы разъяснение любого федерального министерства, государственного комитета и т.д.;

в) истекает срок действия интерпретационного акта (речь в данном случае идет о временных актах толкования);

г) отменен правовой акт, который служил объектом интерпретации (подробнее об утрате юридической силы нормативных правовых актов см. [68. С. 50 и след.]);

д) правовой акт заменен другим, в котором отсутствуют юридические предписания, служащие объектом интерпретации.

Бывают, однако, исключения из указанных (“г” и “д”) правил, т.е., например, нормативно-правовой акт или нормативно-правовое предписание отменены или изменены, а акт толкования, их разъясняю-

ший, сохраняет свою юридическую силу. Данная ситуация в юриспруденции обозначается понятием “переживание” интерпретационным актом своих сроков действия (о некоторых причинах данного явления см. [11. С. 161-162]). Например, до сих пор сохраняет свое юридическое значение постановление Пленума Верховного Суда СССР № 36 от 22 февраля 1932 г. “О порядке взыскания с иностранных пароходств возмещений за увечья или смерть, причиненные гражданам СССР”, № 6 от 1 июля 1966 г. “О судебной практике по делам о наследовании” и др. [58. С. 5, 14-16]. К причинам данного явления относятся, во-первых, “переживание” нормативно-правового или иного юридического акта, служащего объектом толкования. “Закон отменен, отменен и акт, его интерпретирующий, - пишет А.Ф. Черданцев. - Но в целом ряде случаев суд или иной орган обязан вынести решение на основе закона, действовавшего в момент наступления, свершения того или иного факта, но который к моменту разбирательства дела прекратил свое действие. В этом случае суд должен решать дело на основе того понимания закона, которое было предписано руководящими разъяснениями в момент действия “переживаемого” закона. Следовательно, имеет место “переживание” и интерпретационного акта” [11. С. 161-162].

Здесь возможна другая ситуация, когда законодатель по каким-либо причинам не успевает урегулировать те или иные вопросы современной общественной жизни; тогда продолжают действовать устаревшие нормативно-правовые акты. В некоторых случаях указанные обстоятельства оговариваются во вновь изданном нормативно-правовом акте или документе (акте), вводящем в действие новый закон и т.п. (см., например, федеральный закон “О введении в действие части 1 Гражданского кодекса Российской Федерации” от 30 октября 1994 г.).

Для России и стран СНГ процесс “переживания” многих нормативно-правовых и интерпретационных актов связан с распадом Союза ССР и невозможностью своевременно урегулировать общественные отношения исключительно с помощью нового законодательства. Поэтому до настоящего времени не потеряли своей юридической силы отдельные положения Воздушного кодекса Союза ССР, указа Президиума Верховного Совета СССР от 11 января 1955 г. “Об ответственности за потраву посевов в колхозах и совхозах” и многие другие нормативно-правовые акты и интерпретационные акты, разъясняющие соответствующие их предписания.

Во-вторых, “переживание” актов толкования имеет место при отмене интерпретируемого правового акта, но сохранении в новом юридическом акте нормативно-правовых предписаний, аналогичных тем, которые были в старом акте. Например, с 1 января 1997 г. в России

новый УК заменил УК РСФСР 1960 г. Однако до сих пор действует много постановлений Пленума Верховного Суда России, разъясняющих отдельные положения старого Уголовного кодекса (см. [57]).

В-третьих, причиной подобного явления (“переживания”) может быть сохранение в новом нормативно-правовом акте определенных понятий (оценочных и др.) и терминов, характерных для отмененного нормативно-правового акта, служившего объектом интерпретации. В качестве примера можно привести постановление № 31 Пленума Верховного Суда РФ от 22 марта 1966 г. “О судебной практике по делам о грабеже и разбое” (с последующими изменениями и дополнениями), где судам разъясняются понятия “открытое хищение”, грабеж или разбой “с незаконным проникновением в жилище, помещение либо иное хранилище” и т.п. [57. С. 349 и след.].

В связи со сказанным не случайной представляется практика судов и иных компетентных субъектов вносить в свои “устаревшие” интерпретационные акты соответствующие изменения и дополнения, а также отменять ненужные разъяснения (см., например, [57. С. 423, 509 и др.; 58. С. 341, 365 и др.]).

При “переживании” нормативно-правовых и интерпретационных актов необходимо иметь в виду одно очень существенное условие их действия. И те и другие акты реализуются лишь в той части, в которой они не противоречат Конституции РФ и новому законодательству России.

Г. Предметная сфера действия интерпретационных актов

Предметную сферу интерпретационных актов образуют те общественные отношения и социально-правовые ситуации, на которые направлено действие праворазъяснительных предписаний, закрепленных в данном акте. Акты толкования действуют в области экономики, образования, осуществления правосудия и т.д. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17 января 1997 г. “О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм” регулирует, например, деятельность судов общей юрисдикции, в частности вопросы единообразного понимания и применения законодательства, предусматривающего уголовную ответственность за такое преступление против личной и общественной безопасности, как бандитизм [№ 57. С. 554 и след.]. Постановление же № 6/8 Пленумов Верховного Суда РФ и Высшего Арбитражного Суда РФ от 1 июля 1996 г. “О некоторых вопросах, связанных с применением части 1 Гражданского кодекса Российской Федерации” воздействует на имущественные и связанные с ними личные неимущественные отношения, основанные на равенстве, автоно-

мии, воле и имущественной самостоятельности их участников [58. С. 342 и след.].

Действие интерпретационных актов в этом плане во многом сходно с предметной сферой действия нормативно-правовых, правоприменительных и иных актов, которые подвергаются интерпретации. При этом нужно иметь в виду, что нормативно-правовой акт регулирует, как правило, определенный *тип* (ГК РФ, СК РФ и т.п.) или *вид* (например закон “Об оружии”) качественно однородных общественных отношений, а акт применения рассчитан прежде всего на *конкретное, строго индивидуализированное общественное отношение* (казус, социально-правовую ситуацию).

Предметная сфера действия интерпретационных актов обусловлена также природой самих этих актов. Так, акты нормативного толкования имеют более широкие пределы действия, чем акты казуального толкования. С помощью интерпретационных актов Конституционного Суда РФ возможно изменение (сужение и т.п.) пределов действия нормативно-правовых актов и сферы правового регулирования общественных отношений, хотя общепринятым является положение о том, что субъекты толкования не должны подменять правотворческие органы.

Данный аспект проблемы также связан с действием интерпретационных актов во времени, пространстве и по кругу адресатов. Например, приведенное выше постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17 января 1997 г. “О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм” распространяет свое действие не только на судебную практику (формально постановление Пленума обязательно только для судов общей юрисдикции), но и на следственную, прокурорскую и иные виды профессиональной юридической деятельности.

Весьма сложным представляется вопрос о действии во времени и пространстве, по предмету и адресатам смешанных правовых актов, которые содержат праворазъяснительные, нормативно-правовые, правоприменительные и иные положения. В данном случае требуется особое внимание и осторожность при выяснении юридической природы отдельных предписаний.

9.6.5. Реализация интерпретационных актов

До сих пор ни в отечественной, ни в зарубежной юридической науке реализации интерпретационных актов не уделяется практически никакого внимания. В нашу задачу не входит всестороннее комплексное исследование этого аспекта проблемы. Цель гораздо скромнее -

показать актуальность, теоретическую и практическую значимость изучения данного юридического процесса.

Исследование реализации интерпретационных актов является по сути дела продолжением анализа вопросов их действия во времени и пространстве, по предмету и адресатам, в частности вопросов о последствиях действия актов толкования.

Однако здесь основной акцент уже делается на претворении (осуществлении, воплощении и т.п.) вынесенных праворазъяснительных решений в жизнь в реальной правотворческой, правоприменительной, судебной и иных разновидностях юридической практики. В законе, например, “О Конституционном Суде РФ” четко различаются два момента: вступление решения (акта) в силу (ч. 1 ст. 79) и его исполнение (ч. 2 и 3 ст. 79, ст. 80 и 81).

Решения Конституционного Суда РФ, как известно, вступают в силу немедленно после их провозглашения. Части 2 и 3 ст. 79 указанного закона предусматривают определенные юридические последствия принятых решений, которые являются исходными при реализации интерпретационных и других правовых актов Конституционного Суда РФ. Так, акты или их отдельные положения, признанные неконституционными, утрачивают силу; признанные не соответствующими Конституции РФ не вступившие в силу международные договоры России не подлежат введению в действие и применению; решения судов и иных органов, основанные на актах, признанных неконституционными, не подлежат исполнению и должны быть пересмотрены в установленных федеральным законом случаях.

Теперь на конкретных примерах рассмотрим, как реально претворяются в жизнь указанные положения. 24 февраля 1998 г. Конституционным Судом РФ было принято постановление по делу о проверке ст. 1 и 5 федерального закона от 5 февраля 1997 г. “О тарифах, страховых взносах в Пенсионный фонд Российской Федерации...” [37. 1998. № 10. Ст. 1242]. Оно внесло такую путаницу в реализацию указанного выше закона, что Пенсионный фонд РФ России, суды общей юрисдикции и арбитражные суды стали по-разному разрешать вопросы о взимании в 1997 и 1998 гг. страховых взносов с индивидуальных предпринимателей, занимающихся частной практикой нотариусов, а также адвокатов. В связи с этим Конституционный Суд РФ 26 ноября 1998 г. принял определение о разъяснении своего постановления от 24 февраля 1998 г. Однако указанное определение не только не внесло ясность в соответствующий закон и постановление Конституционного Суда РФ, но и породило немало других вопросов, которые затруднили реализацию указанных актов. Так, в соответствии с п. 2 резолютивной части опре-

деления индивидуальные предприниматели, занимающиеся частной практикой нотариусы, а также адвокаты имеют право на зачет в счет будущих платежей сумм страховых взносов в Пенсионный фонд России, уплаченных с их заработка (дохода) за период с 1 января по 10 февраля 1997 г. Возникла первая проблема. Пенсионный фонд РФ не определяет доход по данной категории плательщиков, по предпринимателям не определяются доходы по дням и месяцам, кроме того, у этих работников выпадает месяц и 10 дней из трудового стажа по причине неуплаты страховых взносов.

В соответствии с п. 1 резулятивной части определения с плательщиков, указанных выше, страховые взносы в Пенсионный фонд за 1997 г. не могут быть взысканы, вместе с тем не подлежат перерасчету суммы страховых взносов в Пенсионный фонд названных категорий граждан за 1997 г., если они были внесены или взысканы до 24 февраля 1998 г., естественно, по тарифу 28%.

Проблема вторая заключается в том, что плательщики оказались не в равных условиях, из обязательного страхования превратилось в добровольное, нестраховой период исчисляется уже целым годом.

В соответствии с п. 3 резулятивной части определения предприниматели, нотариусы, адвокаты с 24 февраля до 24 августа 1998 г. обязаны были платить страховые взносы в размере 28% с последующим перерасчетом после установления другого тарифа на 1998 г. и с зачетом излишне уплаченных сумм в счет будущих платежей. В связи с этим возникла третья проблема. Такое разъяснение опровергает предыдущий вывод суда о добровольности уплаты взносов. Кроме того, само разъяснение крайне запоздало. О периоде с 1 января по 24 февраля 1998 г. в постановлении Конституционного Суда РФ вообще ничего не говорится.

В соответствии с п. 4 определения Конституционного Суда после 24 августа 1998 г. нормы страхового тарифа в размере 28% утрачивают силу. Можно взносы в Пенсионный фонд РФ не платить.

Проблема четвертая. Пенсионный фонд не может реализовать свои функции, вытекающие из основ федерального закона от 1 апреля 1996 г. "Об индивидуальном (персонифицированном) учете в системе государственного страхования", поскольку отсутствуют условия для назначения пенсий в соответствии с результатами труда каждого застрахованного лица (см. [87]).

Таким образом, реализация многих положений постановления Конституционного Суда РФ от 24 февраля 1998 г. оказалась невозможной даже после издания определения, специально разъясняющего данное постановление.

По срокам интерпретационные акты Конституционного Суда РФ в соответствии со ст. 80 закона подлежат реализации немедленно после опубликования либо вручения их официального текста, если иные сроки специально в актах не оговорены.

Указаны в законе и последствия невыполнения предписаний интерпретационных актов. Так, в соответствии со ст. 81 неисполнение, ненадлежащее исполнение либо воспрепятствование исполнению решения Конституционного Суда РФ влечет ответственность, установленную федеральным законом.

В новом УК РФ содержится специальная статья, предусматривающая наказание за неисполнение приговора суда, решения суда или иного судебного акта (ст. 315). То есть злостное неисполнение представителем власти, государственным служащим, служащим органа местного самоуправления, а также служащим муниципального учреждения, коммерческой или иной организации вступившего в законную силу акта Конституционного Суда РФ, а равно воспрепятствование исполнению данного акта является основанием для привлечения их к уголовной ответственности. В соответствии со ст. 315 УК РФ они могут быть наказаны штрафом в размере от 200 до 400 минимальных размеров оплаты труда или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от двух до четырех месяцев, либо лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до 5 лет, либо обязательными работами на срок от 180 до 240 часов, либо арестом на срок от 3 до 6 месяцев, либо лишением свободы на срок до 2 лет.

Однако, как говорят в России: “Гладко было на бумаге...”. Дело в том, что многие интерпретационные акты, принятые уже достаточно давно Конституционным Судом РФ, до сих пор по разным причинам не реализуются, порой демонстративно игнорируются*.

Например, 2 февраля 1998 г. Конституционный Суд РФ, рассмотрев запрос губернатора Нижегородской области о проверке конституционности пунктов 10, 12 и 21 правил регистрации и снятия российских граждан с регистрационного учета по месту пребывания и месту жительства, признал их не соответствующими Конституции РФ. Однако местные чиновники игнорировали данное решение. Мэр столицы заявил, что прописка в Москве все равно будет, сославшись при этом на

* Данный факт вынуждены признать и сами судьи Конституционного Суда РФ. Б.С. Эбзеев, например, пишет, что “механизм реализации решений Конституционного Суда, содержащих казуальное толкование норм Конституции, недостаточно отработан, особенно в системе федеративных отношений, и его “запуск” - в значительной мере результат доброй воли участников этих отношений” [91. С. 7].

особый статус города, что Москва будет переполнена и городской бюджет не выдержит нагрузки социальных выплат и т.п. По мнению Ю. Лужкова, проблема также заключается в том, что решение Конституционного Суда РФ в этой сфере не соответствует действующему законодательству, которое предусматривает разрешительный характер регистрации, а не заявительный, как того требует Суд. По словам мэра, закон был принят еще в марте 1996 г. Поскольку нет других соответствующих законов, то чиновники в Москве будут следовать этому правовому акту?! [42. 1998. 24 апр.].

Должным образом не исполняются постановления по делам о проверке конституционности отдельных положений конституций республик Татарстан и Башкортостан, уставов и законов ряда субъектов Российской Федерации. Какие должностные лица и какую юридическую ответственность должны в данном случае нести? Каким образом и каким органом должны привлекаться должностные лица к той или иной юридической ответственности? Кто должен осуществлять контроль за реализацией актов Конституционного Суда РФ: прокуратура, сам Конституционный Суд России, конституционные или уставные суды субъектов РФ, суды общей юрисдикции или представительные органы?

Одним словом, механизм реализации интерпретационных и иных актов Конституционного Суда РФ в достаточной степени пока не отработан и, без сомнения, требует пристального внимания как со стороны ученых-юристов, так и законодателей всех уровней.

В зависимости от природы интерпретационных предписаний и характера юридической деятельности нужно различать практику их соблюдения, исполнения, использования и применения. Например, путем *использования* (т.е. совершения дозволенных интерпретационными предписаниями действий) реализуется п. 4 постановления № 18 Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 22 октября 1997 г. “О некоторых вопросах, связанных с применением положений Гражданского кодекса Российской Федерации о договоре поставки” [62. 1998. № 3]. В нем говорится о том, что в связи с регулированием нормами ГК РФ договора поставки в качестве отдельного вида договора купли-продажи, а также признанием, утратившим силу, п. 6 постановления Верховного Совета РФ от 3 марта 1993 г. “О некоторых вопросах применения законодательства Союза ССР на территории Российской Федерации” арбитражные суды при разрешении споров *могут* применять правила Положения о поставках продукции производственно-технического назначения или Положения о поставках товаров народного потребления, которые не противоречат императивным нормам ГК РФ, если в договоре имеется прямая ссылка на конкретный пункт этих Положений, либо из

текста договора очевидно намерение сторон его применять. В указанных случаях правила Положений о поставках следует рассматривать как согласованное сторонами условие обязательства.

Путем *исполнения* реализуется ч. 2 п. 3 Постановления Конституционного Суда РФ от 27 апреля 1997 г. по делу о проверке конституционности отдельных положений ч.1 ст. 92 Конституции Республики Башкортостан..., где говорится, что до урегулирования вопроса о правовом статусе государственного языка (языков) Республики Башкортостан в надлежащем порядке правоприменительные органы *должны* обеспечивать в ходе избирательного процесса реализацию избирательных прав граждан в независимости от требований к знанию языка [42. 1998. 6 мая].

Реализация ч. 2 п. 6 постановления № 9 Пленума Верховного Суда РФ от 27 мая 1998 г. “О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами” осуществляется в форме *соблюдения*. То есть если органы предварительного расследования действия подсудимого, выразившиеся в приобретении или хранении без цели сбыта наркотических средств или психотропных веществ в крупном размере и их последующей перевозке, пересылке, квалифицировали не по совокупности преступлений, предусмотренных ч. 1 и п. “в” ч. 3 ст. 228 УК РФ, а только по п. “в” ч. 3 ст. 228 УК РФ, то суд *не вправе* в данном судебном заседании дополнительно квалифицировать содеянное по ч. 1 ст. 228 УК РФ [42. 1998. 10 июня].

Закрепляя приведенные выше праворазъяснительные предписания в соответствующих приговорах и иных индивидуально-конкретных и властных актах, суды и другие компетентные на то органы реализуют тем самым интерпретационные акты путем правоприменения.

В качестве субъектов соблюдения, исполнения и использования выступают все субъекты права: граждане и иностранцы, должностные лица, разнообразные государственные и негосударственные организации, законодательные и правоприменительные органы. На последние две группы субъектов следует обратить особое внимание: законодатели самых различных уровней порой забывают, что при издании законов и иных нормативно-правовых актов они должны свято соблюдать, исполнять и использовать не только действующие в обществе нормативно-правовые, но и интерпретационные предписания. Точно так же должны поступать судебные и следственные, прокурорские и иные правоприменительные органы при вынесении разнообразных правоприменительных решений.

Как определенной разновидности юридической практики реализации интерпретационных актов присущи все основные черты, которые характерны для юридической практики в целом и практики реализации права в частности (подробнее см. темы 4 и 8 настоящего курса). То есть здесь также речь идет об особой разновидности юридической деятельности, направленной на претворение юридических предписаний в жизнь, о складывающемся на ее основе опыте, о важнейшем компоненте правовой культуры и правовой системы общества, субъектах и участниках, объектах и средствах, способах и методах, иных свойствах и качественных характеристиках реализации интерпретационных актов. Вместе с тем практика реализации актов толкования, на наш взгляд, обладает рядом особенностей по сравнению с другими разновидностями юридической практики, в том числе и практики реализации права, которая требует относительно самостоятельного, комплексного и всестороннего исследования.

Список литературы

1. Словарь иностранных слов. М., 1954.
2. Savigny K.-F. System des heutigen römischen Rechts. В., 1840. В.1.
3. Васьковский Е.В. Руководство к толкованию и применению законов. Для начинающих юристов. М., 1913.
4. Регельсбергер Ф. Общее учение о праве. СПб., 1897.
5. Бласс Ф. Герменевтика и критика. Одесса, 1891.
6. Грязин Ч. Текст права; Опыт методологического анализа конкурирующих теорий. Таллин, 1983.
7. Герменевтика: история и современность (критические очерки). М., 1985.
8. Гусев С.С., Тульчинский Г.Л. Проблема понимания в философии. М., 1985.
9. Рикер П. Конфликт интерпретаций: Очерки о герменевтике. М., 1995.
10. Schleiermacher F.D.E. Hermeneutik. Heidelberg, 1959.
11. Черданцев А.Ф. Толкование советского права. М., 1979.
12. Лазарев В.В. Применение советского права. Казань, 1972.
13. Вопленко Н.Н. Официальное толкование норм права. М., 1976.
14. Суслов В.В. Герменевтика и юридическое толкование // Гос. и право. 1997. №6.
15. Шершеневич Г.Ф. Общая теория права: Учебное пособие: В 2 т. Т. 2. Вып. 2, 3, 4 (по изданию 1910 - 1912 гг.). М., 1995.
16. Карбонье Ж. Юридическая социология. М., 1986.
17. Судебная реформа: юридический профессионализм и проблемы юридического образования. Дискуссии. М., 1994.
18. Карташов В.Н. Юридическая деятельность: понятие, структура, ценность. Саратов, 1987.
19. Насырова Т.Я. Телеологическое (целевое) толкование советского закона. Казань, 1988.
20. Хабриева Т.Я. Толкование Конституции Российской Федерации: теория и практика. М., 1998.
21. Победоносцев К.П. Курс гражданского права: В 3 т. СПб. 1896. Т. 3.
22. Сарбаш С.В. Некоторые тенденции развития института договора в гражданском праве // Гос. и право. 1997. №2.
23. Общая теория права / Под ред. А.С. Пиголкина. М., 1995.

24. Пиголкин А.С. Толкование нормативных актов в СССР. М., 1962.
25. Спасов Б. Закон и его толкование. М., 1986.
26. Хабриева Т.Я. Правовая охрана Конституции. Казань, 1995.
27. Алексеев С.С. Общая теория права: В 2 т. М., 1982. Т.2.
28. Карташов В.Н. Введение в общую теорию правовой системы общества. Ярославль, 1995. Часть 1.
29. Латинская фразеология / Сост. Б.С. Никифоров. М., 1979.
30. Мудрость юриспруденции: краткая латинская фразеология / Сост. и комментатор А.Ф. Черданцев. Екатеринбург, 1996.
31. Дигесты Юстиниана. М., 1984.
32. Гредескул Н.А. К учению об осуществлении права. Интеллектуальный процесс, требующийся для осуществления права. Харьков, 1900.
33. Люблинский П.И. Техника, толкование и казуистика уголовного закона. Пг., 1917.
34. Аверьянов Н.А. Системное познание мира. М., 1985.
35. Судебная практика в советской правовой системе / Отв. ред. С.Н.Братусь, А.Б. Венгеров. М., 1975.
36. Общая теория права / Под ред. В.К. Бабаева. Н. Новгород, 1993.
37. Собрание законодательства Российской Федерации.
38. Джиффорд Д.Дж., Джиффорд К.Х. Правовая система Австралии. М., 1988.
39. Голунский С.А., Строгович М.С. Теория государства и права. М., 1940.
40. Kohler. Lehrbuch des bürgerlichen Rechts. 1906. Т. 1.
41. Кульчар К. Основы социологии права. М., 1981.
42. Российская газета.
43. Коркунов В.М. Лекции по общей теории права. СПб., 1909.
44. Краткий психологический словарь. М., 1985.
45. Казьмин И.Ф. Общие проблемы права в условиях научно-технического прогресса. М., 1986.
46. Элькин П.С. Толкование и применение норм уголовно-процессуального права. М., 1967.
47. Научно-практический комментарий к Конституции Российской Федерации /Отв. ред. В.В. Лазарев. М., 1997.
48. Общая теория права и государства / Под ред. В.В. Лазарева. М., 1994.
49. Фаткуллин Ф.Н. Проблемы теории государства и права. Казань. 1987.
50. Карташов В.Н. Применение права. Ярославль, 1986.

51. Карташов В.Н. Институт аналогии в советском праве. Саратов, 1976.
52. Уголовное право Соединенных Штатов Америки: Сборник нормативных актов. М., 1985.
53. Губаева Т.В. Словесность в юриспруденции: Дис. ... д-ра юрид. наук. Казань, 1996.
54. Язык закона / Под ред. А.С. Пиголкина. М., 1990.
55. Власенко Н.А. Язык права. Иркутск, 1997.
56. Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР. 1924-1973. М., 1974.
57. Сборник постановлений Пленумов Верховных Судов СССР и РСФСР (Российской Федерации) по уголовным делам. М., 1997.
58. Сборник постановлений Пленумов Верховных Судов СССР и РСФСР (Российской Федерации) по гражданским делам. М., 1997.
59. Сборник постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации 1961-1996. М., 1997.
60. Формальная логика. Л., 1977.
61. Кириллов В.А., Старченко А.А. Логика. М., 1982.
62. Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации.
63. Черданцев А.Ф. Теория государства и права: Курс лекций. Екатеринбург, 1996.
64. Челпанов Г.И. Учебник логики. М., 1994.
65. Общая теория государства и права: Академический курс: В 2 т. / Под ред. М.Н. Марченко. Том 2. Теория права. М., 1998.
66. Кузнецов В.Г. Герменевтика и гуманитарное познание. М., 1991.
67. Хвостов В.М. Система российского права: Учебник. М., 1996.
68. Карташов В.Н. Введение в теорию правовой системы общества. Ярославль, 1996. Часть 2.
69. Сабо И. Социалистическое право. М., 1964.
70. Комиссаров К.И. Задачи судебного надзора в сфере гражданского судопроизводства. Свердловск, 1971.
71. Алексеев С.С. Проблемы теории права: Курс лекций: В 2 т. Т.2. Свердловск, 1973.
72. Хартли Т.К. Основы права Европейского Сообщества. М., 1997.
73. Карташов В.Н. Принципы права (некоторые аспекты понимания и классификации) // Юридические записки ЯрГУ. Ярославль, 1999. Вып. 3.
74. Пиголкин А.С. Толкование норм права и правотворчество: проблемы соотношения // Закон: создание и толкование. М., 1998.

75. Митрофанов Ю.А. Толкование закона в Великобритании и его нормативное регулирование // Там же.
76. Рене Давид. Основные правовые системы современности. М., 1988.
77. Ленин В.И. Полн. собр. соч.
78. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1986.
79. Философский энциклопедический словарь. М., 1983.
80. Вопленко Н.Н. Социалистическая законность и применение права. Саратов, 1983.
81. Фридмэн Л. Введение в американское право. М., 1983.
82. Бюллетень Верховного Суда РФ.
83. Соцуло Л.В. Неофициальное толкование норм российского права. М., 1996.
84. Карташов В.Н. Введение в общую теорию правовой системы общества. Ярославль, 1997. Часть 3.
85. Карташов В.Н. Сферы и пределы действия правоприменительных актов // Юрид. записки Яросл. гос. ун-та. Ярославль, 1998. Вып. 2.
86. Туманов В.А. Судебный контроль за конституционностью нормативных актов // Сов. гос. и право. 1988. №3.
87. Вестник отделения Пенсионного фонда РФ по Ярославской области. 1998. Декабрь.
88. Северный край.
89. Кряжков В.А. Проблемы компетенции конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации // Гос. и право. 1998. №9.
90. Прякина Т.М., Эбзеев Б.С. Рец. на кн.: Т.Я. Хабриева. Толкование Конституции Российской Федерации: Теория и практика. М.: Юрист, 1998. 245 с. // Государство и право. 1998. N 12.
91. Эбзеев Б.С. Толкование конституции Конституционным Судом Российской Федерации: теоретические и практические проблемы // Гос. и право. 1998. №5.
92. Тарасова В.В. Акты судебного толкования норм права: понятие, юридическая природа, виды // Вопросы теории государства и права: Актуальные проблемы современного российского государства и права: Межвуз. сб. науч. трудов. Саратов, 1998. Вып. 1 (10).
93. Трубецкой Е.Н. Энциклопедия права. СПб., 1998.
94. Витрук Н.В. Конституционное правосудие. Судебное конституционное право и процесс: Учебное пособие для вузов. М., 1998.

Содержание

Тема 9. Интерпретационная практика в правовой системе общества.....	5
9.1. Понятие интерпретационной практики.....	5
9.1.1. Исходные предпосылки изучения проблемы.....	5
9.1.2. Понятие и основные признаки интерпретационной практики	10
9.1.3. Основания интерпретационной практики	17
9.2. Структура интерпретационной практики.....	20
9.2.1. Понятие и виды структур интерпретационной практики	20
9.2.2. Содержание интерпретационной практики: интерпретационная деятельность и опыт толкования	22
9.2.3. Формы интерпретационной практики	41
9.2.4. Интерпретационная техника и тактика.....	45
9.3. Типы (виды, подвиды) интерпретационной практики.....	64
9.4. Принципы интерпретационной практики	73
9.5. Цели (задачи) и функции интерпретационной практики	79
9.6. Акты официальной интерпретационной практики... ..	89
9.6.1. Понятие интерпретационного акта	89
9.6.2. Структура интерпретационного акта.....	94
9.6.3. Типы (виды, подвиды) интерпретационных актов.....	97
9.6.4. Сферы и пределы действия интерпретационных актов	103
9.6.5. Реализация интерпретационных актов	117
Список литературы.....	124

Карташов Владимир Николаевич

**Введение в общую теорию
правовой системы общества**

Часть 4

Интерпретационная юридическая практика

Текст лекций

Редактор, корректор А.А. Аладьева
Компьютерная верстка Л.А. Кузьмичевой

Лицензия ЛР N 020319 от 30.12.96

Подписано в печать 26.12.98. Формат 60х84/16.
Бумага белая писчая N1. Печать офсетная.
Усл. печ. 7,4. Уч.-изд. л. 6,6. Тираж 300 экз.
Заказ

Оригинал-макет подготовлен
редакционно-издательским отделом
Ярославского государственного университета
150000 Ярославль, ул. Советская, 14

Отпечатано на ризографе.
ТОО НПП “Траст”, г. Ярославль, ул Свободы, 97.

Для заметок